

Михайло Гутор

**Я не плакала від страху, я вила в цьому пеклі:
історії тих хто вижив в Бабиному Яру**

Національний історико-меморіальний заповідник «Бабин Яр»

Київ-2021

Бабин Яр – символ Голокосту

*Їх тисячі лягло у Бабин Яр глибокий,
і трамбували їх у тім яру, кати...
топтали їх тіла... Ридали хмари: «доки?»...
Схиляли злякані голівоньки цвіти...*

Володимир Сосюра

Під час німецької окупації Києва у 1941—1943 роках Бабин Яр став місцем масових розстрілів німецькими окупантами мирного населення і радянських військовополонених; євреїв та циган — за етнічною ознакою, а також партійних та радянських активістів, підпільників, членів Організації Українських Націоналістів, заручників, «саботажників», порушників комендантської години, пацієнтів психіатричної лікарні та інших.

Трагічною подією в історії Бабиного Яру стали масові акції по знищенню єврейського населення міста Києва 29-30 вересня 1941 р. Із середини жовтня 1941 р. до кінця вересня 1943 р. Бабин Яр був місцем регулярних розстрілів, які проводились окупаційною владою.

28 вересня 1941 р. на вулицях міста з'явилося повідомлення, надруковане трьома мовами, відповідно до якого «Наказується всім жидам міста Києва і околиць зібратись в понеділок дня 29 вересня 1941 року до год. 8 ранку при вул. Мельника – Доктерівській (коло кладовища)...».

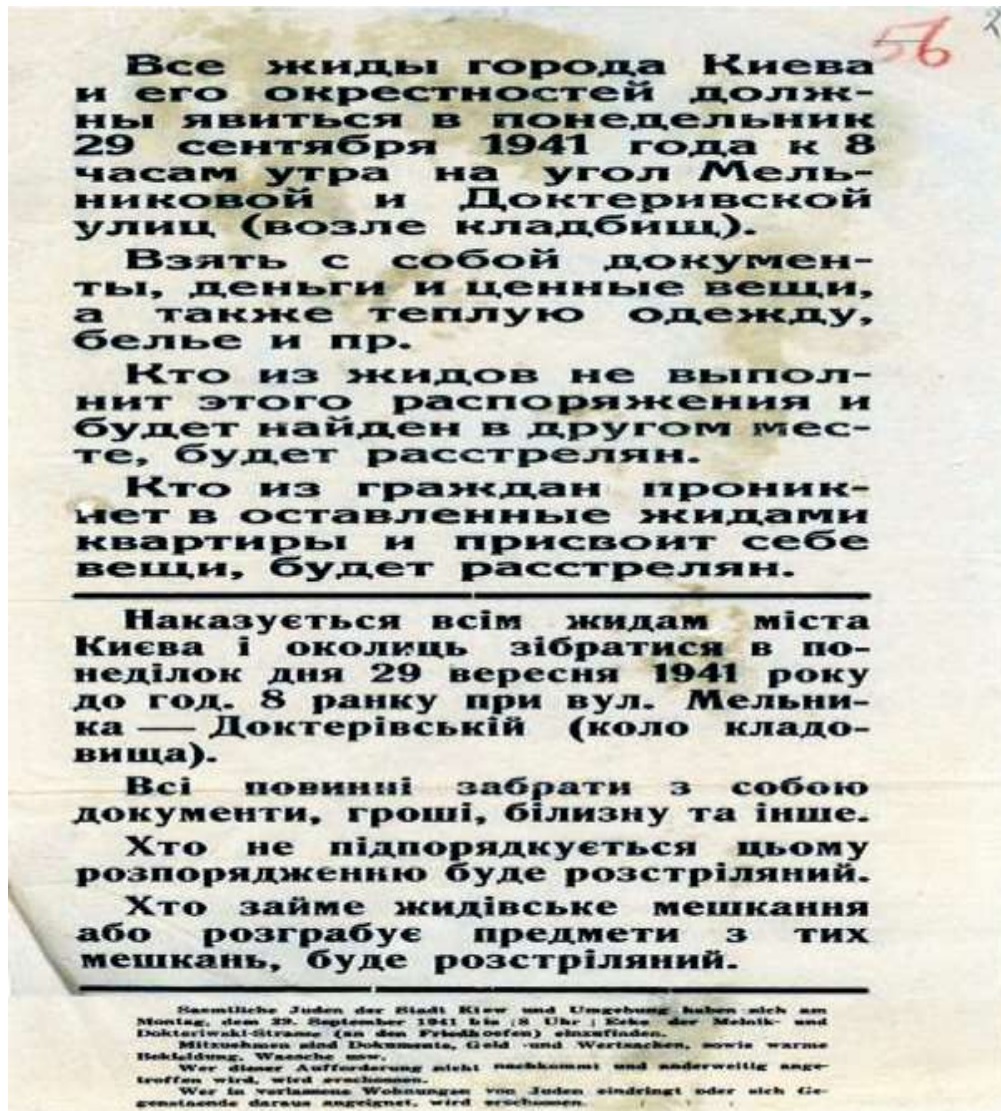
Маршрут, яким вели людей на розстріл, описаний багатьма свідками і є загальновідомим: він пролягав безпосередньо до Бабиного Яру трасами сучасних вулиць Мельникова та Дорогожицької, які під час окупації називалися Дорогожицькою і Лагерною.

Як стало відомо пізніше, 2 жовтня 1941 р. Гейдріх, керівник головного управління імперської безпеки, отримав «Доповідь про оперативну обстановку в СРСР № 101»¹, яка містила короткий опис діяльності «айнзатцгрупи С» в

---

¹Государственный Архив Российской Федерации, ф. 7445, оп. 2, д. 138, л. 269. Цит. по: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985, док. № 155, с. 257. 2. Доклад об оперативной обстановке № 101, СССР.

Бабиному Яру. У доповіді повідомлялося: «Зондеркоманда 4-а» з допомогою «айнзатцгрупи НГ» та двох підрозділів полку поліції «Південь»² (45 і 303 батальйонів поліції «Polizei-Bataillon» порядку³) ліквідувала 33 771 єврея у період з 29 по 30 вересня 1941 р.».

Листівка з оголошенням про обов'язковий збір усіх євреїв м. Києва та його околиць 29 вересня 1941 р.⁴

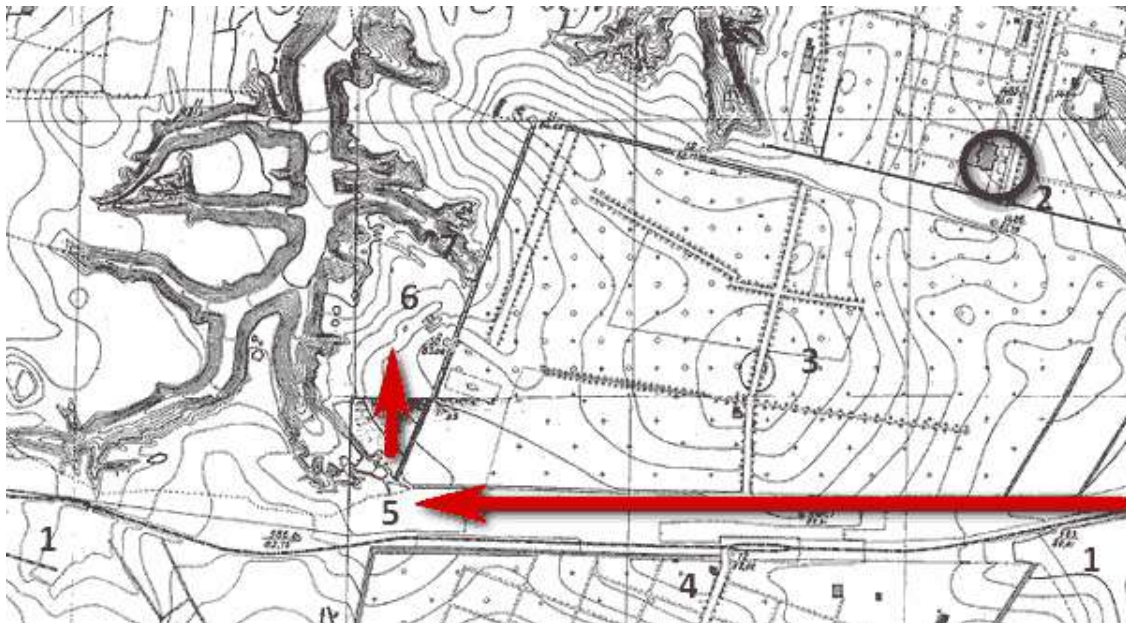
² Nuernberg Military Tribunal Volume IV «The Einsatzgruppen Case».

³ John R. Angolia / Hugh P. Taylor: Uniforms, Organization & History of the German Police Volume.

⁴ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 121, арк. 2.

Кияни йдуть у Бабин Яр, 29 вересня 1941 р.⁵

Галявина, на якій відбувався передостанній акт трагедії, знаходилася в 100-150 метрах від перехрестя Дорогожицької та теперішньої Оранжерейної

Цифрами показані: 1-1 - залізничні колії на Лук'янівку, 2 - Будинок контори Єврейського цвинтаря, 3 - Воїнський цвинтар, 4 - Лук'янівський цвинтар, 5 - місце перехрестя теперішньої Оранжерейної та Дорогожицької вулиць, 6 - галявина, на якій роздягали жертв перед розділом, 7 - відріг яру. Топографічний план Києва, 1924 р.

⁵ Видавництво «Варто» Електронний ресурс// – Режим доступу:
<http://news.bigmir.net/capital/775319-Kiev-pod-nacistami--rasstrely-evreev-i-ljutyj-komendant--ChAST--3>.

В своїй книзі «Бабин Яр: Книга пам'яті» І. М. Левітас пише: «Розстріли продовжувалися два роки. За цей час були знищені десятки тисяч людей різних національностей: євреї, українці, росіяни, цигани. До речі, циган розстріляли в перші ж дні окупації, одразу після євреїв: три куренівські табори. Розстрілювали за Кирилівською церквою, там же на Куренівці. Було їх майже 100 чоловік. А останніх циган розстріляли перед самим звільненням Києва: 12 кибиток, які намагалися виїхати з Києва».⁶

У різних публікаціях даються різні цифри загальної кількості знищених у Бабиному Яру — приблизно від 70 тисяч до 200 тисяч осіб. У 1946 році на Нюрнберзькому процесі наводилася оцінка близько 100 тисяч осіб, згідно з висновками Державної Надзвичайної комісії для розслідування нацистських злочинів під час окупації Києва⁷ (додаток 15.).

Члени Державної Надзвичайної комісії в Бабиному Яру. 1943-1944 рр.

Особливість війни нацистської Німеччини та Радянського Союзу полягала в тому, що більшість її жертв загинуло не на полі бою і не зі зброєю в руках. Серед загиблих у збройному конфлікті переважали цивільні євреї та

⁶ Левитас І. М. Бабий Яр: Книга пам'яті. – К: Изд-во «Сталь», 2005. – С. 11. – 570 с.

⁷ Нюрнберзький процес. Сборник матеріалів под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, І.Т. Никитченко. - М.: Государственное издательство юридической литературы. Т.1. - 1954. - 988с.

радянські військовополонені. За роки Другої світової війни, за різними обчисленнями, понад 5 млн.⁸ радянських військовополонених потрапило в полон, з-поміж них 57% померло від голоду, хвороби та виснаження.⁹

Військовополонені червоноармійці під конвоєм німецьких солдат засипають землею ділянку Бабиного Яру, де лежать тіла громадян розстріляних нацистськими окупантами. Київ, початок жовтня 1941 р.¹⁰

Червоноармійці в німецькому полоні становили не лише найчисельнішу групу, вони виявилися ще й першими жертвами нацистської політики «війни на

---

⁸ За даними російських істориків у полон потрапило 4,5 млн червоноармійців (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общей ред. канд. воен. наук, проф. А.В. Гурьянова – М. 2001. – С. 239, 453–460.) За даними німецьких дослідників, за весь час бойових дій з СРСР у полоні Вермахту опинилося 5,7 млн радянських військовослужбовців (Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945/ Christian Streit. – Neuausg. – Bonn, 1991. – S. 136). Різницю у цифрах можна пояснити відсутністю єдиного підходу в методиці обчислення та використання архівних документів.

⁹ Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941-1945 / Christian Streit. – Neuausg. – Bonn, 1991. – S. 136.

¹⁰ ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-239888. Автор: Йоганнес Геле (Johannes Hähle), фотограф 637-го загону 6-ї армії Вермахту.

знищення». Наприклад, убивства в Бабиному Яру почалися з розстрілів там полонених євреїв та комісарів Червоної армії¹¹.

Військовополонені Червоної Армії біля Києва¹²

Колони виснажених, обдертих полонених червоноармійців із київського «котла» з перших днів окупації стали звичним явищем на вулицях Києва, а в топоніміці міста з'явилося багато місць, пов'язаних з їх примусовим утриманням та працею.

---

¹¹ В. Нахманович, аналізуючи початок масових розстрілів у Бабиному Яру, на основі свідчень киян, німецьких донесень за вересень 1941 р. встановив, що радянські військовополонені були першими жертвами (Нахманович В. Расстрелы и захоронения в районе Бабьего Яра во время немецкой оккупации г.Киева 1941-43. Проблемы хронологии и топографии // Бабий Яр: человек, власть, история. Кн.1. С. 94-96.).

¹² Т. Пастушенко Табори для радянських військовополонених у Києві, 1941 – 1943 рр. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/zabuti-zertvy-viynu/1275-tetiana-pastushenko-tabory-dlia-radianskykh-viiskovopolonenykh-u-kyievi-1941-1943-rr>

Сирецький концентраційний табір – створений нацистськими окупантами навесні 1942 р. на околиці Києва на території радянських Сирецьких військових таборів київського гарнізону. Був огорожений 3-ма рядами колючого дроту зі струмом високої напруги та вежами, в'язні жили у виритих ними землянках. Зовнішню охорону табору здійснював 23-й штурмбатальйон СД, комендантом табору був штурмбанфюрер СС Пауль-Отто фон Радомські.

У таборі утримувалися підпільники, партизани, євреї, приречені на смерть військовополонені, одночасно понад 3 тис. осіб. Окремо з вересня 1942 в таборі утримувалися жінки.

В'язнів використовували на важких роботах всередині табору (корчуванні дерев, будівництві бараків, часто – безглузких зручаннях) та в місті, харчування

Пауль Радомські

було мізерним, вони пухли з голоду. Майже кожен день у таборі знищували хворих та слабких.

Влітку 1943 почалася евакуація табору, в'язнів вивозили до інших концтаборів або на примусові роботи до Німеччини, частину в'язнів було залишено для різних робіт у Києві, у т. ч. окрема група (понад 300 осіб) упродовж серпня-вересня 1943 брала участь у відкопуванні та спаленні трупів із Бабиного

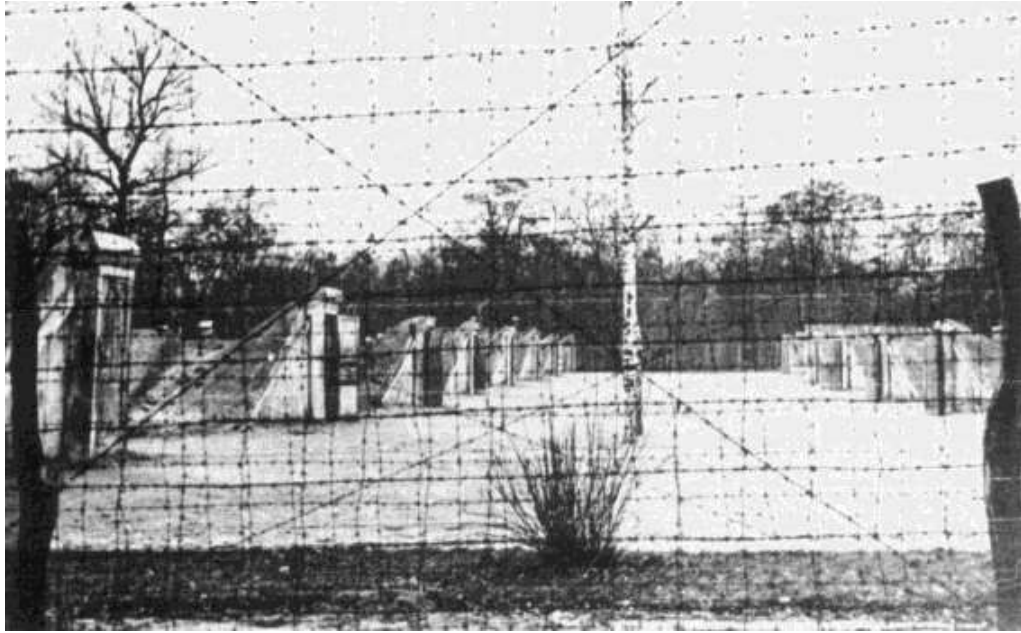
Яру.

Роботи почалися 18 серпня й закінчилися 28 вересня 1943 р. Керував ними штурмбанфюрер СС Е. Тонхайде (свідки називають його Тонайде) – один з безпосередніх учасників розстрілів 29-30 вересня 1941 р. Охорону здійснювала спеціальна 1005-а частина, укомплектована винятково офіцерським і унтер-офіцерським складом.

Що стосується жертв репресій, яким вдалося вижити, то серед них виділяються три категорії. По-перше – це євреї, що врятувалися в період масових розстрілів. По-друге – це колишні в'язні Сирецького концтабору. По-третє – це

вцілілі учасники спалювання трупів у Бабиному Яру, частина з яких також пройшла через Сирецький концтабір.¹³

Загальний вигляд Сирецького концтабору. 1943 р¹⁴

Залишки печей в Бабиному Яру. Київ, 1943 р.¹⁵

¹³ Евстафьева Т., Нахманович В. Р. Бабич Яр: человек, власть, история. – К., 2001. – С. 67-68.

¹⁴ ЦДКФФАУ, од. зб. 0-4196.

¹⁵ ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-4253

Я не плакала від страху, я вила в цьому пеклі: історії тих хто вижив в Бабиному Яру

"Уже всі говорять, що євреїв вбивають. Ні, не вбивають, а вже вбили. Усіх, без розбору, старих, жінок, дітей. Ті, кого у понеділок повернули додому, вже також розстріляні... Чи було колись щось подібне в історії людства? Ніхто і вигадати не зміг би нічого подібного. Я не можу більше писати. Неможна писати, неможна намагатися зрозуміти, тому що від усвідомлення того, що відбувається, ми божеволіємо...». **Ірина Хорошунова 2 жовтня 1941 р.**

Баташева Геня Яківна

(1924-1999)

Ольга Луцєєва дружила зі своєю ровесницею – єврейкою Генею Баташевою. Вони жили на вул. Тургенівській, 46. Дівчатка мріяли про майбутнє, але війна перевернула все в їх долях.

29 вересня Оля проводжала на Сирець сім'ю Баташевих: Геню, її матір, сестру Лізу і брата Григорія. З ними йшла ще одна сусідська родина: Пальті Гіта

Марківна з дітьми Марією, Абрамом і Поліною.

Ввечері того ж дня Оля почула стукіт у вікно і побачила Геню Баташеву і Марію Пальті. Ольга впустила їх до квартири, і дівчатка знеможені впали на підлогу. Вони розповіли, що всіх їх рідних розстріляли, а вони зуміли обдурити німців, завіривши, що вони не єврейки.

В сім'ї Луцєєвих дівчатка прожили місяць, а потім сусід Микола Арсентійович Сорока, підпільник з групи Кудряшова, відправив їх до лінії фронту. З неймовірними труднощами Геня і Маня перейшли лінію фронту. В тилу не цуралися різних робіт. Після визволення Києва батьки дівчаток повернулися з фронту. Невдовзі до Києва приїхали і обидві подруги.

Кінематографісти і журналісти, розповідаючи про злочинства нацистів в Бабиному Яру, показували подруг як живих свідків трагедії. Обидві стали героїнями фільмів «Бабин Яр – уроки історії» (1981), «Шолом, мир вам» (1990), «Дорога завдовжки в півстоліття» (1991), документальної повісті Софії Черняк «Вічний слід».

Всім рятівникам Гені Баташевої і Марії Пальті 1992 року присвоєні звання «Праведник Бабиного Яру» і «Праведник народів Світу». Їх рятівниця Ольга Рожченко 2006 р. нагороджена орденом "За заслуги" III ступеня.

Ольга Захарівна Рожченко у складі групи Праведників відвідала Ізраїль, де їй присвоїли звання Почесного громадянина.

З протоколу допиту в КДБ у якості свідка Г. Баташевої, яка врятувалася від розстрілу у Бабиному Яру: *«В районі перетину вулиць Мельника і Пугачова нас взяли під конвой гітлерівські автоматники і назад по вул. Мельника вже нікого не випускали. Чи були на тій ділянці будь-які штучні бар'єри, я не пам'ятаю. Ми йшли далі по вул. Мельника, по обидва боки доріг стояли гітлерівці і вимагали здавати речі і цінності. Люди кидали рюкзаки, валізи, сумки і йшли далі. Ми також кинули свої сумки з речами. З боку Бабиного Яру вже виразно чути було автоматні черги. Нас гнали з вулиці Мельника вліво повз військового кладовища по вул. Кагатній (нині - Сім'ї Хохлових), потім вправо по вул. Дорогожицькій між Лук'янівським і Військовим кладовищами.*

Я добре пам'ятаю, що тоді по обидва боки вул. Дорогожицької були густо насажені молоді дерева, а між ними стояли гітлерівці – озброєні автоматами і палицями, багато хто був з собаками. В кінці території кладовищ людей гнали вправо уздовж Бабиного Яру, де був збудований як би живий коридор з автоматників, і всі мимоволі потрапляли на велику рівну площадку. Хто намагався ухилитися в бік, того жорстоко били палицями і цькували собаками.

Били людей і безпричинно, нам весь час доводилося ухилитися від ударів. Минуло багато років, а я без жаху не можу згадати того кошмару, який проходив на майданчику. Це було пекло в повному розумінні цього слова. У краю майданчика було піднесення, а між ними вузькі проходи, що ведуть в яри, в яких фашисти знищували мирних радянських громадян. На цьому майданчику гітлерівці зривали з людей одяг і напівроздягнених гнали до місця страти. Люди бігали з одного місця на інше як збожеволілі, в суцільний гул зливалися крики приречених і автоматні черги. Я не зовсім розуміла, що зі мною відбувається, і де втратила свою матір, сестру і брата. У цій метушні я зустріла чотирнадцятирічну дівчинку з нашого двору Маню Пальті, з якою взялися за руки і стали разом шукати порятунку. Ми підійшли до одного з катів і стали пояснювати йому, що ми не євреї і в Бабин Яр потрапили чисто випадково з цікавості. Він підвів нас до офіцерів, які стояли біля легкової автомашини, і став їм щось пояснювати. Незабаром один з гітлерівців жестом вказав нам, що можна сісти в автомашину, що ми і зробили. Шофер прикрив нас якийсь одягом і поїхав у напрямку до центру міста.

Шофер вивіз нас на вул. Мельника і відпустив, кілька днів ми пробули у своїх знайомих, а потім за порадою Сороки пішли до лінії фронту. 2 листопада 1941 в р-ні м Чугуєва Харківської області нам вдалося перейти лінію фронту, і до Києва я повернулася в 1946 р.

Наскільки я пам'ятаю, ніякої реєстрації приречених на смерть, ні на яких етапах гітлерівці не вели, люди йшли суцільним потоком, їх ніхто не рахував. Скільки людей було знищено 29 вересня 1941 року мені не було відомо».¹⁶

---

¹⁶ Протоколу допиту Баташевої Гені Яківної. 15 липня 1980 р. ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1, арк. 227–228. Оригінал. Машинопис.

Ольга Рожченко, Ілля Левітас і врятована Геня Баташева¹⁷

Дашкевич Раїса Генріхівна (1916-2004)

(Когут Рахіль Генахівна)

Велика сім'я Бондаренків жила на Подолі недалеко від синагоги – на вул. Щекавицькій, 41. Їхня донька Людмила Чехова дружила з єврейкою Рахіллю (Раїсою) Генріхівною Дашкевич, з якою працювала в парку культури і відпочинку «Березовий гай» на Куренівці. Чоловіка Рахилі призвали до армії. З трирічним сином вона жила на Сталінці, на вул. Совській, 12. Тут же жили і дві її сестри з дітьми, чоловіки яких теж воювали. Була у неї і молодша сестра 12 років. Евакуюватися сім'ї з 12 чоловік, що мала шість малюків, було складно. 29 вересня 1941 року ще жевріла надія, що кудись відправлятимуть. Але коли біля кладовища наказали роздягатися і забрали документи, всі зрозуміли – це кінець. Рахіль тримала на руках малюка. Ще до пострілу вона впала в рів і знепритомніла. Лежачи на трупах, вона приходила до тями, чула гавкіт собак, відчувала холодне тільце своєї дитини під собою і важкість трупів на собі. Сильний холод і страшний біль в голові і у всьому тілі примусили її ворушитися. Вона стала поволі виповзати. В тому місці яр виявився не дуже крутим. Чіпляючись за чагарники і траву, вона опинилася вгорі. Скривавлена, дісталася до найближчого будиночка, побачила на порозі стареньку і знову знепритомніла¹⁸ (додаток 1.).

¹⁷ Фото з поточного архіву Всеукраїнської єврейської Ради

¹⁸ Фонд НІМЗ «Бабин Яр» Спогади врятованої Дашкевич Раїси. Фонд НІМЗ «Бабин Яр». Спогади Бондаренко Наталії Остапівної Праведника народів світу, Праведника Бабиного Яру.

Три страшні дні невідомий рятівник ховав Рахіль в льосі, виходжував, поїв травами, дав їй одяг. Опам'ятавшись, Рахіль залишила будиночок. Куди йти? Місто стало чужим і страшним. Люди, яких вона ще недавно вважала друзями, лякалися її вигляду. Одні і на поріг не пускали, інші годували, давали одяг і скоріш випроводжали. Всіх скував страх. Залишалася надія на подругу Людмилу. Її батько, Іван Андрійович, ще за Громадянської війни рятував у себе в будинку єврейські сім'ї від погромів. Рахіль пішла на Поділ до подруги. Тут її прийняли і обігріли. Ризикуючи життям своїх трьох дітей, сім'я ділилася з нею останнім шматком хліба, ховала під час облав. Назвали її Раїсою. Іван, молодший брат Людмили, дістав довідку, що Раїса – українка. Членам сім'ї неодноразово доводилося ходити до поліції і підтверджувати її удавану національність. Людмила з дружиною Івана, Анастасією, ходили глухими селами міняти речі на продукти. Часто, вже під Києвом, поліцаї забирали все, що вони виміняли. Перед самим звільненням Києва німці оголосили Поділ закритою зоною, і сім'я Бондаренко разом з Раїсою пішла на вул. Дорогожицьку, де тулилася в підвалі контори єврейського кладовища до приходу Червоної Армії. Пішли не всі. Коли поліцаї виганяли всіх з дому, старенькі встигли сховатися в підвалі. Івана Андрійовича поліцай ударив багнетом в живіт, а у Марії Фролівни гноїлася рана на нозі. Рятувало Раїсу те, що вона була блакитноокою блондинкою, не схожою на єврейку. Після війни Раїса Дашкевич працювала бібліотекарем, вийшла заміж за Давида Григоровича Зільмана. Пережила в молодості давалося взнаки: Раїса перенесла шість порожнинних операцій і не могла мати дітей. 1944 р. вона переїхала до США і жила в Нью-Йорку.¹⁹

Всій родині Бондаренко 1992 року присвоєні звання «Праведник Бабиного Яру» і «Праведник народів Світу» (додаток 2.). Наталія Чехова удостоєна звання «Почесний громадянин Ізраїлю». До цієї країни їй було запрошено 1994 року, де їй віддали належні почесні. 2002 року вона пішла з життя.

Н. В. Чехова

М. Ф. Бондаренко

---

¹⁹ Фонд НІМЗ «Бабин Яр». Спогади врятованої Дашкевич Раїси. Фонд НІМЗ «Бабин Яр».

Пальті (Грінберг) Марія Зусівна (1929-2004)

«Я не плакала від страху, я вила в цьому пеклі, то було справжнє пекло!»

Усна історія Марії Зусівни Грінберг, у дівочтві Пальті, була записана 2 серпня 1994 року в Києві та передана до архіву Вашингтонського музею Голокосту в березні 1995 р.²⁰ Це інтерв'ю є набагато коротшим, записане спочатку вдома у Марії Зусівни, а потім на вулиці біля місця, де жили їхні родини, та дорогою до самого Бабиного Яру. Це неперервний запис, що триває близько однієї години: Марії Грінберг було дуже складно говорити, вона стисло розповідає про свою родину, про батька, який був дуже побожною людиною. Коли інтерв'юер питає про початок війни та можливість евакуації, оповідачка починає говорити про війну та Бабин Яр.

У перші дні війни батько Мані був мобілізований на фронт, і перед від'їздом він сказав матері, щоб вони їхали з Києва. Проте настрої серед євреїв були такі, наголошує оповідачка, що німців не надто боялися, бо ж у Першу світову німці нічого поганого євреям не робили. Але на час окупації Києва у їхньому дворі залишилися лише кілька єврейських родин, з-поміж них і сім'я Гені Баташової. Матері Мані і Гені, дружили, і оповідачка говорить, що її мама постійно говорила «поїдемо звідси», а Геніна відповідала – «треба почекати».

29 вересня їхні родини пішли у напрямку, вказаному в оголошенні. В усній історії М. Грінберг нема тих подробиць, які містить оповідь Гені Баташової, вона дає більш загальну панораму того, що відбувалося дорогою до Бабиного Яру та на місці страти. Жінка стверджує: люди думали, що їх евакуюють, вивезуть за межі Києва; ці чутки пускали самі німці, і їм вірили і євреї, і ті, хто прийшов їх проводити. Далі в її оповіді практично одразу з'являється вулиця Мельникова, початок кладовища і розуміння того, що відбувається, адже вже було чути постріли: *«Люди навколо... деякі проводжали, які стояли дивилися, і вони теж вірили, що кудись євреїв вивезуть. А ось коли вже почали підходити до вулиці Мельникова, ближче до кладовища, там вже люди розуміли, з чим це пов'язано, тому що чутні були постріли, ви розумієте, люди вже зрозуміли, що вони приречені, тому що... Так чому задні не пішли назад, не повернулися?»*

А вони не могли! Там вже стояли шеренги німців з автоматами, і ось ці “западенці-чорносотенці-поліцаї”, і в чорній формі, з палицями, вони вже не пускали нікого. Це вже агонія почалася, вони вже почали заганяти людей, задні, безумовно, втекли б кудись, але їм не дали такої можливості, вже люди йшли не організовано, а кидали ось ці вози, ось цих старих і літніх, ви розумієте, і ось це манаття, яке вже нікому не потрібне було. Ось я, минуло п'ятдесят три роки, але я досі не розумію, якийсь провал у пам'яті, як я лишилася одна і чому я лишилася одна, я йшла з мамою, я йшла з братиком і сестричкою, а ось куди вони

²⁰ Марія Грінберг (Пальті). USHMM, код інтерв'ю RG-50.226*0012, 02 серпня 1994 р.

поділися, або навпаки, – десь відстала, не можу пояснити це. Так нас усіх загнали у Бабин Яр.

Я була роздягнена, і мабуть, я стояла недалеко в полі зору, я думаю, що це був перекладач, от заплющу очі, і якщо б мені його показали тодішнього, я б його відразу впізнала, це був хлопець, росіянин або українець, не знаю, в цивільному одязі, і... я, мабуть, стояла в полі зору, недалеко від нього, що він, очевидно, звернув на мене увагу, я роздягнена була, з біленькою косою, і він, мабуть, у мені не впізнав єврейку, я не плакала від страху – я вила в цьому пеклі, це було справжнісіньке пекло. І раптом я почула в цьому пеклі якесь людське слово, він мене запитав: “Дівчинко, як ти сюди потрапила?”. І тут я схопила його руку, і мене досі здається, що ніяка б сила не відірвала мою руку від його руки, я так тремтіла, він мене запитав, як я сюди потрапила, він став мене гладити по голові, говорить: “Ти заспокойся, тебе вивеземо додому”».

Саме в цей момент, за словами М. Грінберг, вона побачила Геню Баташову. «У цій метушні, – згадує Геня Баташева, – я зустріла чотирнадцятирічну дівчинку з нашого двору Маню Пальті, з якою взялися за руки і стали разом шукати порятунку. Ми підійшли до одного з катів і стали пояснювати йому, що ми не євреї і в Бабин Яр потрапили чисто випадково з цікавості. Він підвів нас до офіцерів, які стояли біля легкової автомашини, і став їм щось пояснювати. Незабаром один з гітлерівців жестом вказав нам, що можна сісти в автомашину, що ми і зробили. Шофер прикрив нас якийсь одягом і поїхав у напрямку до центру міста. Шофер вивіз нас на вул. Мельника і відпустив, кілька днів ми пробули у своїх знайомих, а потім за порадою Сороки пішли до лінії фронту. 2 листопада 1941 в р-ні м Чугуєва Харківської області нам вдалося перейти лінію фронту, і до Києва я повернулася в 1946 р.»²¹

Праведниця Ольга Рожченко і врятована Марія Грінберг (Пальті)²²

²¹ Протоколу допиту Баташової Гені Яківної. 15 липня 1980 р. ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1, арк. 227–228. Оригінал. Машинопис.

²² Фото з поточного архіву Всеукраїнської єврейської Ради

Бородянська-Книш Олена Юхимівна (1916-1982)

Ткач (Книш) Людмила Василівна (1936-2002)

Вже стемніло, коли 29 вересня Олена Юхимівна Книш (Бородянська) з п'ятирічною донькою Людою прийшли до Бабиного Яру. Їх чоловік і батько, Василь Гусев, росіянин, помер ще до війни. Людмила пам'ятає, як їх з матір'ю розділи: з Олени Юхимівни зняли каблучки і сережки, забрали документи. Пам'ятає яскраве світло прожекторів, колючий дріт. Бачила як фашисти вбили молоду жінку і старого чоловіка. Мати вмовляла Люду не плакати. Вночі німці почали збирати приречених для розстрілу. Олена Юхимівна в темноті під час переполоху стрибнула з донькою до яру і прикрила її собою. За мить на них стали падати трупи і поранені. Потім настала тиша. Незабаром привели нову партію в'язнів, знову лунали постріли і знову падали трупи. Олена Юхимівна побачила, що хтось ходить по трупах. Це німець доколював живих багнетом. Він став їй на спину, але вона мовчки стерпіла біль. Коли фашист пішов і запанувала тиша, вона вилізла з-під трупів, витягла знепритомнілу Люду і пішла Кирилівським яром²³ (додаток 3.).

Врятовані при розстрілу в Бабиному Яру Шеля Поліщук і Людмила Ткач. Бабин Яр, 1989 р.

²³ З протоколу допиту свідка Книш Є. Є. про масовий розстріл нацистами єврейського населення м. Києва, 2 березня 1944 р. З фондів ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 22-24

Четверо діб вони провели в підвалі цегляного заводу. Потім тиждень жили в сім'ї Литвиненків, а потім пішли до інших знайомих (на жаль, багатьох прізвищ Людмила не пам'ятає).

Литвиненко Валентина

У листопаді Олена Юхимівна знайшла Валентину Литвиненко, з якою до війни працювала кондуктором в трамвайному депо ім. Красіна. Місяць вони з донькою залишалися у Валі на вул. Фрунзе, 37. Олена не була схожа на єврейку, а маленька Люда вільно говорила українською. Але в Києві ставало все небезпечніше, почастишали облави, і Олена з донькою дісталися до села Миньківці Сквирського р-ну Київської області, де оселилися в порожньому будинку. Навпроти – подвір'я сім'ї колгоспників Михайла і Лукерії Григоренків. Вони і три їх доньки – Лідія, Ольга і Марія – ділилися з Оленою Юхимівною одягом, допомагали продуктами. Під час облав дівчатка ховали Олену з донькою в льосі. Так вони жили аж до визволення села, а 1944 року повернулися до Києва. Олена зі своєю рятівницею працювала там же, в депо. Сестри Григоренко залишилися в колгоспі. Лідія виростила шістьох дітей, Ольга – чотирьох. Врятована Людмила Василівна Ткач (Книш) працювала контролером-охоронцем позавідомчої охорони Печерського району Києва. Згодом вона з сім'єю проживала у США, де й померла 2002 р. Всім рятівникам Олени Юхимівни та її доньки присвоєні звання «Праведник Бабиного Яру».²⁴

Вид місця розстрілу в Бабиному Яру. Київ, 1943 р.²⁵

²⁴ І. М. Левітас «Бабин Яр: трагедія, історія, пам'ять». – К.: 2005. - С.-187. – 618 с.

²⁵ З фондів ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-4250

Майстренко (Лимарева) Раїса Вадимівна

Петро Олександрович і Тетяна Іванівна з сином Вадимом, його дружиною Цилею Мирівною (Ковкіна) і онуками Валентином і Расєю жили на вул. Саксаганського, 131. Петро Олександрович працював техніком, Тетяна Іванівна була домогосподаркою. Вадим Лимарев пішов на фронт. Його батьки не пускали невістку Цилю в так звану «евакуацію» євреїв 29 вересня. Але вона все-таки зважилася і узяла з собою трирічну доньку Раю. *"А хто я - не знаю, і українка, і єврейка ... Але єврейська сім'я була проти шлюбу мами з моїм батьком, і ми не спілкувалися. Я ніколи не бачила мамину рідню. Але 29 вересня дідусь Меєр, а він був візником, на підводі, з усіма родичами приїхав до нас у двір нас забирати. Жили ми тоді на а Саксаганського, кут Комінтерну в 131 номері. І ось ось тоді я в перший раз побачила "великий кагал", як моя бабуся казала", - згадує Раїса.*

Батьки батька - Петро і Тетяна Лимареві хотіли залишити невістку у себе, але дід Меєр наполіг на від'їзді. *"Він сказав:" Що ти, Циля, будеш одна з двома дітьми?". Мама думала навіть взяти з собою мого зведеного брата Валю, сина батька від першого шлюбу. Перша дружина мого батька померла від туберкульозу, коли йому було дев'ять місяців, а мама вийшла потім заміж. Так дідусь каже: "Ти, Циля, їдь з Расєю, а потім напишеш лист і я привезу тоді тобі Валентина". Так що всі думали, що буде евакуація кудись, в гето або хто його знає. Тоді ще про гето не згадували, слова такого не знали. Кудись нас евакуювати будуть. Там же залізниця, вузькоколійка, думали, будуть вантажити і відвозити. Ніхто не думав, що на розстріл. Усі взяли теплі речі, нібито будуть евакуювати".*

Раїсу посадили разом з іншими дітьми на підводу, а українська бабуся Тетяна Іванівна пішла проводити невістку з онукою. *"Там дітей було багато, люди похилого віку, бабусі, жінки молоді, в загальному, багато було дуже. Не знаю, хто з них родичі, хто просто сусіди, але було дуже багато. Дорослі здорові жінки пішки йшли, за підводу просто трималися, а люди похилого віку і діти на підводі були. Спочатку їхали, але потім підвода кудись поділася - може, німці реквізували. І я пам'ятаю себе сидячою під білою стіною. Це вже потім мені чоловік сказав, що це стіна стадіону "Старт". Ця стіна там єдина, де я могла сидіти. я пам'ятаю, що дуже хотілося їсти, а навколо мене були банки з варенням, закриті газетами і перев'язані ганчірочками, і я намагалася дістатися до варення. Пам'ятаю, що сиділа одна - бабуся з мамою пішли дивитися, як вели рабинів на розстріл. Ми не знали, куди їх ведуть, але вони були в нижній білизні, закривавлені. Зрозуміло було, що не на добро вже це*

буде. Я їх бачила. Я їх називала "білими дідусями", тому що вони були, по-перше, у віці, сиві, і в нижній білизні - кальсони і сорочка. Навіть один дідусь мені запам'ятався на все життя. У нього була відірвана борода і кров стікала по бороді".

Від стадіону вже йшли пішки. Бабуся несла Раю на руках. "Коли ми вийшли по Керосинній в район Лук'янівського кладовища, там траншея була і дошки, і нас по цим дошкам заганяли палицями, прикладами на п'ятачок, там де військове кладовище і цивільне кладовище, вихід з Керосинної. На цьому п'ятачку людей сортували: жінок з грудними дітьми вантажили в машини, а з маленькими дітьми, які могли ходити, в колону будували. На цьому п'ятачку був шум, гам - кудись мама поділася, кудись родичі поділися ... а я у бабусі Тані на руках. Бабуся весь час хрестилася і кричала: "я росіянка, я росіянка". Підійшов поліцей і каже: "Чого кричиш? Тут всі жиди". Розмахнувся, хотів мені голову розбити. Бабуся плече підставила, він розбив їй плече, кров потекла. Вона впала разом зі мною, підійшов німець, бабусю за комір підняв разом зі мною і штовхнув в натовп. Бабуся побігла, збожеволіла вже від болю, і вона хреститься, кричить: "я росіянка, я росіянка". Люди почали розступатися, вона на край колони підійшла. Яюсь так вийшло, що поліцаї були на відстані, десь посередині, і бабуся кинулася бігти в сторону Лук'янівського кладовища по діагоналі так. Вона бігла, забігла на кладовище, бігла до тих пір, поки вистачило сил. Потім звалилася між могилами. Над нами, я добре пам'ятаю, шелестіли куці і бабусин шепіт: "тихіше, тихіше, тихіше". Боялася, щоб я не кричала, щоб нас не знайшли. Так ми до ранку просиділи, а вранці пішли шукати дорогу додому. Ще дівчинка з нами побігла, десь років 12 їй було. Бабуся її потім відвела на Сталінку. Вона каже - у мене родичі на Сталінці, тому проведіть мене. І бабуся потім її провела, коли пішли ми додому".

Коли Рая з бабусею Танею повернулися додому, ніхто їх не видав німцям. Про облави попереджали заздалегідь, і їм вдавалося сховатися в зруйнованих сараях у дворі. "У нас два величезних семиповерхових будинки. І у дворі всі знали, що бабуся притягла мене, як то кажуть, з Бабиного Яру, але ні двірник, який зобов'язаний був видавати, ніхто з жителів, не видав. У нас дуже дружний двір був. Ось коли облави були вже на протязі двох років окупації, то нас з дідусем попереджали і ми в підвал ховалися. І ось там цікава історія в підвалі була. Там раніше сараї були, а залишилися одні вибоїни. а вибоїни від того, що німці, коли приходили з облавою, вони не спускалися, світла не було там, вони кидали гранати, стріляли, якщо хто живий, так щоб убити. І ми в цей підвал сховалися з дідусем – у вибоїни, які залишилися від гранат, там биті цегла, скло. Зайшли німці, я добре пам'ятаю, на сходинки, до підвалу далеко не заходили. З сходинок, кидали пару гранат і поливали з автоматів чергою. Ми сховалися з дідусем в різних вибоїнах. Дідусь каже: "Якщо що, хоч хтось залишиться живий". Голову ми опустили, і ні мене, ні дідуся не зачепили. Потім

тихо стало. Я підняла голову. Там віддушина, і в віддушину видно чобіт кований. Потім чобіт пішов, а мені ж цікаво спостерігати "кіно", дивлюся – особа здалося, потім обличчя пішло і - дуло автомата, і я нахилилася і наді мною чергу. Ось так ми рятувалися від облав. А зазвичай не ховалися. Що, хіба видно, що я єврейка? Ні. З братом ми бігали, з дітьми у дворі. Ніхто не видавав, ніхто. Я так міркую, але, може, мої міркування неправильні, може бути, тому, що дідусь був пічником, а що таке пічник під час війни? Це перша людина. Він печі клав чудово. І навіть після війни він відновлював кахельні печі в Маріїнському палаці. Він дуже був великим фахівцем, хоч три класи церковно-приходської школи закінчив".

Раїса Майстренко тільки в 1991 році зважилася внести ім'я своєї матері, Цилі, в Книгу пам'яті жертв Бабиного Яру. Після чого її бабуся стала Праведницею народів світу.

"Я ж не рідна внучка їй була, вона прийомна мати батька. Завдяки їй і дідусь я залишилася жива. Тільки бабуся Праведниця, євреї вирішили, що раз дідусь рідний, значить повинен був рятувати, а вона .. вона була свята людина!"²⁶

Батько Раї не повернувся з фронту, і бабуся з дідусем виховували дівчинку до повноліття, видали заміж, дочекалися правнуків. Її рятувниці і Тетяні Іванівні Лимаревій, посмертно присвоєні звання «Праведник Бабиного Яру» і «Праведник народів Світу» (додаток 4.).

Петро і Тетяна Лимарєви

---

²⁶ РІА Новини Україна Бабий Яр. Раїса Майстренко: я вижила в цьому аду [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://rian.com.ua/interview/20160929/1017026459> (відвідано 07.06.2021 р.)

Екель Яків Петрович (1923-1991)

Яків Екель – єврей, що зумів вижити і дав свідчення КДБ 28 липня 1980 р.: «З вул. Мельника потік громадян прямував вліво на вул. Дорогожицьку, потім по цій вулиці до кінця території Лук'янівського і Військового кладовищ, і потім вправо, уздовж урочища Бабин Яр. На цій ділянці гітлерівці стояли в два ряди щільно один до одного і створили ніби живий коридор, по якому суцільним потоком гнали приречених на смерть громадян. На тій місцевості я залишився з батьком, мати і бабуся опинилися десь попереду. Тепер точно не пригадаю місце, але на одній із ділянок було безліч дрібних прияроків, вимитих дощовими струмками, і тут охоронці стояли далі один від одного. Skorиставшись цим, батько зіштовхнув мене в один із прияроків, і сам пішов за мною. Яром ми вибралися на кладовище, де дочекалися глибокої ночі й потім пішли в село до татового будинку. Там через кілька днів батько був затриманий гітлерівцями і розстріляний, а я деякий час переховувався у знайомих, потім у січні 1942 року перейшов лінію фронту і був призваний до Радянської Армії»²⁷ (додаток 5.).

Переховували Яківа Екеля після втечі з Бабиного Яру: Чайка Панас Антонович Чайка (Люлька) Федора Феодосіївна Чайка Віктор Панасович.

Родина Чайки проживала на околиці Києва – вул. Великій Мостицькій, 22, в приватному будинку. Панас Антонович працював в будівельній бригаді, Федора Феодосіївна – швачкою на фабриці ім. Смирнова-Ласточкина. Син Віктор вчився в школі. Сім'я мала город, тримала корову. Панас Антонович з 30-х років працював на будівництвах разом з Петром Яковичем Екелем. Їх сім'ї дружили, ходили одна до одної в гості, разом відпочивали. 29 вересня Петро Екель разом з вісімнадцятирічним сином Яковом зуміли втекти з Бабиного Яру і наступного дня пробралися до друзів на Велику Мостицьку. Петро Якович, залишивши сина, через три дні пішов до села Поліське, що знаходилося недалеко від Києва, де був схоплений поліцією і розстріляний. Яшу Екеля, не дивлячись на небезпеку, майже місяць ховали в сараї і на сіннику. У будинок забирали тільки на нічліг. В кінці жовтня 1941 року Яків пішов з Києва і три місяці бродив по селах. Лише 20 січня 1942 року хлопцю вдалося перейти лінію фронту і вступити до лав Червоної Армії. Після війни Яків Екель закінчив медичне училище, працював зубним техніком в лікарні станції Дарниця. З дружиною, Цилею Яківною Матусовською, виростили синів Петра і Олександра. 1991 року він помер. Віктор Чайка, який став другом Якову, працював кореспондентом газети «Радянський спорт». Йому і його батькам 1992 року були присвоєні звання «Праведник Бабиного Яру» і «Праведник народів Світу». 1993 року Віктор Панасович з

²⁷ Архів СБУ, фонд 7, серія 8, справа № 1, с. 231–234,

делегацією Єврейської ради України відвідав Ізраїль. 1995 року він був удостоєний звання «Почесний громадянин Держави Ізраїль».²⁸

**Чайка Афанасій Антонович, Віктор Чайка,
Федора Феодосіївна Чайка.**

Віктор Чайка

Афанасій і Федора Чайкіни²⁹

---

²⁸ І. М. Левітас «Бабин Яр: трагедія, історія, пам'ять». – К.: 2005. - С.-244. – 618 с.

²⁹ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://righteous.yadvashem.org> (відвідано 08.06.2021 р.)

Пронічева (Вассерман) Діна Миронівна

(1911-1977)

Діна Миронівна народилася у Чернігові. У юності переїхала до Києва.

1932 року вийшла заміж за Віктора Пронічева. Мала доньку Лідію (1938 р.н.) та сина Володимира (1940 р.н.). Працювала у Київському центральному театрі ляльок.

На початок війни проживала разом із чоловіком та дітьми на вулиці Воровського, 41. Неподалік, на вул. Тургенєвській, 27, мешкали батьки, брати та сестра.

Брати пішли на фронт.

29 вересня 1941 року, слідуючи німецькому наказу, вирушила разом із батьками та сестрою у Бабин Яр. У Бабиному Ярі їй спершу вдалося переконати німців, що вона українка і потрапити у групу людей, які випадково потрапили туди. Проте вже увечері 29 вересня надійшов наказ розстріляти цих людей як свідків розстрілів. Ще до того, як по ній почали стріляти, впала з урвища на тіла загиблих і вдавши з себе вбиту, впродовж трьох днів намагалася вийти за межі Бабиного Яру. На третій день їй вдалося сховатись у сараї, однак господиня, виявивши її, повідомила про це німців і Діна Пронічева вдруге потрапила у Бабин Яр. Однак цього разу вона серед інших полонених була посаджена у вантажівку, однак у районі Шулявці Діні Пронічевій та її подрузі, Любові Шамін, вдалося втекти. Опісля вони переховувалися у дружини двоюрідного брата Діни Пронічевої, а потім перебралися у Дарницю.

У грудні 1941 року вона забрала до себе сина, а 23 лютого 1942 року була заарештована гестапо. В той же період був заарештований її чоловік, згодом його розстріляли. Діна Пронічева майже місяць пробула у в'язниці і була врятована поліцаєм, який насправді був партизаном.

Після другої втечі працювала у театрі, часто тікала з міста через загрозу викриття. Остаточо повернулася у Київ після звільнення міста. У 1944 році знайшла у дитячих будинках обох дітей³⁰ (додаток 6.).

Після завершення війни, у січні 1946 року, виступила свідком на Київському процесі, коли судили та стратили ряд німецьких офіцерів. За двадцять років, у 1968-му, — у Дармштадті, у Німеччині, де проходив суд над

---

³⁰ Стенограма спогадів Пронічевої Діни Миронівни про катування та знущання нацистськими окупантами єврейського населення у Бабиному Яру м. Києва. 24 квітня 1946 р ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 1-21

колишніми службовцями зондеркоманди 4А, які уникли вироку в Нюрнберзькому процесі. Тоді їхні адвокати хотіли почути живих свідків розстрілів у Бабиному Яру, сподіваючись, що таких немає. *«Йї було важко там перебувати, її ледь вмовили туди поїхати, – згадує син Діни Пронічевої Володимир, – з нею постійно була охорона, КДБісти. Вона — єдина людина, яка на свої очі бачила увесь той жах у Бабиному Яру».*³¹

Сімох офіцерів засудили від чотирьох з половиною до п'ятнадцяти років ув'язнення.

У повоєнні роки також працювала артисткою у Театрі ляльок. Вийшла заміж за колегу по театру Григорія Афанасьєва. Мешкала у тому ж будинку, що і до війни.

У 1960-х роках свідчила про події осені 1941 року, збиралася разом із небайдужими у Бабиному Яру, весь час підтримувала зв'язки із колишніми в'язнями Сирецького концтабору. Діна Пронічева стала символом мужності та незламності. Окрім неї з Бабиного Яру вдалося врятуватися лише 28 особам.

Діна Пронічева виступає свідком на Київському процесі, коли судили та стратили ряд німецьких офіцерів. Січень 1946 року. Фото <https://uk.wikipedia>.

---

31 «Я складаю цю історію, неначе мозаїку». Рідні жертв Бабиного Яру про пам'ять і встановлення пам'ятників [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://hromadske.ua/posts/ya-skladayu-cyu-istoriyu-nenache-mozayiku-ridni-zhertv-babinogo-yaru-pro-pamyat-i-vstanovlennya-pamyatnikiv>

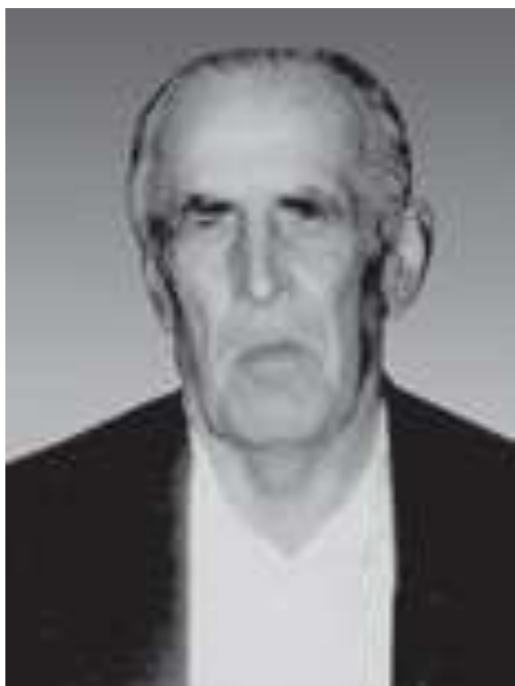
Штейн Рувим Ізраїлевич (1926-2003)

Рувим Штейн з матір'ю Рахілью Михайлівною і шестирічною сестрою Марією жили на вул. Китаєвській, 14. Рахіль Михайлівна була робітницею на взуттєвій фабриці, Рувим навчався в школі № 122. 29 вересня 1941 р. всі вони йшли з колоною до Лук'янівського кладовища. Не доходячи 250-300 м, люди зупинилися: німці відлічували по 100 чоловік і групами відводили за кладовище. Відбирали документи, цінності і речі, потім знімали верхній одяг і скидали його у величезну купу.

В Яру загинули сестра та мати. Перед смертю мати крикнула «Біжи». *« Мене схопили за комір і – в колону, де були чоловіки, підлітки і люди похилого віку, які могли йти. До групи з 100-150 чоловік. І ми колоною пішли пішки до Бабиного Яру... З перших кроків шляху я став шукати можливість втекти з колони. Але як? Колону конвоювали озброєні гітлерівці. Коли до Яру залишилося не більше 300 метрів – крики і постріли вже були чутні, я непомітно вискочив з колони в кювет, проліз у водостічну трубу під шосейною дорогою і заліз. Не знаю, як мені вдалося заскочити в неї, тому що вибратися звідти я не міг довго: був худий, але труба і зовсім вузька. Просидів в ній до глухого вечора, все чекав, коли перестануть йти колони з конвоїрами. Боявся собак: раптом мене учують і розриють. Але, напевно, їм вистачало інших людських запахів... Коли колони стали проходити рідше, виліз на протилежну сторону дороги і через старий цвинтар і городи вийшов на околицю міста, а вночі проник до себе додому. Цілий тиждень я не виходив з квартири і тільки після того як почув, що хтось намагається зовні відкрити двері, з другого поверху через балкон спустився по водостічній трубі і втік. І більше додому не повертався».*³²

Потім перехувувала сім'я Бобровських. Всій сім'ї Бобровських 1992 року присвоєно звання «Праведник Бабиного Яру» і «Праведник народів Світу». У жовтні 1943 року Рувима призвали до армії. У боях за звільнення Прибалтики він був важко поранений, потрапив в полон і був звільнений в травні 1945 року. 1946 року Рувим демобілізувався і оселився у родичів в Баку, де трудився ливарником. 1951 року повернувся до Києва, закінчив Інститут фізкультури і працював вчителем в своїй же школі № 122. Став відмінником народної освіти України, одружився, виростив трьох дітей та онуків.

³² Рувим Штейн: "Я выжил только потому, что, погибая, мама крикнула мне: "Беги!" А я не мог послушаться..." [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://fakty.ua/223082-ruvim-shtein-ya-vyzhil-tolko-potomu-chto-pogibaya-mama-kriknula-mne-begi-a-ya-ne-mog-oslushatsya> (відвідано 08.06.2021 р.)

М.Д. Бобровський

М.Д. Бобровський

О.Д. Бобровська

М.О. Бобровська

Неся Ельгорт

"Неся Ельгорт, яка проживала на вулиці Саксаганського № 40, ішла до обриву, притискаючи до голого тіла тремтячого сина Іллюшу. Всі близькі і рідні її загубилися в натовпі. З сином на руках вона підійшла до самого краю обриву. Одурманена, вона почула стрілянину та передсмертні крики і впала. Але кулі не влучили в неї. На її спині та голові лежали ще гарячі, закривавлені ноги, руки. Навколо купую одне на одному лежали сотні й тисячі вбитих. Старі – на дітях, дитячі тільця – на мертвих матерях", – це спогад вцілілої у Бабиному Яру Несі Ельгорт, він – лише одне із сотень свідчень, зібраних у книзі. "Мені зараз важко усвідомити, яким чином я виповзла з цього яру смерті, – згадує Неся, – але я виповзла, очевидно, інстинкт самозбереження гнав мене. Увечері я опинилася на Подолі, біля мене був син Іллюша. Воістину, не можу зрозуміти, яким дивом він врятувався. Син ніби зрісся зі мною і не відривався від мене ні на секунду".³³

Таужнянський Сергій Сергійович

«До початку війни з фашистською Німеччиною я з матір'ю проживав в місті Києві, по вулиці Тропініна. Мати працювала в Подільській поліклініці лікарем-бактеріологом, я вчився в школі. Евакуюватися ми не встигли і залишилися проживати в Києві. Всі події, що відбувалися в перші дні окупації гітлерівськими військами міста Києва, чітко збереглися в моїй пам'яті, не дивлячись на те, що мені тоді було 12 років. 19 вересня 1941 року фашистські війська вступили в місто Київ, а приблизно через тиждень по місту на стінах будинків та інших будівель були вивішені оголошення. У них пропонувалося всього єврейського населення міста з необхідною кількістю одягу, цінностями і документами, а також з триденним запасом їжі зібратися в районі вулиці Мельника. За неявку на збірний пункт загрожувала кара - розстріл. Так було записано в оголошенні. Серед дорослих обговорювалося це оголошення. Одні говорили, що зібрався нібито відправлять на залізничний вокзал, а звідти до Ізраїлю. Інші говорили, що будуть відправляти кудись на роботу, але толком ніхто нічого не знав.

Моя мати за національністю була єврейкою, і вирішила йти разом з усім єврейським населенням міста Києва. Зібравши з матір'ю в два великих рюкзака по парі змінної білизни і трохи були вдома сухарів, ми вийшли на подвір'я. Пам'ятаю, що у двір також вийшли сусіди, які не встигли евакуюватися, і

³³ Зібрання свідчень про Голокост Черная Книга. I. – М.: СП «Интербук», 1991. – С. 23. – с. 272

проводили нас за ворота...Якась жінка дала мамі невеликий хрестик з ланцюжком, вона повісила мені його на шию. Попереду чулися автоматні черги, крики людей. Хто не хотів йти до місця страти або в істеричі благав про помилування, того фашисти били або цькували собаками. Вже йдучи в бік яру, мати встигла крикнути: «Сергію, біжи», а сама в натовпі повільно пішла вниз в яр, в якому німці розправлялися з ні в чому не винними радянськими громадянами. Я став кидатися на всі боки, не знаючи, що робити, але незабаром помітив окремо стояв від оточення солдата, і став просити його, пояснювати, що я не єврей, а українець, потрапив абсолютно випадково і в підтвердження показав хрестик. Після невеликого роздуму німець вказав на порожню господарську сумку, що валялася неподалік і жестами наказав збирати в неї радянські гроші, які вітром розносило від місця, де роздягали приречених. Назбиравши повну сумку, я приніс їх солдату. Він велів заховати гроші під купу одягу, а самому відійти на невеликий горбок, сісти і нікуди не йти, що я і зробив. Потім солдат велів сісти в машину. На Саксаганського офіцер мене відпустив»³⁴ (додаток 7.).

Левіна Діна Аркадіївна

Коли німці увійшли до Києва, Діні ще не виповнилося й 14-ти. Вона була єдиною дитиною в сім'ї. Батька забрали в армію до війни, а мама, її звали Кларою, працювала службовцем на заводі до самого приходу гітлерівців.

Запис спогадів: <https://iwitness.usc.edu/sfi/Global/Portal.aspx?pid=b01c07cb-b05b-4793-8368-185d884862af>

---

³⁴ 70 лет трагедии Бабьего яра: из сотен тысяч спаслось 29 человек [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://domik.ua/novosti/70-let-tragedii-babego-yara-iz-soten-tysyach-spaslos-29-chelovek--n139884.html> / З протоколу допиту КДБ як свідка С. Таужнянського, який врятувався від розстрілу в Бабиному Яру 20 травня 1980 року. ДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1. арк. 123-128 Оригінал. Машинопис. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://old.archives.gov.ua/Sections/Babyn_Yar/GDA_SBU/index.php?18#photo

Сидько Михайло Петрович

Народився в 1936 р. в Києві. Інженер-хімік, заслужений раціоналізатор СРСР, винахідник. Емігрував до Ізраїлю 2000 року.

Я БУВ СВІДКОМ РОЗСТРІЛУ У БАБИНОМУ ЯРУ³⁵

«В Наприкінці серпня 1941 німці постійно бомбили Київ, особливо залізничний вокзал.... Ми жили в трьох кварталах від вокзалу, на якому стояв поїзд з біженцями. В цьому поїзді повинна була евакуюватися вся наша сім'я. Батько Петро Андрійович перебував в цьому поїзді з заводом в одному вагоні, мама Коган Берта - і ми, четверо дітей: старший брат Гриша - 1928 р.н., сестра Клара 1938 р.н., маленький братик Володя чотирьох місяців і я Міша - були в іншому вагоні цього поїзду. Раптом старший брат Гриша згадав, що він забув випустити голубів з голубника, вискочив з вагона і побіг додому. В цей час поїзд почав від'їжджати, мама виштовхнула інших дітей з вагона, вискочила сама, і поїзд пішов. Ми повернулись додому. За дні, які ми провели в вагоні, нашу квартиру пограбували. Мама від переживань і труднощів важко захворіла. Всі турботи про сім'ю взяв на себе старший брат Гриша, якому було 13 років.

Німці увійшли до Києва 19 вересня 1941 року. Одночасно прибула команда 4А айнзацгрупи С, в складі 50 чоловік. На її рахунок вже числилося 15 тисяч розстріляних євреїв. Розстріли в Києві почалися з перших днів окупації. 28 вересня 1941 року, в Києві було розклеєно 2 тисячі оголошень російською, українською та німецькою мовами: "Всі жиди міста Києва і околиць повинні з'явитися в понеділок 29 вересня 1941 р до 8 години ранку на кут вулиць Мельниківської і Дегтярної (біля кладовища) . Взяти з собою документи, цінні речі, а також теплий одяг і білизну. Хто не виконає цього розпорядження, буде розстріляний». До 29 вересня в Києві сконцентрувалося величезна кількість есесівців і поліцейських. Вони були виконавцями розстрілів 29-го і 30-го вересня.

У понеділок ранку 29 вересня 1941 роки мама збрала нас, і ми пішли на місце, вказане в наказі. По дорозі сусіди переконали маму не йти до місця збору, оскільки чоловік - українець і діти українці. Чутки про те, що німці вбивають євреїв, вже поширювалися в місті. Ми повернулись додому.

Але 30-го вранці двірничка Лушка привела до нас німців, і нас погнали до Бабиного Яру. Коли наша колона виявилася в накопичувачі, мене і Гришу з колони в бік витягнув німецький офіцер, де вже стояли під охороною поліція такі ж, як ми діти. Несподівано для нас поліцай вигукнув: «розбігайтесь». Ми кинулися

³⁵ Я був свідком розстрілу у Бабиному Яру [Електронний ресурс]. – Режим доступу <http://www.lost-childhood.com/shkola-vyzhivaniya/115-mikhail-sidko> (відвідано 09.06.2021 р.)

бігти в різні боки. Поліцай спочатку вистрілив в повітря, а потім убив двох хлопців, решта втекли. Мама, сестра Клара і маленький братик Володя загинули в Бабиному Яру.

Пізніше я дізнався, що за два дні німці й поліцаї розстріляли в Бабиному Яру більше 33000 євреїв. Ми з Грицем прибігли додому, але через тиждень двірничка Лушка знову здала нас поліції. В гестапо, на вулиці Короленка 15 нас кинули в підвал, там було багато старих євреїв, комуністів, полонених червоноармійців - всі ледь живі після допитів. Люди стійко несли тяготи. Коли вони розуміли, що їх ведуть на розстріл, вони віддавали свою їжу тим, хто поки залишався жити. Це були справжні герої.

Перекладачем в гестапо був наш сусід - фольксдойч Іван Іванович. Він сказав німцям, що ми з братом українці, і нас відпустили.

Настала зима - холод і голод змусив нас красти вугілля на товарній станції, яким ми топили і який мінjali на хліб. Однак, скільки не кради, все одно попадешия. Ми і попалися. Привели нас в жандармерію на вокзалі, а звідти на Короленка 15, в гестапо, звідки нас переправили на Короленка 33 в службу безпеки СД, а звідти в табір смерті «Сирець», розташований поруч з Бабиним Яром. Там було шість бараків - землянок для дорослих чоловіків, один жіночий і один дитячий під назвою «Притулок». З цього «Притулку» мене перевели на Солом'янку до філії якогось медичного закладу, де над нами, дітьми, проводили медичні дослідження - спочатку мені заморозили ноги, а потім лікували, на пахвову область лівого плеча посадили енцефалітного кліща, робили якісь уколи. Коли витягали кліща, зробили великий розріз, який не гоївся два роки. Взимку 42-43 року Гриша втік з «Притулку» і ховався в довколишніх селах, іноді відвідував мене.

Галина і Софія Криворот

На третьому поверсі нашого будинку жили Софія Кіндратівна Криворот - Бакланова з 16-річною дочкою Галею. У їх квартирі не було опалення, як і в усьому будинку. Побачивши дим, що йде з труби, виведеної з кімнати в підвалі, вони прийшли до нас і залишилися з нами жити. Під час облав Софія Кіндратівна говорила, що ми її діти, а Галя, - що ми її брати. Вкриваючи нас, євреїв, вони ризикували життям.

Пізніше, в 2000 році я з дітьми емігрував до Ізраїлю і подав заяву в інститут Яд Вашем з проханням про присвоєння Софії Кіндратівні і її дочці звання «Праведник народів світу». У 2004 році Почесне звання «Праведник народів світу» було присвоєно Галині Елізарівній і Софії Кіндратівній (помертно).

Трубаков Захар Абрамович (1912-1998)

Народився в 1912 році в багатодітній (шестеро дітей) єврейській родині. Батько кравцював, мати господарювала по дому. Сім'я переїхала в Київ наприкінці 1912 року. У 1922 році помер батько. З 1925 року Захар почав працювати.

У 1940 році отримав посаду майстра по холодній та гарячій обробці металу на Київському заводі № 225. У 1941 році, після початку Німецько-радянської війни, з наближенням німців до української столиці завод був евакуйований. Сам Трубаков залишився в Києві у зв'язку з тяжкою хворобою дружини та дворічною дочкою на руках.

У вересні 1941 році німецькі війська окупували Київ, а в лютому 1943 року Трубаков був відправлений в Сирецький концтабір, до якого примикав простір Бабиного Яру (складаючи з ним єдиний комплекс). Німці зробили все можливе, щоб знищити докази злочинів у Бабиному Яру. Захар, що знаходився в ув'язненні, разом з іншими в'язнями декілька місяців відкопував та спалював під наглядом німецьких охоронців трупи розстріляних євреїв. У жовтні 1943 року Трубаков разом з ще шістьма ув'язненими зумів зробити успішну втечу з табору смерті³⁶ (додаток 8.).

Після війни він продовжував жити в Києві, а 25 листопада 1990 року переїхав в Ізраїль, де жив у місті Рішон-ле-Ціон до самої смерті в 1998 році.

В 1997 році в Тель-Авіві була видана документальна повість Захара Трубакова "Таємниця Бабиного Яру". Вашій увазі уривок з епілогу, цитата: *«Свою розповідь про долі хочу почати з тих, хто зумів врятуватися і вирватися з неволі. Перше слово про невідомого шофера, який один втік з Бабиного Яру... Звати його Федір Завертанний. Читачам я обіцяв повідомити подробиці його оточення сміливого вчинку і тепер із задоволенням це роблю. Уважний Федір, виявляється, скористався тоді метушиною, що виникла через появу в яру високого начальства. День видався дуже спекотний. Вся охорона була в одних трусах, а на голі тіла почепили зброю. Справжня карикатура на вояків. Побачивши наближаючи «Мерседеси», вони в поспіху стали приводити себе в належний вигляд. У цей-то момент Федір і попросився у офіцера «до вітру». Про нього німець відразу ж забув. А Федір під шумок швиденько розкувався залізничним костилем, та й був такий ... Де ж він переховувався? Спочатку на Лук'янівському кладовищі. Заліз в один з численних склепів. Там і перечекав час погоні і активних пошуків. А потім пішов з Києва ... А на нашому майданчику, після цієї втечі, ми побачили застреленого охоронця, лежачого обличчям вниз.*

³⁶ Протокол допиту свідка злочинів нацистів у Бабиному Яру Трубакова Захара Абрамовича від 28 травня 1980 р. ГДА СБ України, ф. 7, оп. 8. (1983 р.), спр. 1, арк. 154, 158-160

Як же ми зраділи, коли нам наказали віднести його на піч. Це виявився вахтовий офіцер з зондеркоманди. Той самий, хто «прогавив» втікача-шофера.

А незабаром в Києві з'явилося оголошення в газеті: До уваги населення! 26 серпня 1943 року з київської в'язниці втік Завертанний (Завертай) Федір, народження 1912 року, з села Бузівка на Білоцерківщині. За професією - шофер. Зовнішність втікача: зріст 1,65 метра, худорлявий, волосся чорне, кругловидий, очі темні. Одягнений в гімнастерку і ватяні заношені штани, на голові кашкет, босий. Втікач був засуджений за цілий ряд важких злочинів. Це грабіжник і вбивця, який заподіяв населенню багато горя. 10.000 рублів отримає кожен, хто повідомить поліції про те, де він зараз ховається. Грошову винагороду отримає так само і той, хто повідомить, де бачив цього злочинця після втечі. Прізвище того, хто повідомить про злочинця, буде збережена в найсуворішій таємниці ... Поліція безпеки. У 1975 році Василь Чехун українською мовою опублікував повість про Федора Завертаного. Залишається лише додати, що грошей, обіцяних окупантами, ніхто так і не отримав. Свої не видали, а чужим сміливець на очі не попався. Після війни Федір Степанович працював механіком Рембази в своєму рідному селі Бузівка Жашківського району Черкаської області. Щороку, в річницю втечі з Бабиного Яру, він приїжджав до нас з Яковом капери в гості. Помер Федір в 1988 році... "Тепер хочу назвати поіменно всіх тих, хто брав участь у повстанні і зумів вирватися з найстрашніших лап смерті, кого минули в ту ніч кулі есесівської охорони. Це Берлянд Семен, Бродський Костянтин, Будник Данило, Вілкіс Філіп, Давидов Володимир, Долінер Леонід, Кадомський Леонід, Капер Яків, Котляр Володимир, Кукля Володимир, Островський Леонід, Стеюк Яків, Трубаков Захар, Хараш Леонід ".³⁷

Репродукція фотографії. Надана свідком Трубаковим З.А.

---

³⁷ Захар Трубаков «Таємниця Бабиного Яру»: Документальна повість-хроніка/Ред. Г. Розинський. — Тель-Авів: Кругозір, 1997.

Берлянт Семен Борисович

З протоколу допиту в НКДБ у якості свідка учасника спалення трупів у Бабиному Яру С. Берлянта. 16 листопада 1943 р. (додаток 13.).

Протокол допроса свидетеля Берлянт Семена Борисовича, 1910 г. рождения, уроженец и житель г. Киева, образование низшее, беспартийный, по национальности еврей, из рабочих, служащий — парикмахер Пинской военной флотилии, женат, членов семьи два человека — жена Берлянт Эсфирь Борисовна, 1914 г., сын Александр, проживает в гор.Алма-Ата. В Красной Армии не служил — освобожден по болезни, со слов не судим, проживает в г. Киеве, по ул. Красноармейской, 4, кв. 4

Вопрос: Расскажите гр-н Берлянт, что Вам известно о зверствах немецко-фашистских оккупантов в городе Киеве?

Ответ: С мая 1936 г. по август 1941 г. я работал парикмахером в Пинской военной флотилии — в школе, находящейся в г. Киеве на Красной площади в доме № 4, как вольнонаемный.

В начале августа 1941 г. я по приказу Наркома был приписан к этой части уже как военнослужащий-краснофлотец и обмундированный во флотскую военную форму. 18 сентября 1941 г. я вместе с нашей частью (флотский экипаж) отступил из г. Киева в г. Борисполь, потом в с. Борщи, где оказались в окружении немцев. Оттуда стали пробираться, кто как сможет, небольшими группами. Мне, начальнику спецчасти Киевэнерго, фамилию которого не знаю, по имени Александр, но фамилию не помню, удалось пробраться до Яготина Полтавской области, где мы расстались, и больше друг друга не встречали. Но так как Яготин был занят, и пробраться дальше было невозможно в глубь нашей страны, я решил пойти на Киев, не имея при себе никаких документов. В гор. Киев я прибыл, примерно, числа 3–5 октября 1941 г., зашел к жене моего брата Берлянт Надежда Дмитриевна, проживающей по ул. Андреевской в доме № 9, кв. 7, которая мне рассказала, что всех евреев собрали в «Бабьем Яру», находившемся в семи-восьми км от гор. Киева. Боясь этого, я решил скрываться и находился у нее 15 дней. В это время немецкими властями был издан приказ: «всем гражданам г. Киева, не имеющим документов, явиться в лагерь военнопленных, расположенный по ул. Керосинной (пригород). И получить документы военнопленных». Я пошел туда и получил документы военнопленного, как украинец, а не как еврей, это было примерно, 22–23 октября 1941 г. Получив документ, я на следующий день вышел на базар, чтобы купить хлеба, там встретил меня бывший сослуживец по флотилии — Никишев, имя и отчество не помню, который уже служил в гестапо, задержал меня и, как еврея, отправил в украинскую полицию, в следственный отдел, где я просидел 35 суток. За этот период меня допрашивали три раза, добивались, чтобы я признался, что являюсь по национальности евреем, где после невыносимых избиений я был вынужден признаться, так как меня били каждый день. Допрашивал следователь Галушко Николай, позднее расстрелян немцами за грабеж. Больше никаких вопросов не

задавали. После моего признания (что еврей), гестапо направило меня на работу по ул. Институтской, № 5, где немцы ремонтировали для себя какие-то кабинеты и квартиры. Там я на черных работах, проработал примерно до 20 февраля 1942 г., потом отправили на ремонт здания для следователей гестапо, находившееся по ул. Мельникова, 48, где я пробыл до 15 мая 1942 г. После этого меня отправили в пригородное местечко Мышеловка, тут я работал на разных работах подсобного хозяйства гестапо до сентября месяца 1943 г., откуда в сентябре 1943 г. я и еще 8 человек, по национальности евреев, отправили в «Бабий Яр», где нас в первую очередь заковали в кандалы, и примерно с 2–3 сентября 1943 г. я совместно с другими работал на раскопке и сжигании трупов, расстрелянных немцами советских граждан и военнопленных, зарытых в землю.

В первое время нас работало человек 320, а потом число менялось. Работали мы по 12–15 часов в сутки. Разрывали ямы, извлекали трупы наверх, над этими ямами ставилась временная железная решетка «печь», на которую ложились сосновые доски, сверх досок лежали примерно по триста человеческих трупов в один ряд, сверх трупов снова ложились дрова, все это обливалось нефтью и поджигалось. Закладка одной печи составляла примерно до 3000 трупов, так как накладывалось трупов по несколько рядов. Таким образом, было сожжено примерно тысяч 70 трупов. После того, как все трупы были вскрыты и сожжены, из гестапо немцы стали привозить удушенных газом людей, трупов 70–80 в машине и также сжигались. Все мы 180 человек работали закованными в железных цепях. Кормили нас: в 6 часов утра ежедневно нам давали по литру несладкого, без хлеба, кофе, в обед литр супа без хлеба и в ужин литр кофе, по 200 граммов хлеба, в большинстве случаев просяного. Люди буквально обессиливали, и работать не могли. Таких людей жандармы избивали палками, прикладами винтовок и другими предметами и под видом отправки их в концлагерь расстреливали и сжигали в этих же печах. Помещались мы в небольшой землянке 180 человек, воздуху никак не хватало, было сильно душно, люди болели, но сказать об этом было нельзя, так как за это могли сжечь на костре. Видя, что делать нам уже нечего, мы сделали для себя вывод, что нас ожидает смерть на вновь нами сделанной печи из колод, мы стали готовиться к побегу. Инициатором побега был бывший сотрудник НКВД Яша, фамилии его я не знаю, и другие товарищи. Яша достал где-то ключ к двери-решетке, и мы готовились всю ночь на 29 сентября 1943 г., многие друг друга расковывали и в четыре часа утра отомкнули дверь и с криком «ура», «вперед» стали один за другим выбегать из землянки. Жандармерия открыла по нам из автоматов огонь и начала освещать ракетами местность и многих постреляла.

Мне, Дубинину¹ Давиду, Островскому Леониду, Давыдову Владимиру и другим товарищам удалось убежать. После того я скрывался на кирпичном заводе по Селецкой² улице г. Киева до вступления частей Красной Армии в г. Киев. Кроме всего этого, необходимо отметить тот факт, что пепел сгоревших трупов толкли, просеивали, находили золотые и другие ценности, которые забирали немцы. После этого ямы зарывались.³⁸

---

³⁸ ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1, арк. 65–67.

Будник Давид Йосипович

Записка колишніх ув'язнених Сирецького концтабору Д. Будника, В. Давидова, З. Трубакова, І. Долинера, В. Куклі «У Сирецькому концтаборі 20 травня 1945 р.»³⁹

В СЫРЕЦКОМ КОНЦЛАГЕРЕ

В 1943 году в период оккупации немцами города Киева в Сырецком концлагере содержалось до 2000 человек. Это были люди, подозреваемые немцами в принадлежности к компартии, советскому активу, евреям. Были в лагере и уголовные элементы, которые в основном состояли в «бригадах» и «сотниках», помогая немцам издеваться над политзаключенными.

Контингент лагеря все время менялся, ибо одних убивали, вешали, добивали, а на их место привозили новых. Лагерь состоял сначала из 16, а затем из 32 землянок и был обнесен двумя огромными зонами по три ряда проволоки каждая. Через каждую зону проходил ток высокого напряжения. Вокруг лагеря стояла огромная полицейская охрана. Дежурная смена охраны состояла из 120-150 полицеев и нескольких собак.

В мае 1943 года в концлагере возникла подпольная группа по организации побега из лагеря. Благодаря хорошей конспирации группа просуществовала длительное время и провела большую подготовку к побегу. Возглавил и организовал группу Аркадий Иванов, который впоследствии был разоблачен провокатором Боярским и расстрелян с небольшой группой наших товарищей.

Полный состав группы никому известен не был, однако насколько удалось выяснить, она состояла примерно из 25-30 человек:

1. Иванов Аркадий (погиб)
2. Талалаевский Иван (погиб)
3. Бестужев Сергей (погиб)
4. Будник Д.И.
5. Давыдов В.Ю.
6. Зильбершмидт (Бажанов Г.) (погиб)
7. Трубаков З.А.
8. Долинер Л.
9. Капер Я.
10. Кадомский Л. (погиб)

И др., фамилии которых остались неизвестны. Связь с «волей» и с партизанским отрядом осуществлялась через:

---

³⁹ ДАКО, ф. П-4, оп. 2, спр. 85, арк. 176-182.

1. Талалаевского (Ливарного), брат погибшего И. Талалаевского
2. Омельченко Н.А.
3. Трубакову Н.
4. Гелевер А.И.

Основная цель нашей группы состояла в том, чтобы снять охрану, организовать массовый побег и, прорвавшись за зону лагеря, пробиваться к партизанскому отряду.

Для достижения этой цели каждый выполнял специальные поручения.

Нелегкая задача была вербовка «своих людей» в лагере для увеличения сил группы. Однако это было необходимо и количество подпольщиков все время увеличивалось. Связь с внешним миром осуществлялась следующим путем: за зоной лагеря копали дерн, и заключенные лагеря, запряженные в подводу, перевозили этот дерн в лагерь. Когда подвода заезжала в лесок, находившийся в 0,5 км от лагеря, там нас ожидали женщины, приносившие передачи. Полицаям давалась водка, сало, яйца и друг. За что нам разрешали 5-10 минут посидеть и поговорить с приходившими к нам. Во время этих встреч мы получали и передавали полную информацию. Иногда начальник лагеря фон Радомский ловил приходивших женщин и расстреливал их на месте, но к счастью он контролировал этот лесок довольно редко. Талалаевский, Трубаков, Долинер через приходивших к ним родственников установили связь и даже имели две встречи с братом Талалаевского, приехавшим непосредственно из партизанского отряда к лагерю.

Давыдов В.Ю. через приехавшую к нему из Кагановичского района Киевской области врача Омельченко Н.А. установил связь с партизанами Полесья и полностью уточнил на случай удачного побега путь следования людей для соединения с партизанами. В то же время при встрече с Омельченко от нее были Давыдовым получены две советские газеты и листовка, которые им затем были переданы Трубакову и Буднику Д.И. для дальнейшего распространения.

Заключенные Бестужев, Долинер, Фельдман и др. изготавливали тайком от немцев в мастерских финские ножи, которые нужны были для организации побега. Будник Д.И. проводил электролинию к центру лагеря, которая должна была дать нам возможность в нужном случае выключить из линии ток высокого напряжения. Зильбершмидт (Бажанов), Кадомский, Давыдов, Трубаков, Долинер, Капер, Котляр В. изготавливали по заданию Аркадия Иванова в большом количестве стремянки и лестницы необходимые для штурма проволочных ограждений.

Несколько ножниц для резки проволоки, которые находились в мастерских, были также взяты на учет.

Несколько человек из подпольщиков, в том числе и Иванов были в начале августа 1943 г. преданы провокаторами Боярским, Морозом и Ростиславом и др. Наши товарищи были забраны на допрос и, очевидно, расстреляны. Погибли они героически, не выдав больше ни единого человека. Когда их выводили из лагеря, они пели «Тачанку» и держали себя гордо и смело. Жорж Петровский, работавший в лагере парикмахером, перерезал себе бритвой горло, когда его пришли забирать, успев лишь сказать: «Все равно всех не перестреляете гады».

В тот же день предатель Ростислав зачел приказ Начальника гестапо о том, что в каком-то лагере X. группа заключенных пыталась обезоружить полиция, за что были расстреляны все заключенные лагеря. Тут же предупредили нас, что если будет замечен лишь намек на какое-либо насилие над охранниками, то будут расстреляны все 2000 заключенных нашего лагеря. Террор в лагере стал невероятным. Убивали за малейшее неповиновение.

18 августа в лагерь явилась большая группа офицеров СС. Собрали самых «неблагонадежных» отправили в Бабий Яр, заковали в кандалы и заставили выкапывать трупы расстрелянных немцами людей для сжигания.

Наша группа обогатилась такими энергичнейшими товарищами как Владимир Кукля, Федор Ершов. Твердо был намечен план побега.

Было решено бежать из Бабьего Яра любой ценой. При самых худших обстоятельствах несколько человек могло спастись, пробраться к нашим и рассказать то, что немцы пытались скрыть путем сжигания трупов.

Основную инициативу при организации побега проявили Кукля, Давыдов, Трубаков, Ершов, Бажанов, Будник, Вилкис, Капер, Кадомский, Ярославский, Островский, Долинер, Шевченко, Бродский, Котляр.

Несмотря на казавшуюся безвыходность нашего положения, план побега осуществлялся спокойно и точно.

В землянку проносились предметы для расковки кандалов, железные и др. тяжелые предметы необходимые для нападения на охрану, ключи для вскрытия замка. Большинство нужных нам предметов нашлось среди раскопанных трупов.

27-го сентября 1943 г. Яковом Капер был подобран и во время обеда испытан ключ к замку, которым запиралась наша землянка. В ночь с 28 на 29-е сентября за день перед нашим расстрелом было решено бежать. Владимир Кукля открывал замок, просунув руку через решетку. Владимир Давыдов стоял тут же и вел наблюдение за охраной. Замок открывали более 3-х часов. Все остальные товарищи лежали на своих местах и ждали сигнала. Почти на рассвете Кукля открыл замок, и тогда все начали расковыряться. Затем кто-то рванул дверь, и мы с криком «Ура», «За родину» повалили наверх. В короткой схватке почти вся дежурная охрана была нами перебита, но и среди нас была масса убитых, ибо пулеметы, автоматы и гранаты были сильнее палок и железных прутьев. Пулемет с вышки строчил, не умолкая. Через несколько минут сверху из караульного помещения несло около сотни эсэсовцев. К этому времени многие из нас уже успели удрасть вниз или вверх по Яру. Таким образом, из 300 смертников Бабьего Яра ушло в ту ночь от расстрела человек 20. Давыдова и Хараша спрятала гражданка Петренко Наталия (Сырец, Тираспольская, 581), Будника, Вилкиса, Котляра, Островского, Капера и Берлянта спрятал в трубе Кирпичного завода гр. Власюк Феофан. Остальные пробрались сразу в Киев. Долинера спрятала на Кириловской, 126 гр. Козловская Н.

При побеге нами было уничтожено до 20 эсэсовских головорезов и затем в течении периода до прихода Красной Армии нами в районе Сырца было убито в разных местах 18 гитлеровцев, пытавшихся разыскать или задерживать нас.

Сразу же после освобождения Красной Армией города Киева о всех зверствах немецких захватчиков в Сырецком концлагере и в Бабьем Яру мы доложили

«Чрезвычайной Правительственной Комиссии по расследованию немецких злодеяний». Кроме того, 11.XI.43 г. Давыдов В.Ю. о немецких зверствах лично докладывал Никите Сергеевичу ХРУЩЕВУ и показывал ему все места, где совершались немецкие преступления.

Нами в ноябре 1943 г. в Киеве были задержаны и переданы в Обл. Управление НКГБ предатели и убийцы советских людей Мороз, Быстров и Сорока, предавшие наших товарищей в августе 1943 года.

Подписали:

1. Будник (Тургеневская, 60, кв. 12) (подпись)
  2. Давыдов (М. Житомирская, 15, кв. 1) (подпись)
  3. Трубаков (Мстиславская, 37, кв. 1) (в командировке)
  4. Долинер (Большая Соломенка, 20 кв. 10) (подпись)
  5. Кукля (Кругло-Университетская, 20, кв. 21) (подпись)
- ДАКО, ф. П-4, оп. 2, спр. 85, арк. 176-182.

Врятовані у вересні 1943 р. з Бабиного Яру. З ліва на право: невідома жінка, В.Ю. Давидов, Д.И. Будник, Я.А. Капер, З.А. Трубаков, Д.М. Пронічева (врятувалась 20.09.1941 р.), чоловік Пронічевої.

Давидов Володимир Юрійович

З протоколу допиту полоненого Сирецького концтабору Давидова Володимира Юрійовича про масові розстріли військовополонених у Бабиному Яру. 9 листопада 1943 р.⁴⁰ (додаток 9.).

21
13

К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Киев, 9 ноября. Я, начальник отделения НКГБ УССР – майор государственной безопасности ЛАВРЕНКО, допросил в качестве свидетеля ДАВИДОВА Владимира Юрьевича –

1915 года рождения, уроженца г. Киева, по национальности еврея, гр-на СССР, по социальному происхождению из семьи служащего, б/п., образование среднее, женатого, не судимого, в Красной Армии служил с 25 июня по 23 сентября 1941 г. В марте м-ца был арестован гестапо и содержался в Сирецком концентрационном лагере, откуда 29 сентября бежал.

До оккупации работал начальником отделения труда Волгостроя ГУЛАГа, проживает в г. Киеве, ул. Тургеневская № 47, кв. 12.

Об уголовной ответственности по ст. 89 УК УССР, за дачу ложных показаний предупрежден.

ВОПРОС: О чем Вы хотели заявить органам НКГБ УССР?

ОТВЕТ: Мне известно о расправе немцев над еврейским населением г. Киева и об этом я хочу рассказать.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о зверствах, совершенных немецко-фашистскими оккупантами?

ОТВЕТ: В средних числах марта м-ца 1943 г. я был на улице задержан и меня доставили в управление полиции по ул. Короленко д. №-15.

Когда меня привели на ул. Короленко №-15, меня начали избивать, выбили мне зуб. Следователь, который меня допрашивал, меня не избивал, а сказал, что если окажется, что я не виноват, то меня выпустят.

Отвели меня в камеру, где сидело человек 40. Там были, в основном, уголовники, бездокументники, другие, как подозрительные в партизанской деятельности, некоторые, как работники НКВД.

Davidov
/на обор./

⁴⁰ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 21, 24-28 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://old.archives.gov.ua/Sections/Babyn_Yar/CDAVO/index.php?7#photo

Капер Яків Абрамович (1914-1996)

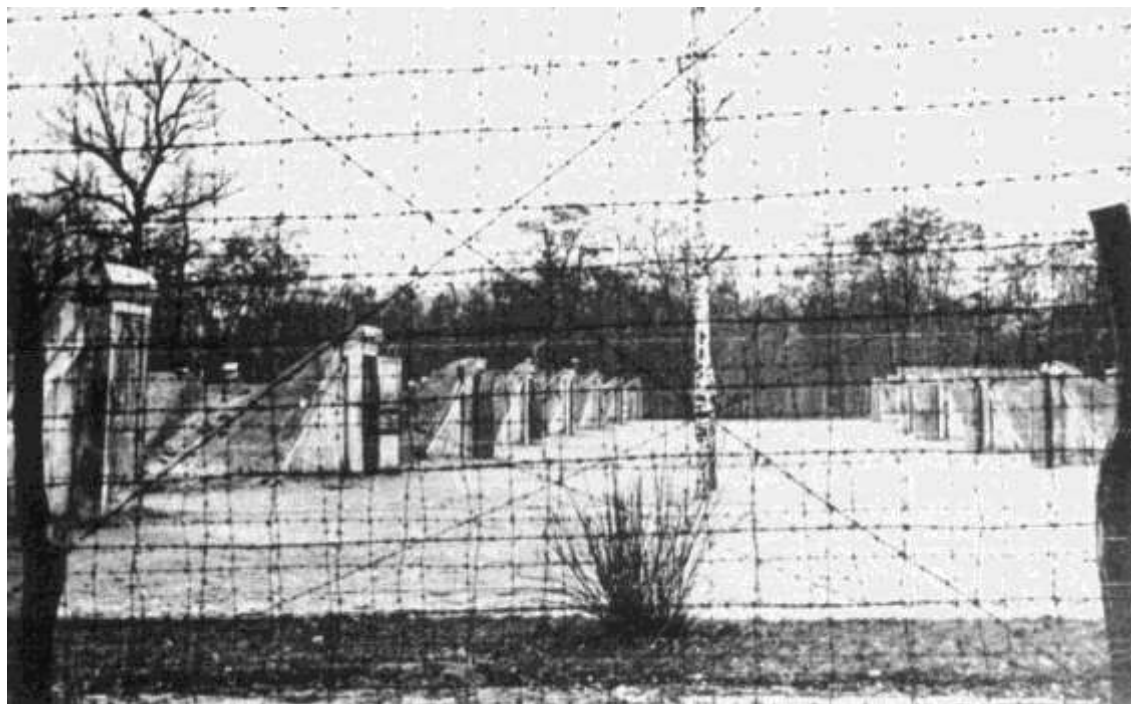
Із спогадів Яківа Капера:

«Приблизно 29-30 вересня 1941 року з нашого табору почали вивозити ув'язнених у Бабин Яр і там їх розстрілювати. Мене посадили в останню автомашину, але я в районі Лук'янівки вистрибнув на ходу і впав на дорогу, де лежали трупи. Сховатися мені не вдалося. У Пущі-Водиці я був спійманий гітлерівцями і відправлений в гестапо, а потім в київський табір для євреїв на вулиці Інститутській. Через два місяці мене разом з іншими п'ятьма ув'язненими погнали на роботу в так звану школу поліції на вулиці Мельникова, 48. У цій школі, як і в таборі, над нами знущалися, умови були нелюдські. Восени, у вересні-жовтні 1942 року, мене і ще трьох ув'язнених – Будника Давида Йосиповича, Островського Леоніда і Вілкіса Філіпа (по батькові їх не пам'ятаю) – посадили в автомашину-душогубку і відвезли в Сирецький концтабір, де ми перебували до серпня 1943 року. З табору нам було видно, як гітлерівці систематично два або три рази на тиждень звозили людей в Бабин Яр на розстріл. У серпні 1943 року нас відправили в Бабин Яр, закували в кайдани (ланцюги), змусили витягати трупи, будувати спеціальні печі і спалювати в них останки жертв. Помістили нас в землянку, німці з зондеркоманди жорстоко били в'язнів. Ночували в землянці прямо на сирій землі. Нас було 300 осіб з гаком. Після розкопок ям ми витягали трупи пожежними баграми (гачками) і складали їх щільно в печі, побудовані з кам'яних плит, рейок, прутів та шарів дров, облитих нафтою. Печі підпалювали, і вони горіли більше доби. Одночасно в інших місцях яру нас змушували будувати нові печі. Так повторювалося багато разів. Кістки, що залишалися після спалення трупів, ми дробили ступками, просівали через сітки, змішували з піском і розсипали разом з попелом, зарівнювали дороги.

В'язнів змушували перед спаленням трупів витягувати з них золоті зуби. Я бачив, як в яр приїжджала машина-душогубка, зупинялася на декілька хвилин з працюючим мотором, а потім нас змушували вивантажувати з цієї машини трупи і кидати їх в палаючі печі. Нерідко в душогубках люди не вмирали і їх кидали в вогонь живими. З палаючого багаття лунали крики і стогони. У яр привозили людей на автомашинах і розстрілювали тут же, не умиряючи газом, а трупи спалювали. Знищували в душогубках і розстрілювали в Бабиному Яру мирних жителів і партизанів. Одного разу приїхала душогубка. Там виявилися мертві, зовсім голі молоді дівчата, битком набито, як їх туди загнали, я не уявляю. У багатьох були зав'язані косинками волосся. У деяких в волосся були заховані кільця, годинник, сережки. Я пам'ятаю, коли я ніс одну дівчину на багаття, у неї випали з-під косинки годинник, які вона сховала. Всі трупи були

мокрі і розпарені, як після доброї парильні, це була страшна картина, а німці сміялися і говорили всякі непристойні слова.

Загальний вигляд Сирецького концтабору. 1943 р.⁴¹

Одного разу, коли ми витягали трупи, сталося якесь замішання, підійти подивитися не можна було. Виявилось, що один з наших в'язнів дізнався серед жертв свою дружину і двох дітей, які були вбиті в 1941 році. Він був ще не зовсім впевнений, поки дітей, які не відокремили від матері, а коли її повернули лицем, він впізнав шрам на шиї, який у неї був після операції, перенесеної до війни. Коли ввечері ми повернулися в землянку, він дуже плакав і розповідав, що дружина і дві дівчинки десяти і дванадцяти років не встигли евакуюватися і залишилися в Києві. А сам він з першого дня пішов на фронт, потрапив в полон і опинився тут. Про долю своєї сім'ї він нічого не знав. І ось сталася ця страшна зустріч. Після такого кошмару не можна було заснути, я вночі лежав і думав – ось якби відкрити замок від землянки, накинутися на охорону, щоб хоч кілька людей пішли і залишилися живі, нехай хоч хтось залишиться, все ж це краще, ніж всіх нас розстріляють і сплять і ніхто не дізнається про жахи, які тут творилися.

Мені вдалося підібрати ключ до замка, на який були закриті двері нашої землянки. Коли все було готове з замком і ланцюгами, ми тихенько підійшли до дверей, Філіп Вілкес швидко зняв замок і крикнув: «Рятуйтеся, товариші! Ура!» Німці від несподіванки спочатку злякалися. Але через кілька хвилин вартовий, що стояв на вищці, прийшов в себе і стріляв з кулемета прямо у вихід з землянки. Німці, які чергували біля землянки, мовчали, і я подумав, що кулемет їх першими уклад. Але наші товариші, що вискочили першими, потім розповіли, що вони

---

⁴¹ ЦДКФФАУ, од. зб. 0-4196.

напали на цих німців. Зав'язалася бійка, а кулеметник все стріляв у відкриті двері. Люди, незважаючи на це, бігли, падали замертво, інші бігли, несамовито кричали «ура!». Нарешті німці зорієнтувалися, і вся охорона була вже на ногах. Вони пустилися доганяти нас на машинах, мотоциклах, з собаками. Яр висвітили ракетами, повз нас летіли трасуючі кулі, піднялася стрілянина з усіх боків, як на передовій. Переслідувачі не знали, в який бік стріляти, адже в'язні бігли врозтіч, хто куди, деякі з ланцюгом на одній нозі: не встигли розкувати другу ногу і накрутили на неї ланцюг, щоб можна було бігти. Більшість наших бігли яром. Деякі піднялися наверх по трасі в напрямку колишнього Сирецького концтабору, а звідти – до заводу «Більшовик». У тих, які все ще бігли по яру, залишалася одна дорога – на Куренівку. Почало світати, стрілянина тривала, здалеку чути було крики, лайка, плач, гавкіт собак. Німці, які бігли за нами, спустилися в яр. Ті, які на машинах і мотоциклах, мчали до усіх виходах яру. Наше щастя, що ми весь час бігли без зупинки, і німці не встигли загородити нам вихід. Коли вони чекали нашого виходу з яру, ми давно вийшли і розбіглися хто куди. Дуже шкода, що мало врятувалося, але все ж тоді залишилося в живих 18 чоловік (з приблизно 300 в'язнів)». ⁴²

Залишки печей в Бабиному Яру. Київ, 1943 р. ⁴³

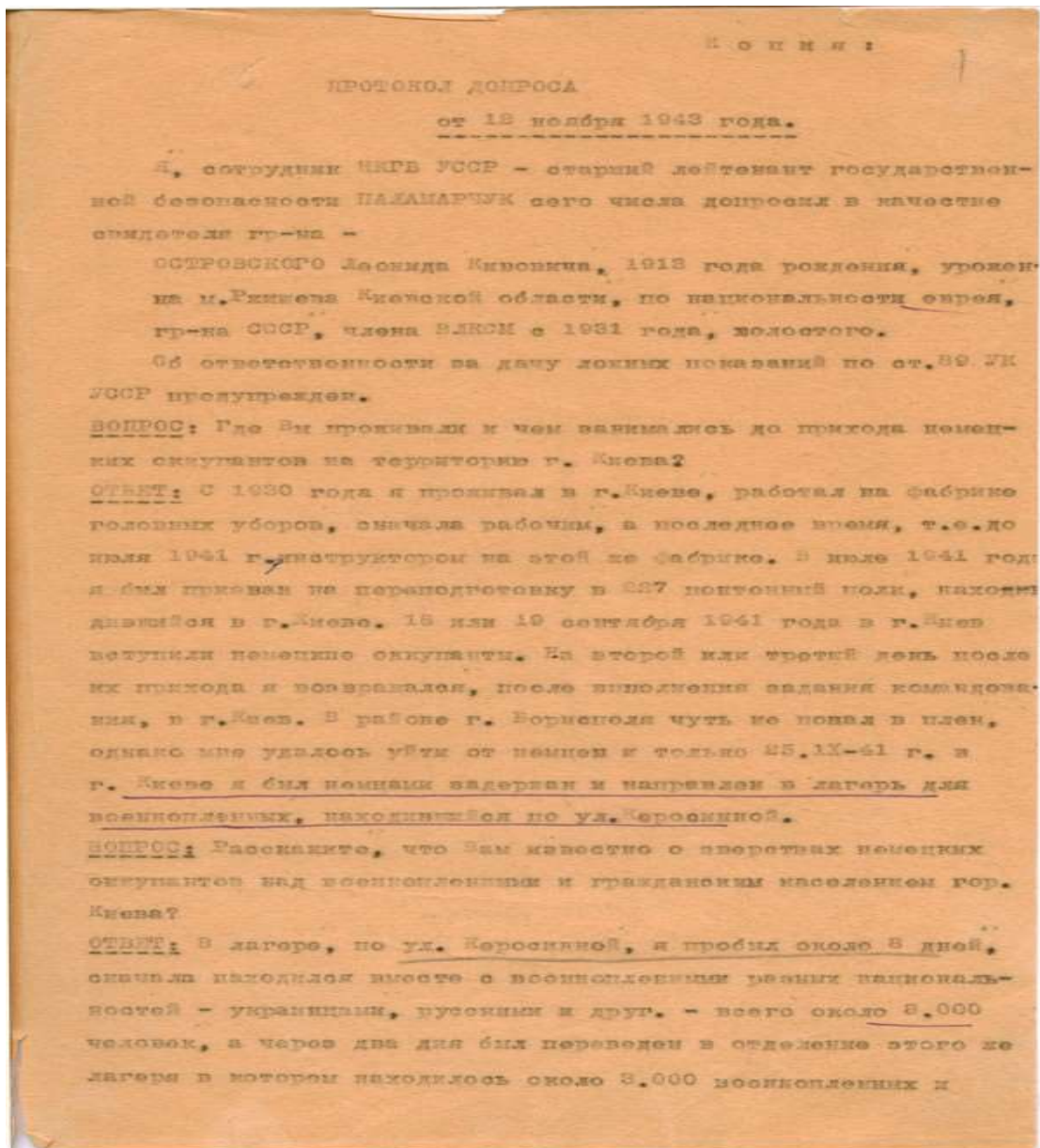
⁴² Тернистый путь Якова Капера [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://jew-observer.com/stranicy-istorii/ternistyj-put-yakova-kapera/#more-9326> (відвідано 09.06.2021 р.)

⁴³ З фондів ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-4253

Островський Леонід Ківович

Протокол допиту червоноармійця Островського Леоніда Ківовича від 12.11.1943 р. У документі є відомості про табір радянських військовополонених у Києві на вулиці Керосинній (сучасна Шолуденка), Сирецький концтабір, розстріли у Бабиному Яру, а також відомості про спалення тіл розстріляних у Бабиному Яру у 1943 р.⁴⁴ (додаток 10.).

⁴⁴ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 282, арк. 1-7 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://old.archives.gov.ua/Sections/Babyn_Yar/CDAVO/index.php?19#photo

Вілкіс Фіма Абрамович

Заява в НКВС колишнього в'язня Сирецького концтабору Ф. Вілкіса

12 листопада 1943 р.

Текст (рос.)

Вилкіс Фима Абрамович, Горького, 51, кв. 3

Заявление Мною 12 ноября 43 г. были задержаны на ул. Дмитровская Морозов и Жук. Морозов был на Сырце в концлагере сотником, ему представляли возможность убивать людей. Где даже сам Морозов убивал палками, закапывал живых. Этим он себе создавал большой авторитет. Например, 17-го июля 43 г. удалось сбежать одному арестанту, фамилия которого Алексеев. Но скоро он был задержан возле электрозабора и привели его. В это время Морозов подбежал к нему с дручком весом 5–6–7 кг и начал его бить по мозгам и где был убит. Даже один с немцев не мог этого видеть, так он вынул наган и убил его. Этот убитый был с сотни Морозова. Теперь Морозов в своей сотне, где были евреи, так он их забивал и направлял на тяжелую работу и также забивал палками, и говорил, что у меня в сотни жида не могут работать. И вообще от Морозова можно только услышать: убью, или на голую задницу 25–50 палок.

Теперь, когда прибудет партия евреев 50–30 человек, то начинают бить палками, пока не убьют 20–30 человек в процессе работы: носка песка в один день с участка бригадиров и великана Морозова.

Жук, этот самый бригадир направлял евреев вылезать на дерево, имея веревку, подвязывать и в это время подрезать ее и дерево, валять, где человек убивался, и становился калекой, и добивают его палками. Теперь, когда он видел, что в бригаде есть такие, что обувь хорошая, так бригадир снимал, а если не хочешь снять, так добивали палками. А также когда получил передачу, так сало, мясо забирает бригадир. У этого бригадира выходило со строя 3–5–7 человек от болезни или добивали палками на смерть.

Морозов. Снимал с убитых одежду передавал домой. Жена продавала [далее лист оборван].⁴⁵

⁴⁵ ГДА СБУ, ф. 5, спр. 46 772, арк. 42–43. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://history.kby.kiev.ua/publication/doc_66.html

Першими історію про масові вбивства і про знищення трупів у Бабиному Яру озвучили: (з ліва на право) Фіма Вілкіс, Леонід Островський, Володимир Давидов. Бабин Яр, листопад 1943. Фото А. Іосилевіч

Сирецький концтабір. Блок № 2. 1943 г.⁴⁶

---

⁴⁶ ЦДКФФАУ, од. зб. 2-40510

Стеюк (Штейн) Яків Андрійович (1915-1985)

В'язень Сирецького концтабору. Один з тих, хто врятувався з учасників масової втечі з Бабиного Яру (в ніч з 28 на 29 вересня 1943). З 30 листопада 1943 року – в Червоній армії. Сапер, потім перекладач в розвідвідділі, перекладач у відділі контррозвідки.

Протокол допиту полоненого Сирецького концтабору Стеюка Якова Андрійовича про масові вбивства людей у Бабиному Яру. 15 листопада 1943 р.⁴⁷ (додаток 11.).

20 42

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетели СТЕЮКА Якова Андреевича

от 15 ноября 1943 года

СТЕЮК Яков Андреевич, 1915 года рождения, уроженец мест. Хотин, Черновицкой области, еврей, беспартийный, образование – незаконченное высшее, гражд. СССР, под судом и следствием не был, холост, проф. г. Киев Межигорская ул. дом № 30 кв. 17. Пока еще нигде не работает.

Судестью ст. 95 УК СССР разъяснено.

ВОПРОС: – Что вам известно о немецких зверствах ?

ОТВЕТ: – Лично я был арестован Киевским с-д и просидел 14 суток на Короленко № 33. 25 июня 1943 года я был направлен в Сирецкий концлагерь, возле г. Киева, в котором и содержался до 18 августа 1943 года. 18 августа 1943 года я с группой заключенных в числе 100 человек были этапированы в Бабий Яр /на сырец/. В Бабим Яру я содержался под стражей до 29 сентября 1943 года. Рано утром 29 сентября /примерно в 3 часа/ я совместно с группой других заключенных бежали и скрывался до прихода Красной Армии в г. Киев на квартире Полевая № 2 у АДАМЧУК Брониславы и СВИДЕРСКОГО Валентина Михайловича, проживающего по Межигорской № 30, кв. 17.

ВОПРОС: – Кто с вами еще бежал ?

⁴⁷ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 42-47 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: https://old.archives.gov.ua/Sections/Babyn_Yar/CDAVO/index.php?20#photo

Кукля Владислав Францевич

З протоколу допиту в НКВС у якості свідка учасника спалення трупів у Бабиному Яру В. Куклі⁴⁸

04 лютого 1944 р.

Текст (рос.)

Протокол допроса свидетеля Кукля Владислава Францевича, 1917 г. рождения, Ленинград, Фонтанка, 117. Русский, гражданин СССР. Временно проживает в г. Киеве, ул. Короленко, 5, кв. 16. Из рабочих, женат, жена Лобко Мария Севостьяновна, 1918 г.р., дочь Таня, 1941 г.р. Образование 7 классов. На военном учете не состоит, не военнообязан. В Красной Армии не служил из-за болезни — туберкулез

[...]

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о зверской расправе немецко-фашистских оккупантов над советскими гражданами гор. Киева в период своего хозяйничанья в последнем?

Ответ: До оккупации г. Киева я работал на строительстве № 1 в г. Киеве, титул № 5.

Когда немцы подходили к Киеву, я, в числе других, администрацией был назначен работать на аварийном поезде, и когда мы стояли со своим поездом на станции Пирятин при бомбежке вражеской авиацией, я был ранен осколком бомбы в правый бок. Я пролежал больно́й в Пирятине недели две и, будучи больным, я не мог эвакуироваться с частями Красной Армии, а поэтому остался на оккупированной территории. (Пирятин был раньше оккупирован, чем Киев). Будучи на оккупированной территории я, немного поправившись, решил возвратиться в Киев, но не найдя в Киеве жены, я направился в село Ракитно 120 км от южнее Киева, полагая, что жена у своих родителей, где я ее и застал. Прожил я в Ракитно полтора года, т.е. по ноябрь месяц 1942 г. Когда немцы стали направлять людей в Германию и хотели меня направить, то я стал скрываться и уехал в Киев, а жену мою поймали и насильно направили в Германию, но она по дороге сумела удрать, т.е. убежать с поезда. В Киеве я скрывался около месяца. Но так как немцы усилили преследования за молодежью и стали производить систематические облавы, тогда я решил устроиться где-либо на работу и устроился благодаря знакомству в госпиталь, где лечились немецкие офицеры. В этом госпитале работал мой товарищ Володя — слесарем, и он помог мне туда поступить на работу. В этом госпитале я проработал чернорабочим три с половиной месяца. За этот период работы я с другими товарищами по работе и нашими военнопленными, работавшими в госпитале, подготовили взрыв госпиталя, т.е. корпуса, где лежали раненые офицеры, в дымоходные трубы заложили мины и осталось только произвести взрыв, но один по национальности

---

⁴⁸ ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1, арк. 42–48.

узбек из военнопленных предал этот акт, тогда я решил убежать и скрыться, и я убежал, захватив с собой сто штук гранат «лимонок», которые мною были принесены за период работы в госпитале. При побеге я подвергся обстрелу, но благодаря тому, что я ехал на велосипеде, мне удалось скрыться. Немцы и полиция решили во чтобы-то ни стало поймать меня, имея ввиду меня за главного руководителя подготовки диверсии в госпитале. После побега я скрывался недель 5 в одной водосточной трубе на «Собачьей тропе» куда мне жена носила еду нелегальным путем. Когда уже было невыносимо сидеть в этой трубе, потому что меня заели вши, я решил по предложению жены пойти на квартиру, помыться и сменить белье, в это время гестапо и полиция рыскали по городу, ища меня и обещая, кто выдает меня получит 10 000 рублей. 27-го июля 1943 г., в ночь на 28 я вылез из трубы и нелегальным путем добрался до квартиры, но за мной, очевидно, следили гестаповские агенты. Придя на квартиру, я помылся, покушал и лег спать, но спать долго не пришлось, ко мне в квартиру ворвалось 14 человек гестаповцев-немцев и русских, работавших агентами гестапо, которые схватили меня за руки и начали избивать. При обыске ничего не обнаружили, только под подушкой две гранаты «лимонки» и забрали.

После ареста меня под усиленным конвоем в 23 человека и шести штук автомашин привезли в гестапо, где подвергли допросу, т.е. записали мои установочные данные. Затем бросили в общую камеру, а через шесть дней подвергли настоящему допросу, вопросы задавали на тему о моих связях с партизанами, чтобы я выдал партизан, предлагали мне работать в гестапо в качестве секретного агента, но я все это отрицал, тогда меня снова били, производили очные ставки с другими арестантами, которые меня явно предавали, но я их не признавал.

22 августа 1943 г. меня в числе 22-х смертников, в автомашине «душегубке» привезли в Сырецкий концлагерь, где я под строгим наблюдением охраны, вместе со смертниками в одной землянке просидел трое суток и каждую минуту ожидал расстрела, но на четвертые сутки нас всех пригнали в «Бабий Яр», во всех была одна мысль, что ведут на расстрел, но оказывается нас пригнали на работу по раскопкам зарытых в яру трупов расстрелянных сов. граждан в течении с 1941–1943 г.

Когда пригнали на работу, нам заковали ноги в кандалы и заставили откапывать трупы и сжигать на приготовленных для этого печах. Печи для сжигания трупов изготавливали мы сами из каменных памятников с еврейского кладбища и решеток, которые клали на рельсы, а поверх их дрова и затем клали трупы, и каждый ряд дров и трупов обливался нефтью, специально для этого приготовленной.

Таким образом, ярус из трупов, положенных на печи вырастал до 4-х метров в высоту, в длину около 10 метров и в ширину метров 5. Таких печей в яру было много 70–80 шт. (печей), в печи укладывалось от 2-х до 4-х и больше тысяч трупов. Затем поджигались, и эти печи горели целые сутки. После сжигания кости трупов разбивались трамбовкой в порошок, просеивали сквозь сито, и этот порошок рассеивался по поверхности почвы и перемешивался с землей. Кроме того, что сжигали трупы, вырытые в яру, на место сжигания привозили людей в

машинах «душегубках» через каждые полчаса и сразу вынимали из кабин машин удушенных людей и бросали в огонь и сжигались. Тут также были люди разных возрастов и пола, от грудного ребенка до стариков преклонных лет. Общее количество сожженных трупов в «Бабьем Яру» по нашим подсчетам было 95–100 тысяч. За период моего пребывания в лагере, я задался целью совершить побег, первый раз мне не удалось благодаря предательству со стороны самих заключенных, второй раз мой замысел увенчался успехом.

Во время работы по сжиганию трупов, я среди трупов нашел ключ, который к счастью подошел к замку землянки. Это я делал все сам при строгой конспирации, и узнали об этом буквально несколько человек более надежных. Совершить побег было нелегкой задачей, потому что землянка, в которой мы находились, сильно охранялась.

И все же мы в ночь на 29 сентября 1943 года совершили побег. В эту ночь я не спал, и под всякими предложениями, т.е. под видом, что заболел, сидел возле решетчатой железной двери и приспособлялся открыть замок, хотя немецкий часовой и зорко следил за дверью землянки, поминутно освещая ее фонариком. Я все же замок открыл, это было примерно в 2 часа ночи.

После того, как я открыл замок, узнали и другие товарищи, которых насчитывалось 36 человек, задавшихся целью побега. Начали расковыряться и примерно около 4-х часов раскрыли двери и бросились бежать. Но спастись удалось очень немногим, только несколько человек, основная масса людей погибла под огнем пулеметов и автоматов немецкой охраны. После побега я скрывался в доме Иванова Антона Дмитриевича ул. Отделенская, 10, кв. 3 (Соломенка) недели две, затем нашел свою семью. Но с семьей был всего дня три, а затем скрывался в подвале сожженных домов на ул. Николаевской «Континенталь» (до 29 октября 1943 года), а затем я, чувствуя себя совершенно больным, направился скрытно на ст. Ракитно к матери моей жены, там я тоже не долго находился потому, что угрожала опасность, меня всегда могли поймать немцы, и я стал скрываться в лесах Таращанского района до самого освобождения этой территории Красной Армией в январе 1944 года

Ділянка в Бабиному Яру, де спалювалися трупи. Київ, 1943 р.
З фондів ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-4251

Долінер Йосип Якович

Протокол допиту свідка, колишнього в'язня Сирецького концтабору, Долінера Йосипа Яковича. Київ, 5 лютого 1944 р.⁴⁹

05 лютого 1944 р.

Текст (рос.)

Протокол допроса гор[од] Киев [,] 1944 года февраля 5 дня

Я [,] оперуполномоченный Ленинского РО НКГБ гор[ода] Киева[,], лейтенант госбезопасности Хорев допросил в качестве свидетеля гр[аждани]на Долинер Иосиф Яковлевич[,], 1913 года рождения, беспартийный, образование 5 классов, национальность еврей, уроженец местечко Брусилово[,], Брусиловского района[,], Киевской области, проживает[:] гор[од] Киев[,], улица Урицкого[,], дом 20[,], кв. 10, специальность столяр, не работает[,], гр[аждани]н СССР, со слов не судим[.]

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР предупрежден - *підпис*¹

Вопрос: Расскажите[,], гр[аждани]н Долинер[,], откуда вы знаете Мирошниченко[,], и какие у вас с ним взаимоотношения?

Ответ: Мирошниченка, звать его не знаю, я знаю с марта м[еся]ца 1943 года по совместному нахождению с ним в лагере на Сырце во время оккупации гор[ода] Киева, и знал его потому, что по работе находился с ним в одной сотне.

Взаимоотношений у меня с ним никаких не было.

Вопрос: Что вам известно о предательской деятельности Мирошниченко в период его нахождения в концлагере на Сырце?

Ответ: О предательской деятельности Мирошниченко я лично сам сказать ничего не могу, но во время нахождения в концлагерях на Сырце с марта м[еся]ца 1943 года по 18 августа 1943 года [,], я от товарищей слышал, а именно бригадира Аркадия, который мне говорил, что когда будет присутствовать Мирошниченко [,] то никаких разговоров в его присутствие не вести, а то он может выдать. Кроме того [,] все подозревали Мирошниченко, что он занимается предательской деятельностью и связан с кем-то из начальства лагеря.

Бригадир Аркадий был расстрелян немцами в лагере вместе с группой заключенных [,] готовивших побег, но их кто-то выдал, а кто именно, я не знаю.

Вопрос: Когда был освобожден Мирошниченко из лагеря [,] и каким путем?

Ответ: Мирошниченко в последнее время в лагере не находился, а был переведен в жел[езно]дор[ожную] колонию[,], которая находилась на Соломенке[.] Все это было в сентябре или октябре м[еся]це 1943 г[ода].

⁴⁹ ГДА СБУ, ф.6., спр. 71106 ФП, арк. 52–53

Каким путем Мирошниченко был освобожден из лагеря[,] я точно не знаю, но при встрече с ним на Соломенке в октябре м[еся]це 1943 года[,] в конце он мне рассказал, что его освободил какой то "фольксдойч"[,] который пришел[,] взял его у охраны и вывел, а остальное я не знаю²[.]

Вопрос: За что был арестован Мирошниченко гестапо?

Ответ: За что он был арестован гестапо[,] я этого не знаю[.]

Вопрос: Где находится в данное время Мирошниченко?

Ответ: Где он находится в данное время[,] я не знаю, так как я его не встречал[.]

Вопрос: Кто может подтвердить ваши показания?

Ответ: Мои показания может подтвердить[:]

1) Трубаков Захар[,] проживающий[:] ул. Мстиславского[:]

2) Котляр Владимир, а где проживает[,] я не знаю[.]

Вопрос: Что желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Дополнить больше ничего не могу[.] Записано с моих слов и мне прочитано

*підпис*³

Допрос производил оперуполномоченный лейтенант госбезопасности *Хорев*⁴

**Залишки печей і землянка в Бабиному Яру, де ховались полонені.
Київ, 1943 р.⁵⁰**

⁵⁰ З фондів ЦДКФФА України ім. Г. С. Пшеничного, од. обл. 0-4254

Завертаний Федір Степанович

В 1997 році в Тель-Авіві була видана документальна повість Захара Трубакова "Таємниця Бабиного Яру". Вашій увазі уривок з епілогу, цитата: «Свою розповідь про долі хочу почати з тих, хто зумів врятуватися і вирватися з неволі. Перше слово про невідомого шофера, який один втік з Бабиного Яру... Звати його Федір Завертаний. Читачам я обіцяв повідомити подробиці його оточення сміливого вчинку і тепер із задоволенням це роблю. Уважний Федір, виявляється, скористався тоді метушиною, що виникла через появу в яру високого начальства. День видався дуже спекотний. Вся охорона була в одних трусах, а на голе тіло почепили зброю. Справжня карикатура на вояків. Побачивши наближаючи «Мерседеси», вони в поспіху стали приводити себе в належний вигляд. У цей-то момент Федір і попросився у офіцера «до вітру». Про нього німець відразу ж забув. А Федір під шумок швиденько розкувався залізничним костилем, та й був такий ... Де ж він переховувався? Спочатку на Лук'янівському кладовищі. Заліз в один з численних склепів. Там і переcheкав час погоні і активних пошуків. А потім пішов з Києва ... А на нашому майданчику, після цієї втечі, ми побачили застреленого охоронця, лежачого обличчям вниз. Як же ми зраділи, коли нам наказали віднести його на піч. Це виявився вахтовий офіцер з зондеркоманди. Той самий, хто «прогавив» втікача-шофера.

А незабаром в Києві з'явилося оголошення в газеті: До уваги населення! 26 серпня 1943 року з київської в'язниці втік Завертаний (Завертай) Федір, народження 1912 року, з села Бузівка на Білоцерківщині. За професією - шофер. Зовнішність втікача: зріст 1,65 метра, худорлявий, волосся чорне, кругловидий, очі темні. Одягнений в гімнастерку і ватяні заношені штани, на голові кашкет, босий. Втікач був засуджений за цілий ряд важких злочинів. Це грабіжник і вбивця, який заподіяв населенню багато горя. 10.000 рублів отримає кожен, хто повідомить поліції про те, де він зараз ховається. Грошову винагороду отримає так само і той, хто повідомить, де бачив цього злочинця після втечі. Прізвище того, хто повідомить про злочинця, буде збережена в найсуворішій таємниці ... Поліція безпеки. У 1975 році Василь Чехун українською мовою опублікував повість про Федора Завертаного. Залишається лише додати, що грошей, обіцяних окупантами, ніхто так і не отримав. Свої не видали, а чужим сміливець на очі не попався. Після війни Федір Степанович працював механіком Рембази в своєму рідному селі Бузівка Жашківського району Черкаської області. Щороку, в річницю втечі з Бабиного Яру, він приїжджав до нас з Яковом капери в гості. Помер Федір в 1988 році...»⁵¹

⁵¹ Захар Трубаков «Таємниця Бабиного Яру»: Документальна повість-хроніка/Ред. Г. Розинський. — Тель-Авів: Кругозір, 1997.

Колишні в'язні Сирецького концтабору. З ліва на право: Я. Стеюк, З. Трубаков, Я. Капер, Д. Будник и Ф. Завертаний біля пам'ятника «Радянським громадянам і військовополоненим солдатам і офіцерам Радянської армії, які загинули від рук німецько-фашистських окупантів в районі Сирецького масиву м. Києва». 1978 р.

Котляр Володимир Олександрович

Протокол допиту свідка, колишнього в'язня Сирецького концтабору,
Котляра Володимира Олександровича. Київ, 30 листопада 1943 р.⁵²

30 листопада 1943 р.

Текст (рос.)

Протокол допроса

гор[од] Киев[,] 1943 года[,] декабря 30 дня

Я, пом[ощник] оперуполномоченного Ленинского РО НКГБ[,] лейтенант госбезопасности Хорев[,] сего числа допросил в качестве свидетеля гр[аждани]на

Котляр Владимир Александрович

1897 года рождения, образование [–] малограмотный, беспартийный, уроженец гор[ода] Черкасы[,] проживает в гор[оде] Киеве[,] ул[ица] Красноармейская[,] дом № 17[,] кв. 6[,] работает в ш[т]абе МПВО Ленинского района, женат, профессия стельмах[,] гр[аждани]н СССР[,] со слов не судим.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 89 УК УССР предупрежден - *Котляр*¹

Вопрос: Расскажите[,] гр[аждани]н Котляр[,] как вы знаете гр[аждани]на Мирошниченко и какие у вас отношения?

Ответ: Мирошниченко, имя и отчество которого я не помню, знаю с декабря м[еся]ца 1942 года по совместному нахождению и работе в кон[цен]трационных лагерях немецких в гор[оде] Киеве[,] на Сырце[.]

Взаимоотношения у меня с ним были товарищеские[,] личных счетов не было и нет.

Вопрос: Что это были за лагеря[,] в которых вы находились[,] и что там делали?

Ответ: Это лагеря были сосланного гражданского населения через немецкие карательные органы гестапо, работу там выполняли разную[,] больше по своей специальности, а у кого не было[,] то их посылали на разные работы.

Вопрос: Что вам известно о работе Мирошниченко[,] находясь в концлагерях?

Ответ: Мне известно о Мирошниченко то, что мы с ним работали в одной столярной мастерской концлагеря соседями по верстаку и в июле м[еся]це 1943 года[,] в один из дней[,] на утренней поверке Мирошниченко не было, об этом пошли доложили коменданту лагеря[.] Комендант спросил только фамилию и больше ничего не сказал². Часов в 10 утра Мирошниченко приходит на работу[,] и я его спрашиваю[,] где вы были. Он мне ответил, что по

⁵² ГДА СБУ, ф.6., спр. 71106 ФП, арк. 48–49 зв.

ошибке меня бросили ночевать с вновь прибывшим[и] в лагерь людми. После этого ко мне подходит наш бригадир цеха Иванов и говорит, что вы по осторожнее с Мирошниченко[,] так как он является предателем и его специально подсылают к людям.

И мы все с того времени стали остерегаться Мирошниченко.

Я лично знаю[,] когда его[,] т.е. Мирошниченко[,] подсаживали к вновь прибывшим в лагерь раза два, а потом он был связан с заядлым предателем Боярским[,] который только специально и работал по выявлению людей и их настроения[.] Через его погибло очень много людей в лагере. Мирошниченко все время с Боярским о чем-то совещался.

Помимо этого[,] Мирошниченко имел возможность даже выходить за проволоку лагеря и иметь свидание со своей женой[,] тогда как ни кому из находящихся лагере этого делать не разрешалось. К нему часто приходила жена[,] приносила водки и продуктов, а он на них в лагере выменивал хорошие вещи за пустяки и передавал своей жене[.] И это все тоже говорило за его связь с начальством лагеря.

Был такой случай[:] в августе м[еся]це 1943 года нас[,] группа человек в 40[,] решила³ убежать из лагеря к партизанам, все уже было подготовлено для побега, но дня за три до срока[,] намеченного к побегу[,] из группы забрали 12 человек⁴ тех[,] которые это дело возглавляли⁵[,] и всех их расстреляли. Мы все считали, что это оказался предателем Мирошниченко[,] который передал Боярскому[,] так как мы его в начале считали своим человеком, то отдельные разговоры вели и при нем.

Вопрос: Где находится в данное время Мирошниченко?

Ответ: Мирошниченко находится в гор[оде] Киеве[,] проживает по улице Короленко[,] дом 77[,] кв. 7, а где работает[,] не знаю.

Вопрос: Кто может подтвердить ваши показания?

Ответ: Мои показания могут подтвердить Островский Леонид[,] проживает[:] ул. Ново-Левашовская[,] дом 3[,] кв. 3[.]

Больше показать ничего не могу[.]

Записано с моих слов

Котляр⁶

допрос производил пом[ощник] оперуполномоченный Ленинского РО НКГБ
Лейтенант госбезопасности *Хорев⁷*

¹Власноручний підпис Котляра фіолетовим чорнилом.

²Тут і далі підкреслення в тексті зроблено зеленим олівцем.

³Підкреслено червоним олівцем.

⁴Підкреслено чорнилом.

⁵Тут і далі підкреслено синім олівцем.

⁶Власноручний підпис Котляра фіолетовим чорнилом тут і на кожній сторінці протоколу.

⁷Власноручний підпис Хорева фіолетовим чорнилом.

Панасик Микола Наумович

З документальної повісті учасника повстання Захара Трубакова "Таємниця Бабиного Яру", яка була видана в Ізраїлі в 1997 році, відомо, що в результаті втечі вдалося врятуватися 14 в'язням. Примітним є те, що в книзі Захара Трубакова прізвище Панасик не згадується.

Микола Панасик і Володимир Дарда

Киянка Наталія Озерова повідомила, що її дядько "Панасик Микола Наумович був в рядах тих, кому вдалося врятуватися. Про нього написана книга Володимира Дарда «Повернення з пекла»!⁵³ В сина Панасика в сімейному архіві зберігаються рукописи його батька (додаток 16.).

Зі спогадів випливає, що Микола Панасик на початку війни працював старшим радіотехніком на пункті технічного радіоконтролю Московського НДІ зв'язку в селищі Борова Фастівського району. З цієї причини він не був покликаний в армію і не евакуювався при наближенні окупантів. При німцях Микола Панасик приховав, що був кандидатом в члени ВКП (б), влаштувався різноробочим, щоб не бути вивезеним до Німеччини.

У 1942 році М. Панасик і В. Головка організували підпільну групу з 14 осіб. Організація Панасик-Головка налагодила зв'язок з підпіллям Василькова і партизанським загonom Шаміля Мукагова. Боровські підпільники вели розвідку, ховали і виходжували поранених партизан, постачали в загін зброю, боєприпаси, харчування, медикаментам і зведеннями Радінформбюро, які записували з повідомлень з прихованих від німців, радіоприймача.

Цитата: *“Неожиданно, видимо по доносу, меня, Матвеева М., Дидковскую Л., 28 августа 1943 года арестовало гестапо, и мы были отвезены в Белоцерковскую тюрьму... После двухнедельных пыток в фашистской тюрьме, я и Матвеев были приговорены к смертной казни и брошены в 7-ю смертную камеру Белоцерковской тюрьмы, где мы и находились в ожидании исполнения смертного приговора. Через несколько дней фашисты собрали группу смертников до 34 человек и направили в центральную тюрьму гестапо в г. Киеве, которая помещалась на ул. Короленко №33, где мы находились в камере смертников №23 в течении двух суток”.*

Далі Панасик розповідає, як смертників повантажили в машину-душогубку, однак газом їх не труїли, як очікували в'язні.

⁵³ [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://litra.info/book/yego-lyubov.html>

Цитата: “Машина остановилась – нас окружала большая охрана с нашивкой на рукавах человеческий череп и знак СД с овчарками и автоматами, и мы опознали местность – это был Сырецкий лагерь. Нам скомандовали выходить и строиться. Мы все вышли из душегубки – выстроились перед специальной ямой, где происходят расстрелы. Я был направляющий по своему росту и яма была передо мной. Яма имела глубины до 2,2 метра, шириной до 4 метров с плавным заходом. В центре ямы на высоте головы человека я увидел большую нишу, выбитую из пуль в период расстрелов. Раздалась команда снять верхнюю одежду и разложить по порядку в разных местах: фуражка в одно месте, брюки в другое и т.д. Я это выполнил, после чего все разделись и разложили свою одежду на “кучи”. В период времени, когда раздевался второй и последний, я себя увидел, как на киноэкране с возраста, когда я стал понимать и помнить. Все товарищи поднимали головы, всматриваясь в плывущие тучи, полет птиц и думали о крыльях, которые могли спасти от верной гибели. Листья на деревьях были золотого цвета, приближалась осень 1943 года. Мысли плыли одна за другой, рисовались фантастические планы нападения на охрану фашистов и с этого места бежать. Но нас плотным кольцом окружали фашисты с автоматами наперевес и овчарками, выхода из создавшегося положения не было. Была дана команда: сомкнись, равняйся. Нас повели раздетых в яр”.

Однак їх повели до Бабиного Яру не для розстрілу. Спочатку в'язнів закували в кайдани, а в урочищі вони побачили пекельну картину.

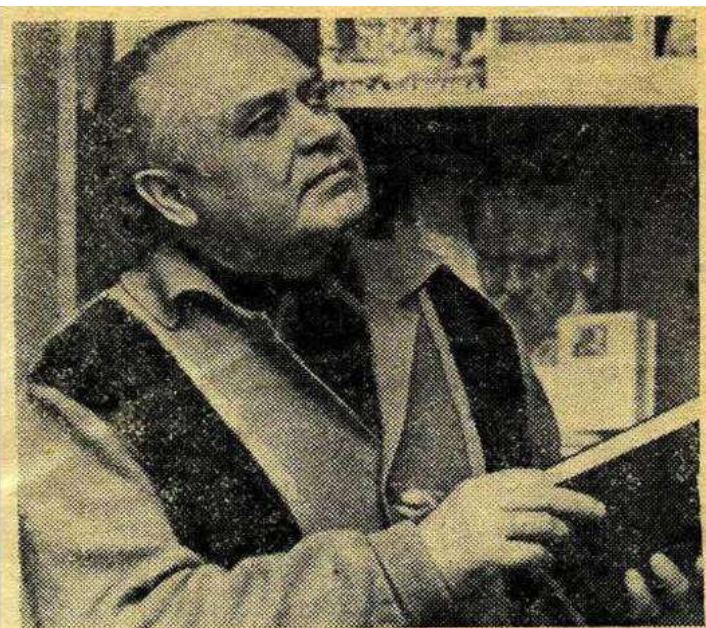
Цитата: “В этом “яру” я увидел сотни закованных, как и мы людей, которые были грязны, черны от копоти и грязной каторжной работы, блестели только зубы. Звеня кандалами, смертники откапывали из братских могил трупы ранее расстрелянных советских граждан женщин, стариков, детей. Расстрелянных было более 110 000. Над “яром” стоял густой чад смрада разложившихся трупов и гарь человеческого мяса, костей. Дышать было очень трудно, воды не давали.

На этой фабрике уничтожения были следующие бригады:

1. Изготовление открытых печей для сжигания трупов.
2. Откопка трупов из общих могил от 500 человек до 5-6 тысяч.
3. Стаскивание трупов.
4. Укладка трупов на открытые печи и штабеля.
5. Огневики – сжигающие трупы в открытых печах с разбивкой человеческих черепов, костей на мелкие частицы и выноской в овраг”⁵⁴ (додаток 16.)

---

⁵⁴ Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kievlast.com.ua/mind/smertniki-babego-yara-kotorye-vyzhili-podpolshhik-panasik-na-fabrike-unichtozheniya-chast-vi?noredirect=true>

Володимир Іванович Дарда
1924- 1992

Хвилююча розповідь про страхіття Бабиного яру, табору смерті в Києві, про мужність підпільників у роки Великої Вітчизняної війни.

Олександр Панасик (син Миколи Панасика)

Бродський Ісаак Мойсейович (1914-1944)

Заява в київську Надзвичайну Державну комісію з встановлення і розслідування злочинів німецько-фашистських загарбників та їхніх спільників колишнього ув'язненого Сирецького концтабору, учасника спалення груп у Бабиному Яру І. Бродського⁵⁵ (додаток 12.).

Возвышенной Комиссии по расследованию
зверских действий во время оккупации
Киевом г. Киева. 29

от: Бродского Исаака Мойсеевича,
прож.: 4-й Район 8-й кв 50.

Заявление,

После того когда я попал в концентрационный лагерь Тирасполь это было в 1941 году в сентябре месяце меня вместе с другими заключенными на ст. Березань и давали отправлять отряда ЧКто Я, но когда меня установили что я еврей меня хотели были расстрелять, но мне кембрики еврей. Выпустили где нибудь по дороге незаконно, меня так же позвали к Вешинке и хотели повесить, но стали от них денать и позвонили к позвонке, где еще были немцы то меня больше не трогали. Когда мы сгруппировались професия то на одной позвонке оказался трудя бачи меня вместе с другими наряды и играли им, когда я играл вокруг меня собралось 10 немцев. Кричали тогда казнить, после того когда я был отпущен, меня заставили что-бы я встретил всех немцев которые там работали, я выполнял все немцев встречалось а на меня напали немцы, веревку через голову и я маршировала в сторону станицы. После все изобавили нас отправивши в лагерь где было 20-и немцев это было на территории Барченковск. Сразроща, здесь ^{меня} отпущали на раскормку вшив, но меня удамов здесь проскочили. Сталиных отправивши Партикуляр. Трудя я совершил. Трудя я стал документе.

⁵⁵ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 29-31

Додатки

Додаток 1.

Облікова карточка врятованої Дашкевич Раїси Генріховної.
Фонд НІМЗ «Бабин Яр»

Д-23
Г-1948

Республиканское общество еврейской культуры
ФОНД «ПАМЯТЬ ЖЕРТВ ФАШИЗМА»

КАРТОЧКА СПАСЕННОГО

Имя Дашкевич Раиса Генриховна
Дата и место рождения 1911 г. гор. Белая Церковь
Национальность еврейка
Образование до войны среднее
Место работы до войны директор Парк культуры
Кто спасал Бондаренко Иван Иванович, Гехова Наталья Владимировна, семья из 8 чел.
Где спасали в г.р. Киеве, в доме отца моей подруги Геховой Людмилы Ивановны по ул. Шевченковской №41 кв.1 Подольский район.
В какой срок годы войны 1941-1943 гг.
Образование среднее
Место работы и должность нет
Состав семьи муж - Зильман Давид Григорьевич
Почтовый адрес и телефон в Киев-167, ул. Флоренции №12-б кв. 123
Дата заполнения 13.12.1991 г. 517-21-90

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРИОДА НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ
1941 - 1943 гг.

Я, Дашкевич Раиса Генриховна, 1916 года рождения, не могу рассказать о тех страшных днях фашистской оккупации нашего города Киева - перехватывает дыхание, **душат** слезы. Решила написать о самом страшном, что довелось испытать мне, чудом оставшейся в живых, видившей весь ужас трагедии тысяч расстрелянных мирных жителей - детей, женщин, стариков в Бабьем Яру.

48 лет я ношу эту боль в своем сердце, старалась заглушить её по той причине, что все эти годы жила не по своей фамилии, имени и отчеству, ведь существовала в нашей стране такая обстановка, что никто о таких как я не думал и не интересовался, как же мы могли выжить и выйти из этого ада.

В самом начале войны моего мужа призвали на фронт и я с 3-х летним сынишкой и две мои сестры, мужа которых тоже ушли на фронт, одна - с двумя, вторая с тремя детьми жили на Сталинке, ул.Совская № 12 у мамы и папы, с ними жила еще наша маленькая любимая сестренка 12-ти лет, а брат 1923 г.рождения учился в Василькове в летном военном училище /числится пропавшим без вести/.

Бои уже шли в Голосеевском лесу. Эвакуироваться семье из 12 человек, в которой 6 малышей не было возможности. И вот это страшное число - 29 сентября 1941 года, когда я потеряла всех родных, черной нитью проходит через всю мою жизнь сквозь сердце, как страшный сон. Шествие было страшным - поток из тысяч обреченных на смерть людей двигался к Бабьему яру. Еще теплилась надежда, что будут куда-то отправлять, что не могут расстрелять такую массу людей, но когда приказали раздеваться и подвели нас

к этому яру - нашей могиле, все поняли - это конец. Люди сходили с ума, поднимались волосы, вопли и стоны, невозможно описать. Я как и все матери держала на руках своего сыночка, видно упала потеряв сознание, не помнила уже ничего, много раз приходила в себя, вроде ощущала, что жива, слышала лай собак, ночь, чувствовала холодное тельце своего ребенка подо мной и тяжесть трупов на мне и опять впадала в беспамятство. Сильный озноб и страшная боль в голове и всем теле, заставили меня пошевелиться и я стала выбираться наверх. Моим счастьем было, что не очень крутым оказался с этой стороны яр, цеплялась за кустарники, траву и как-то выползла. Добралась до домика, постучала и на пороге дома увидела старушку, испуганную моим видом, и опять потеряла сознание.

Три страшных дня она прятала меня в погребе, конечно очень рисковала, немцы обходили расположенные вблизи дома и если находили прятавшихся, всех расстреливали. Я металась в агонии, а она добрая моя первая спасительница отпаивала меня травами, смазывала исцарапанное тело, кормила как маленького ребенка. Уговорила, что ты на еврейку не похожа, молодая и жить тебе надо, одела меня и вот через три дня покидаю этот домик, не зная, что предстоит дальше - смерть или жизнь.

Вспоминаю всех друзей и товарищей, а выбрать нужно одного друга, кто бы приютил, не побоялся, везде об"явления висят - кто скрывает жидов будут расстреляны. Долго бродила по своему родному городу, а он был чужим и страшным, боялась постучаться к тем людям, которые еще недавно были друзьями, к некоторым решилась зайти, одни пугались моего вида и на порог боялись пустить, а другие накормили и что-то из одежды дали, ведь надвигалась зима, ночлега не предложил никто.

Оставалась надежда на мою сотрудницу Бондаренко Людмилу Ивановну, с которой подружилась, мы работали вместе на Куреневке в парке культуры и отдыха "Березовая роща". Семья её состояла из 8-ми человек: она с дочерью 15-ти лет, отец - Бондаренко Иван Андреевич, мать, брат - Бондаренко Иван Иванович с женой и двумя малолетними детьми. Проживали все в своем доме на Подоле, Щекавицкой № 41. До войны я бывала в этой семье, знала их доброе отношение к людям, гостеприимство. Очень многие на Подоле люди знали их отца, он еще в 1919-20-х годах спасал у себя в доме еврейские семьи от погромов. У них я и нашла спасение, они приняли меня в свою семью, все вместе переживали эти страшные годы - холод, голод, ходили менять вещички на хлеб и часто, истерев ноги до крови, пройдя 100 километров по глухим селам, возвращались ни с чем, т.к. под Киевом полицаи забирали всё.

Самым страшным были облавы, пряталась в подвале, испытывала ужас, когда думала какому риску подвергаю всю семью. Нужен был документ, что я украинка и такой документ я получила, благодаря брату моей подруги и его товарищу, он появлялся всегда внезапно, они о чем-то говорили, куда-то уходили, мы догадывались, что он связан с партизанами, знали только его имя - Жора, а в один из дней в 1942 году немцы его выследили, когда он пришел к матери в дом по Щекавицкому тупику около хлебозавода, он выскочил в окно и тут же был расстрелян.

Приближался 1943-й год, партизаны расклеивали листовки, что близится час освобождения, а немцы свирепствовали, угоняли людей в Германию, расстреливали. Подол объявили запретной зоной и мы ушли в чем стояли на Дорогожицкую, где прятались в подвале. Киев польхал и взрывался, немцы отступали, а наши души ликовали, дождалась мы освобождения 6 ноября 1943 года.

Возвратились на Подолье на Щекавицкую, где с болью в сердце пришлось оставить стариков - они не могли передвигаться и только просили нас - спасайтесь сами и детей спасайте. Как они могли выжить предстать было невозможно, опухшие от голода, мать с гноящейся от вен ногой, у отца рана в животе - полицай ударил штком, когда выгонял их из дома, пошел выгонять других, а они спрятались в подвале.

Залечивались раны от пережитого в Бабьем яру, молодость возвращала меня к жизни. И давно нет уже моей старшей подруги Бондаренко Люси, её отца и матери, светлая память о них всегда в моем сердце. А самыми близкими мне и родными стали - её дочь Чехова Наталия Владимировна, брат - Бондаренко Иван Иванович и его жена Наталия Остаповна. А ужас прожитого мной в молодости дал знать о себе с возрастом, перенесла за эти годы 6 полостных операций и самую тяжелую в 1984 году, шесть раз под общим наркозом отразилось и на памяти, годы что-то стирают, может что забыла, не все описала, но самое страшное никогда не забудется.

Мои воспоминания - исповедь, тогда в далеком 1941 году, молодой женщины, расстреляной фашистами 29 сентября вместе с маленьким сыном и всей семьей, до сих пор не понимающей, где взяли силы, как осталась жива выйдя из могилы. Ответ один - люди, их помощь, доброта и сочувствие. И всем этим людям моя безмерная благодарность и низкий поклон.

Спасибо Вам, что прочтете эти строки, спасибо за то, что настало время, когда Вы можете воскресить память о безвинно погибших, память которую храним мы и будут чтить наши потомки, знать историю нашего народа,

---

Мы, пережившие страшные годы фашистской оккупации, живые свидетели трагедии Бабьего яра, помогли выжить в те годы молодой женщине - Раисе /в настоящее время Дашкевич, в один день потерявшей ребенка и всех родных. Мы поступили так, как поступил бы каждый честный человек. Все, что она вспомнила и описала ужасная правда тех лет, правда незабываемая, горестная, страшная.

Бондаренко Иван Иванович *Бондаренко* 417-18-87

Бондаренко Наталия Остаповна *Бондаренко*
прож. г. Киев-71, ул. Ратманского 48 кв. 8.

Чехова Наталия Владимировна *Чехова*
прож. г. Киев-114, ул. Вышгородская, 36 кв. 53. 430256-47

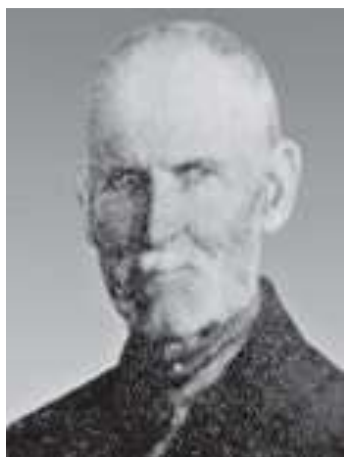
Родина Бондаренків – рятівники Дашкевич Раїси Генріховної (Жогут Рахіль Генахівна) під час нацистської окупації м. Києва 1941-1943 рр.

Л. І. Чехова

Н. В. Чехова

І. А. Бондаренко

М. Ф. Бондаренко

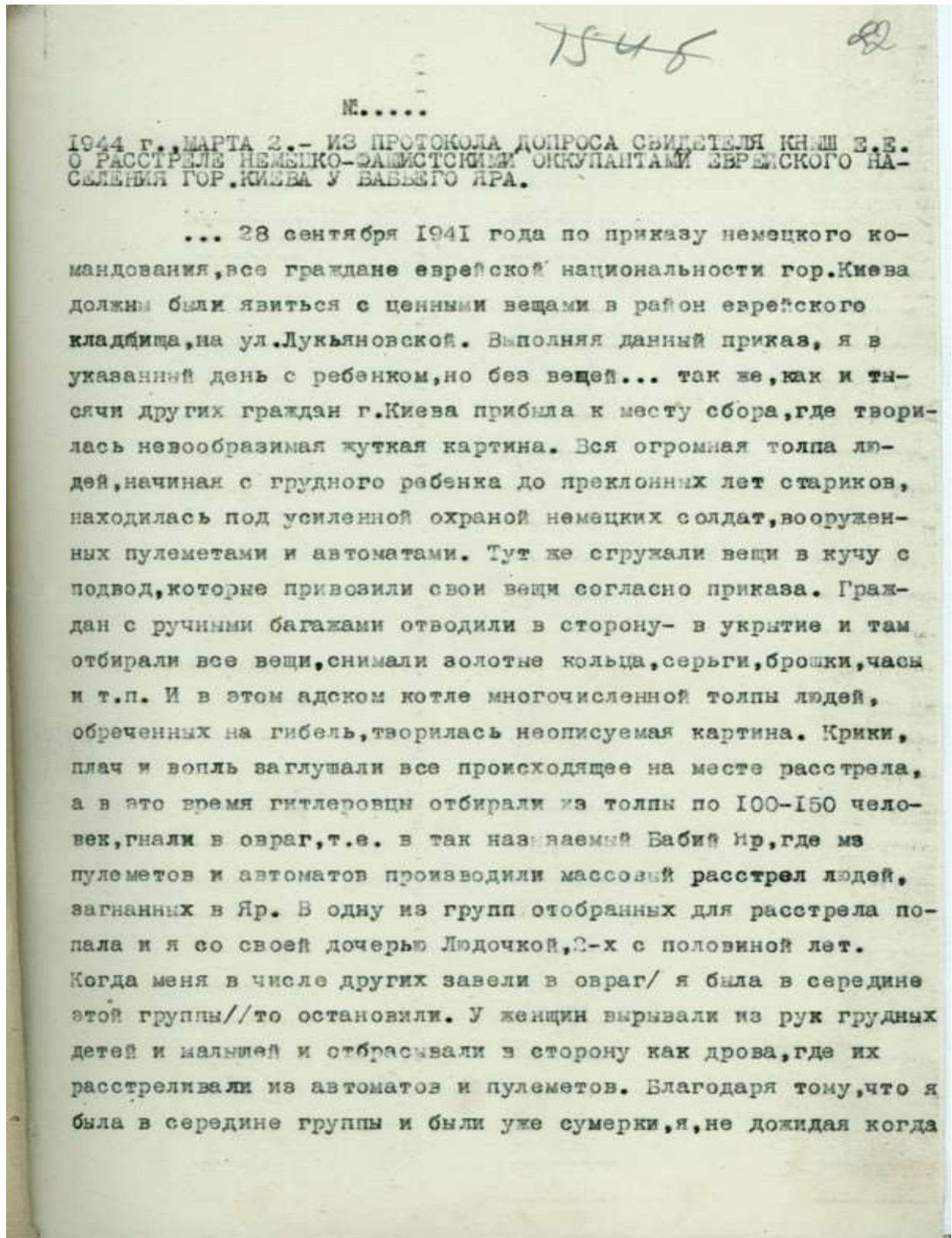

І. І. Бондаренко

А. О. Бондаренко

З протоколу допиту свідка Книш Є. Є. про масовий розстріл нацистами єврейського населення м. Києва, 2 березня 1944 р. З фондів ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 22-24

начнут расстрел, упала на землю, положила под себя ребенка, в это время я услышала трескотню пулеметов и люди попадали мертвыми на меня, обливаясь кровью. В таком положении я пролежала часа два, пока все затихло, я осталась жива и сохранила жизнь ребенку, и когда уже совсем стемнело, я осторожно приподнялась и, убедившись, что вблизи никого из охраны не было, взяла ребенка и по трупам стала пробираться куда-либо в укрытие с целью спасения.

С большой осторожностью и риском я с трудом добралась до поселка Бабьего Яра и в одном подвале скрывалась четверо суток, влача при этом совершенно голодное существование. Для того, чтобы не умереть голодной смертью, я по ночам выходила из своего уртия и в мусарных кучах собирала остатки пищи, картофельные очистки и т.п., чем питалась сама и кормила ребенка. Я имела ужасный вид, и показаться среди людей в таком виде - это значило стать привидением, я вся была в крови с головы до ног, в таком же виде была и моя дочь, обмыться было негде, да и об этом ли было думать, у меня все мысли были сосредоточены к одному, остаться живыми. Такое ужасное положение натолкнуло меня на мысль, и я в одну ночь своей нелегальной жизни пошла на преступление, забралась на чердак одного дома, где в тряпье нашла для себя рубку и кофту, а так же для дочери тоже кофту, непомерно большую для ее возраста, теперь я сбросила с себя и дочери кровавое белье и уже мы приняли совершенно другой вид. На 5-е сутки своего страдания я с большим трудом, на рассвете, всякими окольными путями добралась до своей подруги Шелест Федорн, ул. Боричев-ток 19 кв. 3, где прожила 4 дня под замком в отдельной комнате,

24

3.-

затем скрывалась у другой подруги Литашенко Евгении Эфимовны, ул. Протиско-Никольская 3, кв. 12, после чего я без документов под разными предлогами скрывалась в селах Киевской области, один раз была задержана полицией в селе Мало-Половецком, Великополовечанского р-на и посажена вместе с молодыми гражданами, подготовленными для отправки на каторгу в Германию, но они в одну ночь взломали окно в комнате, где сидели, и разбежались, одновременно убежала и я. Таким образом я нелегально скрывалась до прихода частей Красной Армии.

АЧГК, ф. Киевская обл., д. № 235, лл. 103, 104.

З протоколу допиту в КДБ у якості свідка Я. Екеля, який врятувалася від розстрілу у Бабиному Яру ГДА СБУ, ф. 7, оп. 8, д. 1, арк. 231-234.

28 липня 1980 р.

Текст (рос.)

Протокол допроса свидетеля Экеля Якова Петровича, 1923 г. рождения, еврея, гр. СССР, б/п, со средним образованием, зубного техника, проживает в г. Киев, ул. А. Бубнова, дом 5, кв. 35

[...]

По существу вопросов, интересующих следствие, свидетель Экель показал:

В первые дни войны я был мобилизован на строительство оборонительных сооружений и работал под Киевом. 19 сентября 1941 г. рабочая бригада попала в окружение, и я, как житель г. Киева, пришел домой, где были мои отец, мать и бабушка.

Отец до войны работал ездовым в городской конторе гужевого транспорта, и в охране нашего двора находилась лошадь и небольшая повозка. Поскольку моя бабушка была постельной больной, отец решил, что к месту сбора мы все поедem на повозке.

Утром 29 сентября 1941 г. отец, мать и бабушка на повозке, в упряжке которой была одна лошадь, приехали в район Лукьяновского рынка. Примерно к 10 часам утра мы приближались к ул. Пугачева.

Как только идущие переехали ул. Пугачева, их уже брали под конвой гитлеровские автоматчики и обратно по ул. Мельника уже никого не пускали. Нашу повозку повернули обратно, столкнув нас всех на землю. Куда фашисты дели повозку с вещами мне неизвестно, да и в той суматохе этим никто не интересовался. Людей гнали дальше по ул. Мельника и уже здесь начали отнимать сумки и чемоданы с вещами, требовали сдать ценности. С ул. Мельника поток граждан направлялся влево на ул. Дорогожицкую, затем по этой улице к концу территории Лукьяновского и Военного кладбищ, и затем вправо, вдоль урочища Бабий Яр. На этом участке гитлеровцы стояли в два ряда плотно друг к другу и создали как бы живой коридор, по которому сплошным потоком гнали обреченных на смерть граждан.

В той обстановке я остался с отцом, мать и бабушка оказались где-то впереди. Теперь точно не припомню место, но на одном из участков было множество мелких оврагов, вымытых дождевыми ручьями и здесь охранники стояли дальше друг от друга. Воспользовавшись этим, отец столкнул меня в один из оврагов, и сам последовал за мной. По оврагу мы выбрались на кладбище, где дождались глубокой ночи и затем ушли в село на родину отца. Там, через несколько дней отец был задержан гитлеровцами и расстрелян, а я некоторое время скрывался у знакомых, затем в январе 1942 г. перешел линию фронта и был призван в Советскую Армию.

Стенограма спогадів Пронічевої Діни Миронівни про катування та знущання нацистськими окупантами єврейського населення у Бабиному Яру м. Києва. 24 квітня 1946 р ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 281, арк. 1-21

1946 г. АПРЕЛЯ 24 - СТЕНОГРАММА ВОСПОМИНАНИЙ
ПРОНИЧЕВОЙ ДИНЫ МИРОНОВНЫ О ЗВЕРСКОМ УНИЧТО-
ЖЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАБЬЕМ ЯРУ гор. КИЕВА

Родилась в 1911 году 7 января в городе Чернигове. До пяти лет жила в г. Чернигове, а с пяти лет проживала все время в городе Киеве. Национальность - еврейка. Образование незаконченное высшее. Закончила театраль- ный техникум, военную школу связи, поступила в театраль- ный институт, но не закончила.

В 1941 году работала в кукольном театре. Началась война, театр распался. Я пошла работать в отдел связи при штабе 37-ой армии. В связи долго работать не могла из-за домашних обстоятельств и меня перевели в отдель- ный стол старшей машинисткой при штабе 37-ой армии. Впоследствии штаб 37-ой армии помещался по ул. Вороши- лова № 30.

17 сентября 1941 года я пришла на работу в штаб и мне сказали, что мы отступаем. Мой начальник, майор Богданов, сказал мне, что т.к. я имею малых детишек, мо- гу остаться. Таким образом я осталась.

19 сентября 1941 года в город Киев вошли немцы.

20 сентября домой пришел мой муж из окружения. Из Перемышля со своей частью добирался до Фастова, где и попал в окружение и их отпустили.

Настроение, конечно, было паническое: ни пищи, ни во- ды, ни света - ничего не было.

Числа 24-25 сентября по Киеву начались пожары, был взорван Крещатик, горели улицы Пушкинская, Свердловская

Началась ловля евреев, немцы ходили ночью по квартирам и выскивали евреев. Я жила у свекрови, она была женщиной небожней, у нее висели иконы и, когда пришли немцы, она указала на иконы, т.е. что мы русские и они меня не тронули.

По городу были также слухи, что все эти пожары происходят из-за евреев, которые остались здесь, не эвакуировались. После чего 28 сентября 1941 года появился по всему городу приказ, в котором было написано: " всем жидам взять с собой теплые, ценные вещи и явиться завтра т.е. 29 сентября в восемь часов утра на улицу Дегтяревскую". За неявку - расстрел. Подписан была комендантура.

М и две брата ушли на фронт. Младшая сестра осталась с больными стариками-родными. Она меня попросила их проводить, т.к. они думали, что это евреев будут куда-то вывозить, т.к. нужно было взять теплые вещи, и я пошла с ними. Дети остались с мужем дома.

В семь часов утра я была у своей матери и в начале восьмого мы направились в указанное в приказе место. По улицам пройти было невозможно: на подводах, машинах, двуколки везли вещи, - был страшный гул, людей шло очень много: старики, матери с грудными детьми, старухи. Мы шли толпой.

Дойдя почти до ворот еврейского кладбища, там было проволочное заграждение, стояли противотанковые ежи. У входе стояли немцы и украинцы, пропускавшие за заграждение. Туда войти можно было свободно, а на выход никого не пропускали, кроме подвозчиков.

Я посадила родных у ворот кладбища, а сама пошла посмотреть, что делается впереди. Протяв еврейского кладбища длинный забор, который поворачивает налево, я пошла прямо для того, чтобы посмотреть куда сворачивают люди, зачем они туда идут. Я думала, что там стоит поезд но я увидела, что меховые вещи немцы сразу снимают и забирают, пищу забирали и складывали в одну сторону, одежду — в другую, а люди шли прямо.

Они отбирали большое количество людей, потом останавливали на некоторое время и вновь брали. Когда дошла очередь до меня, я хотела сначала выбраться, но меня не выпустили. Я вернулась к своим старикам, ничего им не сказала, чтобы их не волновать и прошла вместе с ними. У родных отобрали вещи. Пошли прямо, потом направо, тут я потеряла родных, меня от них оттолкнули толпа, они пошли вперед. Мне казалось, что шла мы долго. И вдруг я слышу поезда себя голос в толпе старика: — дети мои, помогите пройти, я слепой". Мне стало жалко старика и мы вместе с ним пошли. Я у него спросила: "Дедушке, куда нас ведут". О мне говорят: "Разве, деточка, ты не знаешь, мы идем отдать богу последний долг".

Потом я увидела площадь по обе стороны которой стояли немцы в два ряда. Через одного, двух на руке были накручены ремни или цепи собак. Во всех у них были дубинки резиновые или большие тяжелые палки. И вот мы должны были пройти весь этот коридор, как я его называю, это побоище. Все проходили. Я остановилась

мне было страшно идти вперед. Проходя этот коридор, немцы били людей с двух сторон в обязательном порядке. Если кто-нибудь падал, на него спускали собаку, которая рвала вещи, тело, человек поневоле поднимался и бежал вниз, а там попадал в руки полицейских, которые раздевали людей донага, причем, била ужасно куда попало и чем попало: и руками, и ногами, у некоторых полицейских были на руках кастеты.

Люди на расстрел шли совершенно окровавленные. Я еще не шла, все это видела сверху, не доходя этого коридора. Но когда я посмотрела в сторону раздетых, очевидно меня снизу заметила мать и она мне кричала: "Доченька, ты не похожа, спасайся". Мне хотелось броситься их защитить, но инстинкт самосохранения подсказал — ты не спасешь. Я должна была пройти этот коридор и я прошла под ударами немецких палок, но прошла не согнувшись, прямо-выдержала все.

Сшла вниз прямо к полицаям и сразу же спросила у него на украинском языке, где комендант. Он спросил зачем мне комендант. Я ответила, что я не еврейка, а украинка, шла провезать сотрудников, повала случайно. Он как-то посмотрел на меня, спросил документы. Я показала ему членский профбилет и трудовую книжку, где национальность не указывается. Он поверил мне, потому что фамилия русская, отчество тоже как-то звучит по-русски и он указав мне на бугорок, где сидела небольшая группа людей, говорят: — садись, подождешь до вечера, когда всех жидов перестреляем, вас выпустим.

Я поднялась на бугорок, села. Сначала смотрела на все эти ужасы: на глазах моих раздевали, били, люди истерически смеялись, видимо сходили с ума, стеновались за несколько минут седьми. Грудных детей вырывали у матерей и бросали вверх через какую-то песчаную стену, всех голых выстраивали по две-три человека и вели на какую-то позвищенность к песчаной стене, в которой были прорезы. Туда люди входили и не возвращались.

Паспорт я выбросила заранее, не доходя "коридора". Я все-таки ядела вечера не зная, что меня ждет.

Вечером под "окале" машины и немец-офицер, который в ней сидел, сказал, чтобы нас всех расстреляли, мотивируя тем, что если хоть один человек отсюда выйдет, проговоратся в городе, что он здесь видел и на второй день ни один жид не явится.

Нас всех повели расстреливать туда же в песчаный разрез, куда вели всех. Но нас не раздевали, т.к. уже было темно и немцы уже были уставшие. Я шла, примерно, во втором десятке. Выходя из так называемой двери, из этого разреза, навало был небольшой выступ, где выстраивались все люди и с противоположной стороны из пулеметов их расстреливали, люди падали вниз в очень, очень глубокую пропасть. Я закрыли глаза, стекла кулаки и сама бросилась вниз до выстрела. Конечно, мне казалось, что я лечу целую вечность, т.к. было очень высоко. При падении я не чувствовала ни боли, ни удара-ничего. У меня было единственное желание-жить.

Сначала меня обдело всю кровью, по лицу стекала кровь. Я слышала стоны. После нашего расстрела, нас

было немного, никого не расстреливали. Мы были сверху. Потом я услышала икоту предсмертную, плач- это все исходило от недобитых трупов, от умирающих.

Немцы присвечивали фонариками сверху и стреляли вниз, добывая еще недострелянных. Недалеко от меня кто-то стонал сильно и немцы спустились вниз, их это очень раздражало, ходили по трупам и достреливали, кто шевелился.

Один из полицаяв или немцев / я не могу вспомнить / наткнулся на меня, т.к. я сверху лежала, и перелетел через меня так, что я перевернулась. Он присветил фонариком. Он не обнаружил на мне крови на теле, одежда не была прострелянной и он сказал об этом немцу. Тот сказал, что сейчас проверим и меня подняли, подбили, потом бросили. Я не охнула, не застонала, он стал мне одной ногой на грудь, другой-на руку, но я и в этот раз не застонала. Они решили, что мертве и оставили меня в покое, а сами ушли.

Через некоторое время я услышала прямо чуть-ли не над самым ухом: " Демиденко, давай сюда, заснивай". После чего я услышала какие-то глухие удары, потом все ближе и ближе я почувствовала, как на меня посыпался песок- это присыпали трупы. Мне стало очень тяжело, т.к. я лежала лицом вверх.

Не знаю сколько я пролежала, но когда я начала задыхаться, мне не хватало воздуха, собрала все силы и начала барахтаться, решили-пусть лучше расстреляют, чем я живо похоронена. Здоровой правой рукой / левую руку немец мне перевернул, когда стал на нее / мне уда-

лось ее продвинуть и, когда я почувствовала, что она свободно оттолкнула песок с лица. Вместе с воздухом я наглоталась песку и земешляки, перепугалась, что меня обнаружат и дострадают, а все-таки думала-эвось выберусь, спасусь. Я, конечно, старалась кашлять тихо. Мне стало немного легче, я стала барахтаться и вылезла вся.

Разглядеть куда ползти было невозможно, т.к. был в глазах песок и кроме того было уже темно.

Потом, пролежав немного в темноте и прикинув к мраку, я рассмотрела, что кругом 4 стены на большом расстоянии и ползти мне нужно к той стене, откуда мы свалились и я поползла туда. С большим трудом, делая последние усилия, я выбралась наверх, в эту минуту меня кто-то откликнул. Это оказался мальчик 14-ти лет, которого звали Мотя. Я приказала ему молчать и мы поползли вместе. Он во всем меня слушался.

Долго мы ползали по поверхности, но уйти нам не удалось, т.к. кругом были яры.

Уже начался рассвет. Нам надо было куда-то спря- таться, мы опустились метра 2, два с половиной вниз за одну из стен расстрала и спрятались в кустах.

Когда рассвело, на противоположной стороне со стороны Куряевки мы увидели-немцы вели двух женщин-евреек. Я хорошо знаю, что это были еврейки, т.к. я слышала как они кричали на еврейском языке. Немцев было семь человек, они по очереди насильствовали женщин, потом тут же их короткими закололи и обросили вниз. Потом я увидела одну стерушку, которая бежала по той

же противоположной стороне, и ребенок — мальчик лет шести-семи, который бежал за старушкой и кричал: "Бабушка, я боюсь", а она от него отмахивалась. Два немца догнали их и убили сначала ребенка, а потом старуху.

Также я увидела, как подошла какая-то женщина с ребенком на руках, смотрела вниз, смеялась и разговаривала с немцами, которые стреляли.

Потом, к вечеру у меня начался галлюцинация: я видела перед собой все время отца, мать, сестру, которые были одеты в белых длинных халатах. Все они смеялись, кувыркались и я засмеялась вместе с ними, потеряла сознание и свалилась вниз в обрва.

Когда я очнулась, надо мной сидел Мотя и плакал, он думал, что я умерла. Я очень быстро сообразила, где я нахожусь и мы поползли с ним дальше. Уже было совсем темно. Доползли мы с ним до конца выступа этой долины, по которой ползли, засели слева в кустах. Для того, чтобы спастись нужно было переползти большой луг, подняться нагору и тогда только попасть в Куреневскую рощу.

Мы договорились с мальчиком, т.к. он был почти раздет, а я все-таки в темном, он поползет первый и если все будет благополучно, он пошевелит веткой и тогда поползу я.

Но он переполз и попал прямо на охрану, его сразу же расстреляли. Я чуть не потеряла сознание. Снова одна. Кругом был песок, я подняла немного песка, сделала ямку, потом засыпала ее, как-будто бы над могилой,

поплакала так я похоронила ребенка.

Вторая ночь уже близилась к концу. Начался рассвет. Я увидела, что сижу на дороге в кустах, — меня могут заметить при свете. Направо от меня был какой-то проулок и я опрометью бросилась туда, меня никто не заметил. Это оказалась мусорная свалка. Я зарылась по горло в мусор и забросалась всякими тряпками, бумагами — корзину, которую положили на голову. Напротив себя у видела две больших зеленых помидора, но к ним было ползти. Мне сразу захотелось пить, я старалась думать о чем угодно, но меня все поворачивало в ту сторону, как бы достать эти помидоры, инстинкт самосохранения взял верх.

Так я досидела третий день дотамна в этой яме. Дождлившихся ночи, я снова поползла и выбралась наверх, на какую то поляну. Ползла долго, провалилась в какой-то овраг с колючей проволокой, но все-таки оттуда выползла и осторожно поползла на животе.

Ползла всю ночь и добралась до первого же домика. Мне хотелось забежать в эту первую же хатку и рассказать как я ушла, сколько выстрадала, может быть меня люди спасут, но кругом все спало. Я вскочила в полуоткрытый сарай, т.к. на меня набросилась собака, и там простояла до рассвета. Сарай был пустой. Собака все время на меня лаяла.

Вышла хозяйка этого домика, обнаружила меня в сарае и мне пришлось выйти. Когда она спросила меня: "Как ты сюда попала", то в ее тоне я почувствовала

для себя угрозу и мое намерение рассказать о пережитом конечно, немедленно исчезло. Я стала врать, сказала, что иду с окопов, что я из Белой Церкви и спросила дорогу к коменданту города, который может меня направить домой. Она мне ответила: - сейчас мы тебе покажем дорогу, - и куда-то послала своего сына. Минут через пять ее сын привел немца-офицера и указывая на меня, сказала "Ось, пан, юда". Немец ударил меня и приказал мне следовать за ним. Я пошла беспрекословно.

Он привел меня в какой-то домик, где жили немцы. Они завтракали. Несмотря на то, что это был четвертый день, я есть не хотела. Немец-офицер приказал им стереж меня, а сам ушел. Меня заставили убирать: подмести, вытереть окна, помыть посуду. Я делала все молча, стараясь быть совершенно спокойной. Потом эти немцы куда-то ушли, остался только один, который стерег меня.

Через некоторое время пришел снова тот же немецкий офицер с хозяйским сыном, они привели двух девушек по 15-17 лет, которые страшно кричали, плакали, целовали сапоги этому немцу, просили, чтобы их заставили делать самую тяжелую работу, только-оставить им жизнь.

Он их нервно отбрасывал и приказал мне следовать за ними, нас всех куда-то повели. Привели на ту же площадь, где раздевали 4 дня тому назад. Тут только я сообразила, что четыре дня я ползала, притом, вокруг до окопа и ползла снова туда же.

Было очень много вещей и обуви - все лежало отдельно. За вещами в стороне сидели-какие-то люди, их

было немного, человек 30-40. У видала, что это были старики, стерухи-остатки евреев, выловленные по квартирам, которые не могли идти. Здесь была и женщина с двумя детьми, один-грудной. Она очень кричала. Рядом с ней сидела очень спокойная девушка-медсестра, которую, как я потом узнала звали Люба.

Мне стало жаль меня, очевидно мне было холодно, я дрожала. Она разостлала свою шинель и предложила мне сесть рядом, другой половиной шинели накрыла мне ноги. Из всех сидящих только мы вдвоем сидели совершенно спокойно, т.е. внешне спокойно. Так просидели мы час, две-неизвестно сколько.

Под вечер под"ехали какая-то большая машина с нашими военнопленными бойцами, все они были с лопатами. Нас всех посадили на эту машину и повезли, куда-неизвестно.

Мы договорились с Любой-при удобном случае прыгать с машины, удрать, а если будут по нас стрелять-это будет неожиданная смерть, это будет все-таки легче чем сидеть и ждать где-то смерти.

Нас привезли к гаражам, против еврейского кладбища. Но там не было мест, гаражи были переполнены евреями. Нас повезли куда-то дальше. И вот, в районе Шулявки, через задний борт машины мы по очереди, сначала я, потом Люба выпрыгнули почти незаметно для находящихся в машине, т.к. все смотрели вперед, куда везут.

Т.к. уже вечерело и надо было где-то ночевать /домой пойти я боялась/, я предложила Любе пойти к своей двоюродной сестре /по национальности она полька/

которая оставалась здесь, в Киеве, мы пошли к ней. Она приняла нас и целую ночь вдвоем грели воду и отивчизеди на мне влившую в раны сорочку.

Ночью была облава. На меня неложили сверху подушек сена и таким образом меня спасли.

Наутро мы с Любой ушли в Дарницу /ДНРЗ/. Там мы поселились в хатках-вагонах. Люба ходила на огороды, выкапывала остатки картошки. На щепочках варили прикрывая огонь, чтобы нас не обнаружили. Потом нашла в грязной коробочке заплесневшую зеленую корочку, обмыла ее в душе и подарила мне, как больной.

На третий день нас обнаружили. Шли два немца и инженер завода, который меня за кого-то принял /он обозначился/ и спросил у меня: "Вы, кажется, работали у нас в инструментальном цеху". Я поспешила согласиться с ним, что действительно работала и он сказал немцам, что я местная. А я уже сказала за Любу, что это моя родственница, мы были на окопах, пришли домой, но наше здание разрушено и потому мы здесь поселились.

Нам поверили и предложили перейти в бывшие ермейские кезармы, т.к. завод огораживался и вокруг жить нельзя.

Потом приехали туда немцы, это были восстановительные части, которые набирали рабочую силу для восстановления завода. Им нужны были регистраторы, но т.к. Люба довольно прилично владела немецким языком /я знала немецкий язык очень слабо, но латынь знала/ меня посадили регистратором в конторе, Люба стала переводчицей.

Таким образом на нас подозрения быть не могло. Потом в эти казармы поселили немцев и нам пришлось оттуда уйти. Из милости, начальство приняло нас в кухню с тем, что мы будем на них стараться, штопать, носить воду, гладить, готовить, носить дрова, колоть, резать - вообще делать все абсолютно, а также работать в конторе.

Мы согласились, что было делать. Была суровая зима. Одеть у нас нечего было, голодно было. Когда мы верили им, крали и себе. Я крали у них продукты и передавала в город детям через двоюродную сестру. Тосю, иногда в город и я приходила. Также адрес знала Любе и она приносила краденные продукты детям.

11 декабря 1941 года Любу выдали, на нее донесли. 12 декабря на рассвете Люба бежала. В это время я уже забрала к себе на кухню своего двухлетнего сына, т.к. в Киеве детей смешанных браков расстреливали. Сына я выкрала, вернее, я подослала домой девушку Натасу Гриневу /она и сейчас живет у меня/ и она выкрала сына и привезла мне.

Потом выдали и меня. Полтора месяца я сидела у себя же в комнате в заперти. Начальство уехало, я осталась на всё в квартиру с ребенком. Приняла к себе Натасу и мы жили вместе с ней. Уйти оттуда никак нельзя было, т.к. я жила на втором этаже, а на первом этаже была полиция, которая меня стерегла.

Врачи, работающие на заводе, хотели помочь мне, т.к. я опасалась их. Начальник завода, шеф э-де не любил русских. Им вешалась буква "Р" над ними очень

издевались. А эти две врача были русские, бежавшие из одного немецкого лагеря, я подделала им документы, написала, что они украинцы и устроила на завод.

В благодарность за это они говорили гестаповцам и полицаям, которые приезжали за мной, что меня сейчас не допрос взять нельзя, т.к. сильный сердечный припадок, возможно, что она еще не еврейка, ведь доказать не могут, документы у меня в порядке.

Меня оставляли на некоторое время в покое, но я лежала и дрожала от каждого шороха, от каждого шага обставленная вся вокруг лекарствами.

23 февраля 1942 года, как раз в день Красной Армии, за мной приехало гестапо окончательно забрать меня. Это было на рассвете, часов семь утра. Наташа ушла на завод. Я с ней договорилась заранее, что если меня заберут, то ребенку я оставлю ей, а она привезет его к мужу в Киев.

Полиции еще не было, она являлась к восьми часам. Я видела, как гестаповцы выскочили из машины и направились прямо ко мне в переднее. На босую ногу, в галошах, набросив только летний жакет, я выбежала на чердак/ это был третий этаж, там больше никто не жил/. Сын мой еще спал. Я боялась, что если схвачу ребенка, он неделает крику и мы обе погибли. Я не взяла его с собой. Я думала, что гестаповцы посмотрят, что меня нет дома, уйдут. Но они ожидали, очевидно думали, что я куда-то близко вышла, т.к. ребенок спит и я скоро вернусь.

Я сняла галоши и осторожно-босиком спустилась вниз на улицу. Пробежала ко второму дому, только там одела галоши и пустилась бегом в лес.

Я присидела очень долго пока не увидела, как машина гестаповцев уехала. Я боялась вернуться обратно и пошла на Киев. Я разорвала на себе сорочку и замотала ноги вместо чулок.

Дойдя до Дарницкого моста, у меня потребовали пропуск, но врачи, находящиеся на заводе, написали мне на всякий случай направление якобы я направляюсь по болезни в больницу. Я предъявила эту справку и мне поверили и даже посадили на проезжавшую машину, которая довезла меня до Киева.

В Киеве я устроилась через свою двоюродную сестру Тосю свидание с мужем. Он дал мне свои ботинки, веленки, кожушок и отвел меня ночевать к моей теперешней сотруднице артистке Поповой. У нее я жила 10 суток, все в ожидании, что мне привезут сына.

Мне пришлось оттуда уйти, т.к. кругом были облавы, ходили по квартирам и отыскивали не пропавших и угоняли в Германию. Таким образом я стала скитаться. Две ночи прожила у пианистки. День ходила по окраине города, а на ночь приходила к пианистке нашего театра, с которой работала до войны. Приходила к некоторым знакомым, которым можно было поверять. Но все это было на одну ночь.

В конце концов все стали меня сторониться. Уйти мне некуда было, я была раздета, без денег. Я стала ночевать в подвалах, на чердаках, в развалинах. Пере-

ставала ночи в уборных. Так все затянулось до мая месяце. Я все никак не могла узнать о ребенке, где он делся, и решила уйти, но очень заболела, на улице меня подобрала и отвезли в больницу.

В это время я узнала, что мой муж Проничев арестован. До 1945 года я ничего о нем не могла узнать. В 1945 году вернулась из Германии пианистка, работавшая с нами до войны, которая после ареста Проничева, видела его на тяжелых работах. Она принесла ему покуриль и покушать, и когда однажды она пришла, ей сказали: " Не носите больше ничего, его уже нет". Его арестовало гестапо. Она попыталась еще раз прийти, но ей говорили, что его расстреляли. Так ли это она не могла доказать, но больше ничего никто о нем не знает.

Когда меня забрали в больницу—это как раз были дни эвакуации жителей со Слободки в Киев. Эвакуация производилась немцами, так как вокруг Слободки были обнаружены партизаны.

Выйдя из больницы, я пришла в сторону Шулявки. Я знала место, где бывал муж, мне казалось, что я его там встречу. Но кто-то на меня указал. Какую-то группу проводили люди или из облавы, или арестованных, меня туда подтолкнули и вместе со всеми забрали.

Привели нас в Лукьяновскую тюрьму, где просидели 28 суток. Били меня сильно. Там работал полицейский Митя, который часто передавал мне лешний кусок хлеба и в свое дежурство, папиросы. И вот, когда меня взяли на

последний допрос, он меня почти полумертвую, избитую унес. Мы очутились с ним против больницы Калинина, в стороне Шуляки. При чем до этого он прибил немца прикладом, поэтому он унес меня.

Возле больницы Калинина он посадил меня и сказал:
 - С тобой далеко я не уйду, мне нужно спешить.
 Я не полицаи, а партизан. Меня зовут Митя.

Он поцеловал меня и исчез.

И вот больная, избитая, вся в шрамах ушла я пешком на Белую Церковь. Добиралась много дней. По дороге, не доходя до Василькова, мне подарили дранные босоножки, в которых я ходила до осени. Добравшись до Белой Церкви, там работал один из Киевских театров, но фамилий знакомых не оказалось и поэтому я смело вошла в театр и предложила свои услуги. Но так как у меня был ехивный вид, я сказала, что я эвакуирована со Слободки / об этом везде знали / и меня приняли. Костюмерше узнала меня, т.к. у нее мы брали костюмы еще в 1926 году, но к счастью она не знала моей национальности. Муже она знала хорошо, но он русский. Она забрала меня к себе ночевать. Когда ложились спать, пришлось раздеться, я была без блузки в одном жакете. Она подарила мне блузку. Поработала я там месяц, полтора. Потом театр уехал в Киев, а мне ехать в Киев нельзя.

В Ракитном, 40 километров за Белую Церковь, требовалась переводчица, т.к. за это время я выучила немецкий язык / я рискнула и поехала туда. Там проработала две недели. Мои переводы оказались неправильными. На-

чали подозревать, что я еврейка, стали преследовать меня и я оттуда бежала снова в Белую Церковь. Приехав туда, я застала второй киевский театр, он считался - Областной театр имени Шевченка. Там оказался мой старый друг Николай Цыганков. Он сделал вид, что не знает меня совершенно. Днем я бывала на работе, а вечером он с женой принимали меня у себя, кормили. Я пристроилась к ихнему театру. Вскоре появилась артистка Кольцова, с которой мы работали еще в 1934 году и видела меня.

Машинист сцены театра Афанасьев, когда стали преследовать меня внутри театра, среди артистов, он просто заявил - если кто меня обидит, будет иметь дело с ним. Он взял меня под свою защиту, т.к. у него незадолго до моего прихода на его глазах расстреляли его жену - еврейку и убили трехмесячного ребенка.

Много раз мне приходилось бегать из села, в село, из города в город. Обо всем этом меня всегда своевременно предупреждал Афанасьев.

Летом 1943 года мы с театром им. Шевченко приехали в Ружин, где находилось еврейское гетто - 38 евреев было в нем. Они работали все в портняжеской мастерской. Находились не учте, каждый день полицией приходил проверять все ли на месте. Подать им что-либо не было возможности, не разрешали. Их предупредила, что если один из них исчезнет - расстреляют всех. Они работали совершенно бесплатно на всю округность.

Я все таки, как артистка пред"явила требования коменданту. Я резорвала шбу нарочно, мне хотелось поговорить с ними. Я пришла к коменданту и сказала,

что у меня разорвана юбка, а вечером нужно выступить, ее необходимо починить. Он мне разрешил, чтобы она починила юбку. Я сделала вид, что иду на базар, взяла с собой корзину, собрала продукты: хлеб, деньги, сверху положила свою юбку и пронесла. Афанасьев стоял на улице, разговаривал с полицаем, приглашая его в театр. В это время я вошла. Я поздоровалась со всеми за руку отчего они все растрогались, расцеловались, так как кроме подчин ни от кого доброго слова не слышали. Когда я передала им продукты они все невзрнд плакали и женщины и мужчины. Юбка к вечеру мне была готова.

Через несколько дней приехал гебиткомиссер Казатина и приказал всех евреев расстрелять, оставив только три лучших мастера. Их всех на наших глазах повели и тут же расстреляли, что мы все видели.

Потом вместе с театром переехали в Казатин. Я работала в театре, кем только приходилось: а артисткой и администратором и кассиром. Конферировала на немецком языке, что меня заставлял наш директор Прихненко. Я просила его не выпускать меня конферировать перед немцами, так как я могла случайно не то сказать и меня тут-же расстреляют. Но он мне отвечал: "Вспомните о вашем прошлом".

Мое прошлое заключалось в том, что я родилась в еврейской семье, он об этом знал.

Так я перестрадала до приходе Красной Армии, т.е. до 28-го декабря 1943 года. Под бомбежкой добралась до Киева. Единственная мысль была у меня-может быть я что нибудь узнаю о детях. В Киеве мне сразу

сказала, что дочь моя была направлена в детдом, о сыне я ничего не могла узнать.

Я ходила из детдома в детдом, ходила везде и всюду, где только могла. Потом мне сказали, что детей, которые находились там, где моя дочь расстреляли.

Еще немного погодя привезли каких то детей из Западной Украины. Я и туда пошла, пересмотрела, но своих не обнаружила. Я ходила, как умалишенная по городу и присматривалась к каждому беспризорному.

12-го марта 1944 года привезли детей на Соломенку. Я пошла туда. Когда я спросила Дидочку Проницеву мне вывели девочку, в которой я узнала свою дочь. Она сначала бросилась ко мне, а потом остановилась потому, что отец Проницев учил ее - если встретишь маму, говори тетя, потому, что нас всех расстреляют. Она сначала бросилась, а потом остановилась и сказала - тетя. Но когда я сказала: " Доченька, теперь уже можно сказать мама". она бросилась ко мне на шею с криком, мамочка. Здесь произошла трогательная встреча. Все кругом плакали. Доченьку взять сразу я не могла. Через несколько дней, приходя в каждый детдом, я искала сына.

Афанасьев, с которым мы сошлись, уехал на фронт. Я осталась одна голая босая. Из одеяла пошила себе пальто и так ходила. Взять детей мне было очень тяжело, так как я сама жила впроголодь. Мне пошли на встречу и дети мои остались в детдоме, где пребывают еще до сих пор.

21.-

Афанасьев вернулся с фронта инвалид Отечественной войны II-й группы. Я работаю в Киевском Республиканском театре кукол, ведущей артисткой.-

/ Проничева/

З протоколу допиту КДБ як свідка С. Таужнянського, який врятувався від розстрілу в Бабиному Яру 20 травня 1980 року. ДА СБУ, ф. 7, оп. 8, спр. 1. арк. 123-128 Оригінал. Машинопис.

П Р О Т О К О Л
допроса свидетеля

гор. Киев

20 мая 1980 года.

Допрос начат в 10 ч.00 м.
— " — окончен в 14 ч.45 м.

Старший следователь Следственного отдела КГБ УССР майор Плужник по поручению следственного отдела КГБ СССР, в связи с обращением следственных органов КГБ ГДР об оказании правовой помощи по делу Пиль Иоганнеса, в служебном кабинете, с соблюдением требований ст.ст.85,167 и 170 УПК УССР допросил в качестве свидетеля:

Таужнянского Сергея Сергеевича, 1929 года рождения, уроженца города Киева, украинца, гражданина СССР, беспартийного, с высшим образованием, по специальности технолога-строителя, проживающего в городе Киеве по улице Бориспольской, 3-б, квартира 3.

В соответствии с ч.4 ст.167 УПК УССР Таужнянскому разъяснены обязанности свидетеля, предусмотренные ст.70 УПК УССР и сообщено, что он вызван для допроса в качестве свидетеля по уголовному делу о массовых расстрелах советских граждан гитлеровскими захватчиками в Бабьем Яру в период оккупации города Киева.

Свидетель предупрежден об ответственности по ст.179 УК УССР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ч.2 ст.178 УК УССР за дачу заведомо ложных показаний.

При разъяснении требований ст.19 УПК УССР Таужнянский заявил, что показания желает давать на русском языке, которым владеет в совершенстве, в услугах переводчика не нуждается.

По существу вопросов, интересующих следствие, свидетель Таужнянский показал:

До начала войны с фашистской Германией я с матерью проживал в городе Киеве по улице Тропинина. Мать работала в Подольской поликлинике врачом – бактериологом, я учился в школе. Эвакуироваться мы не успели и остались проживать в Киеве. Все события, происходившие в первые дни оккупации гитлеровскими войсками города Киева, отчетливо сохранились в моей памяти несмотря на то, что мне тогда было 12 лет.

19 сентября 1941 года фашистские войска вступили в город Киев, а примерно через неделю по городу на стенах домов и других строений были вывешены объявления. В них предлагалось всему еврейскому населению города с необходимым количеством одежды, ценностями и документами, а также с трехдневным запасом пищи собраться в районе улицы Мельника. За неявку на сборный пункт грозила кара – расстрел. Так было написано в объявлении. Среди взрослых обсуждалось это объявление. Одни говорили, что собравшихся якобы отправят на железнодорожный вокзал, а оттуда в Израиль. Другие говорили, что будут отправлять куда-то на работу, но толком никто ничего не знал.

Моя мать по национальности была еврейкой и решила идти вместе со всем еврейским населением города Киева. Собрав с матерью в два небольших рюкзака по паре сменного белья и немного имевшихся дома сухарей мы вышли во двор. Помню, что во двор также вышли соседи, не успевшие эвакуироваться и проводили нас за ворота.

Какая-то женщина дала матери небольшой крестик с цепочкой и она повесила его мне на шею. Выйдя с нашей улицы Тропинина на пересекавшую ее Овручскую мы пошли в сторону улицы Новой Овручской /теперь улица Якира/. По мере приближения к этой улице все увеличивалось число идущих граждан с вещами, а когда вышли на улицу Мельника, то она была просто запружена людьми, продвигающимися в сторону пересечения улиц Мельника и Пугачева. На этом участке еще оставалась часть уличных заграждений, созданных в начале войны из мешков, набитых песком. Вот это заграждение создавало как-бы своеобразный барьер, за который провожающих уже не пропускали, а идущих к месту сбора граждан гитлеровцы брали под конвой и гнали дальше в направлении Бабьего Яра. Все конвоиры были в темнозеленой форме с эмблемами СС, а у офицеров на высоких фуражках были кокарды с изображением черепа со сложенными накрест костями. Вооруженные они были автоматами, многие были с собаками. Из какого гитлеровского подразделения они были мне неизвестно.

Люди двигались сплошным живым потоком. Многие несли на себе сделанные в виде рюкзаков мешки, некоторые катили перед собой тележки с больными, неспособными двигаться самостоятельно. Матери везли в колясках грудных детей, а более старших - несли на руках или вели за руку; абсолютное большинство идущих были старики, подростки, женщины и дети. Люди плакали от страха перед грядущим неизвестным. Слышались настороженные недоумения: "Если думают вывозить с вокзала, то почему же собирают на Сырце в районе Бабьего Яра?". В связи с большим скоплением людей, движение замедлилось. Гитлеровцы разделяли толпу граждан на группы примерно по 500-600 человек и гнали их по улице Мельника вниз, затем через улицу Дегтяревскую на улицу Дорогожицкую мимо Лукьяновского и Военного /Братского/ кладбищ, а затем

Л. С. Мельник

направо уже непосредственно в Бабий Яр. Через непродолжительное время гитлеровцы этим же маршрутом гнали все новые и новые группы мирных граждан. Улица Дорогожицкая и проселочная дорога, где теперь, улица Демьяна Коротченко, были перекрыты гитлеровскими автоматчиками с собаками и таким образом район Бабьего Яра был полностью оцеплен.

В одной из таких групп, в количестве 500-600 человек, гнали и меня с матерью. Когда мы уже проходили вдоль Бабьего Яра и приблизились к большой ровной площадке, то должны были проходить как-бы живой коридор из выстроившихся в два ряда гитлеровцев. Пройдя метров 30 по этому коридору мы попадали на упомянутую площадку, где людей раздевали и группами по 40-50 человек гнали в овраг, который был на расстоянии примерно 30 метров от площадки и там расстреливали из автоматов. Проходя по коридору и уже на площадке людей жестоко избивали палками. У нас с матерью ничего ценного не было и я только сбросил с себя рюкзак с бельем и сухарями. Куда свой рюкзак дела мать я не знаю, так как мы неоднократно теряли друг друга в той суматохе. Впереди слышались автоматные очереди, крики детей, подростков, взрослых. Кто не хотел идти к месту казни или в истерике молил о пощаде, того фашисты также избивали или травили собаками. Уже уходя в сторону оврага мать успела крикнуть - "Сереза беги", а сама в толпе медленно пошла вниз в овраг, в котором гитлеровцы расправлялись с мирными ни в чем неповинными советскими гражданами. Я стал метаться во все стороны не зная что делать, но вскоре заметил стоявшего отдельно от оцепления гитлеровского солдата и, обратившись к нему, стал просить и объяснять ему, что я не еврей, а украинец, попал сюда совершенно случайно и в под-

тверждение этого стал показывать упомянутый выше крестик. Солдат, после небольшого раздумья, указал мне на валявшуюся неподалеку пустую хозяйственную сумку и жестами приказал мне собирать в неё советские деньги, которые ветром разносило от того места, где раздевали обреченных. Насобирав полную сумку денег, я принес их солдату. Он велел спрятать деньги под кучу одежды, а самому мне отойти на небольшой глиняный бугорок, сесть там и никуда не уходить, что я и сделал. Недалеко от меня стояли две автомашины – легковая и крытая металлом, без окошек, грузовая, такие машины называли "душегубками". Людей в этих машинах не было. Возле них прохаживалось несколько офицеров в черной форме с эмблемами СС и с черепами на кокардах фуражек. Они, по моим наблюдениям, давали жестами какие-то указания солдатам, находившимся в оцеплении места расстрела. Вскоре неподалеку от меня остановилась еще одна легковая автомашина, в которой были солдат и офицер в темнозеленой форме. Солдат, заставлявший меня собирать деньги, подошел к офицеру и о чем-то переговорил, затем жестом позвал меня и велел сесть в машину, я выполнил это. Рядом со мной села девушка лет шестнадцати и автомашина направилась в центр города. На улице Саксаганского офицер нас отпустил и мы разошлись. С той девушкой я не знакомился и кто она такая мне неизвестно. До освобождения Киева частями Советской Армии я скрывался у своих знакомых. В период оккупации я в Бабий Яр не ходил, а от кого-то из жителей города Киева, от кого именно уже не помню, слышал, что массовые расстрелы в Бабьем Яру длились несколько дней. Какое количество граждан было уничтожено я не знаю, как и не знаю кто руководил теми злодеяниями. Упомянутый в протоколе допро-

са Пиль Иоганнес мне неизвестен.

Хочу уточнить лишь то обстоятельство, что когда с улицы Мельника нас гнали между Братским кладбищем и деревянным забором, то это была улица не Дегтяревская, а Семьи Хохловых, которая пересекает улицу Дорогожицкую. Других уточнений не имею.

*Протокол моего допроса.
Мои показания записаны правильно.
Дополнений и поправок к протоколу не имею.*

Скаут

Допросил: Старший следователь Следотдела
К. Г. Б. У С С С - майор

Плужник
Плужник

старший помощник Прокурора Украинской ССР
старший советник юстиции

В. И. Лесной

В. И. Лесной

Протокол допиту свідка злочинів нацистів у Бабиному Яру Трубакова Захара Абрамовича від 28 травня 1980 р. ГДА СБ України, ф. 7, оп. 8. (1983 р.), спр. 1, арк. 154, 158-160

154

ПРОТОКОЛ
допроса свидетеля

г. Киев

28 мая 1980 года.

Допрос начат в 9 ч. 20 м.
—"— окончен в 14 ч. 10 м.

Старший следователь Следственного отдела КГБ УССР майор Плужник по поручению Следственного отдела КГБ СССР, в связи с обращением следственных органов МГБ ГДР об оказании правовой помощи по делу Пиль Иоганнеса, в служебном кабинете, с соблюдением требований ст.ст. 85, 167 и 170 УПК УССР допросил в качестве свидетеля:

Трубакова Захара Абрамовича, 1912 года рождения, уроженца города Сураж Брянской области, еврея, гражданина СССР, с образованием 7 классов, по специальности механика, проживающего в городе Киеве по Брест - Литовскому проспекту, 8, квартира 7.

В соответствии с ч.4 ст.167 УПК УССР Трубакову разъяснены обязанности свидетеля, предусмотренные ст.70 УПК УССР и сообщено, что он вызван для допроса в качестве свидетеля по делу о массовых расстрелах советских граждан гитлеровскими захватчиками в Бабьем Яру в период оккупации города Киева.

Свидетель предупрежден об ответственности по ст.179 УК СССР за отказ или уклонение от дачи показаний и по ч.2 ст.178 УК УССР за дачу заведомо ложных показаний.

При разъяснении требований ст.19 УПК УССР свидетель Труба-

Трубаков

его родного дяди Крического Семена Львовича. У него с 20-х годов была ампутирована одна нога, на что я обратил внимание и в карманах его одежды мною была обнаружена их семейная фотокарточка. Вместе со мной в группе заключенных был и сын Семена Львовича - Кива /убит при побеге/, которому я и передал найденную фотокарточку.

В ночь с 28 на 29 сентября 1943 года мы большой группой расковались, открыли замок и напали на охрану. Сняв стоявшую смену охраны, мы начали разбегаться по оврагу, но вскоре вся зондеркоманда была поднята по тревоге и нас начали обстреливать из автоматов и пулеметов. Скольким узникам тогда удалось вырваться из землянки и бежать, я сказать не могу, но вскоре после освобождения Киева стало известно, что в живых после побега нас оставалось 15 человек. Некоторые затем погибли на фронте или умерли в последующее время.

Кто конкретно из гитлеровцев руководил расстрелами граждан в 1941 году мне неизвестно, упомянутого в протоколе допроса Пиль Иоганнеса я не знаю.

Хочу дополнить к своим показаниям, что я был знаком с представителем Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков Шевцовым Владимиром Дмитриевичем, принимавшим участие в работе Киевской областной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев в городе Киеве и, в частности, в Бабьем Яру. Шевцов до конца 1979 года проживал в Киеве, в начале этого года он умер. Мы с ним неоднократно встречались, он мне рассказывал о своем участии в раскопках останков расстрелянных советских граждан в Бабьем Яру. Из

Шевцов В. Д.

его рассказов мне известно, что осенью 1943 года в оврагах Бабьего Яра было извлечено еще много трупов детей, женщин и мужчин. Многие трупы были раздетыми, а на многих сохранилась одежда. Шевцов передал мне фотографию, сделанную в 1943 году в Бабьем Яру во время раскопок. Репродукция этой фотографии я передаю в распоряжение следствия. На фотографии вторым справа изображен священник Скоропостижный, третья - Буриченко, остальных лиц, изображенных на фотографии я не знаю.

*Гробовод моего прощания, свои показания
зачислил провальны, дополнил и направил
к прощальному не снесю.*

Григорьев;

Допросил: Старший следователь Следственного
отдела К Г Б У С С Р - майор

А. Плужник
Плужник

Копия... помощник Прокурора Украинской ССР
старший советник юстиции

В. И. Лесной

В.И.Лесной

З протоколу допиту полоненого Сирецького концтабору Давидова Володимира Юрійовича про масові розстріли військовополонених у Бабиному Яру. 9 листопада 1943 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 21, 24-28

21

13

К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гор. Киев, 9 ноября. Я, начальник отделения НКГБ УССР - майор государственной безопасности ЛАВРЕНКО, допросил в качестве свидетеля ДАВИДОВА Владимира Юрьевича -

1915 года рождения, уроженца г. Киева, по национальности еврея, гр-на СССР, по социальному происхождению из семьи служащего, б/п., образование среднее, женатого, не судимого, в Красной Армии служил с 25 июня по 23 сентября 1941 г. В марте м-ца был арестован гестапо и содержался в Сирецком концентрационном лагере, откуда 29 сентября бежал. До оккупации работал начальником отделения труда Волгостроя ГУЛАГа, проживает в г. Киеве, ул. Тургеневская № 47, кв. 12.

Об уголовной ответственности по ст. 89 УК УССР, за дачу ложных показаний предупрежден.

ВОПРОС: О чем Вы хотели заявить органам НКГБ УССР?

ОТВЕТ: Мне известно о расправе немцев над еврейским населением г. Киева и об этом я хочу рассказать.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о зверствах, совершенных немецко-фашистскими оккупантами?

ОТВЕТ: В средних числах марта м-ца 1943 г. я был на улице задержан и меня доставили в управление полиции по ул. Короленко д. №-15.

Когда меня привели на ул. Короленко №-15, меня начали избивать, выбили мне зуб. Следователь, который меня допрашивал, меня не избивал, а сказал, что если окажется, что я не виноват, то меня выпустят.

Отвели меня в камеру, где сидело человек 40. Там были, в основном, уголовники, бездокументники, другие, как подозрительные в партизанской деятельности, некоторые, как работники НКВД.

Давидов

/на обор./

Он заставлял этих людей снимать брюки, был там приставлен такой стул высокого размера, там ставилось два человека - бригады и каждый из них плеткой отсчитывал количество ударов, назначенных РАДОМСКИМ, или его заместителем.

Бывали случаи, когда сами бригадиры, а иногда и немцы, сами добивали тех людей, которые, по мнению РАДОМСКОГО, плохо работали. Это в большей части случалось с евреями. Они заставляли заключенных евреев взлезать на дерево, затем его подпиливали, дерево рушилось и люди убивались на смерть, или калечились.

Бывали случаи, когда многие пытались удрать из лагеря. Многие заключенные работали в городе, им было легче удрать.

Когда бывали случаи бегства, то после этого РАДОМСКИЙ собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и перед нами на глазах они расстреливались.

Бывали случаи, когда расстреливались люди за то, что они сорвали яблоко или помидор. Таких случаев было 3-4.

Во избежание болезней со стороны заключенных, была создана отдельная специальная землянка, куда забирали этих больных. Никакой помощи им не оказывали, а просто перед всеми на глазах этих больных расстреливали и этим самым запугивали заключенных, чтобы они не болели.

За все время моего пребывания в лагере был один случай, когда никого из нас не наказали за побег пяти шоферов, которые чинили машину и когда она была вполне готова, они сели в машину ее испытывать и через центральные ворота уехали.

Недалеко от нашего лагеря, в 100 метрах/примерно/ находился "Бабий Яр", в котором в 1941 году были произведены массовые расстрелы евреев и расстрел командиров Красной Армии. А уже в последнее время периодически из гестапо привозились туда различные люди, которые также там расстреливались.

Находясь недалеко от "Бабьего Яра", мы очень часто видели, когда подезжала машина "Черный ворон", в основном, машина всегда приезжала в субботу, а в последнее время и во вторник.

Из этой машины выводили голых людей, также слышны были выстрелы. Вместе с машиной "Черный ворон" приезжала и легковая машина. Расстрелы людей производили "фольксдойчи".

Мне известно, что расстрелом людей занимался "фольксдойтч" из тех причин, что они приходили к нам в лагерь за лопатами.

Шофером на машине "Черный ворон" был офицер "СС", который носил два кубика, он работал на этой машине на протяжении двух лет.

Давыдов

Таким образом, всем заключенным стало известно, что в "Бабьем Яру" производились расстрелы.

18 августа, во время утренней проверки, из нас, заключенных, отобрали 100 человек, в число которых попал и я.

В основном, были отобраны евреи, которые подозревались в партийной принадлежности и ни в чем неповинные старики.

Когда отсчитали 100 человек, то нас всех принял конвой "СС" и повели нас в "Бабий Яр".

Мы все считали, что нас ведут на расстрел в "Бабий Яр", но когда мы прибыли туда, то часа через полтора нас всех назначили по группам по 5 человек и стали уводить куда-то.

Когда дошла уже до меня очередь, то я увидел, что все мои товарищи, которые были уведены, не расстреляны, а все они сидят закованы в кандалы.

Таким образом, нас всех заковали, т.е. все 100 человек, в том числе и меня и поместили нас в т.н. землянки.

Вся охрана "Бабьего Яра" состояла, исключительно, из младших и средних офицеров "СС".

Впоследствии мы узнали, что то мероприятие, которое будет проводиться, держится в строжайшей тайне, никому из граждан, на протяжении километра, нельзя было подходить к "Бабьему Яру", затем там были маскировочные щиты. Также из разговоров немцев мне стало известно, что по приказу Гитлера эта работа должна была быть засекречена и никто, кроме вышеуказанных людей, об этом не должен знать.

Вначале мы не знали, какую именно работу мы будем делать, но по ходу раскопок, которые мы начали производить, мы поняли, что будут откапываться трупы, расстрелянные в 1941 году.

Через несколько дней, в процессе раскопок, в то время мы уже были закованы, перед нашими глазами мы увидели жуткую картину, мы увидели, а также услышали вонь разложившихся трупов.

Нас заставляли работать очень быстро, даже не давали разогнуться.

Трупов в этом яру были десятки тысяч, было около 2-х больших яров, где было, примерно, около 50.000 трупов евреев, затем на "Бабьем Яру", на протяжении полукилометра, была яма расстрелянных, вернее, противотанковый ров, там были убитые командиры Красной Армии, вернее - комсостав. Можно было это видеть по знакам различия, шпалам.

Давид

/на обор./

В этой яме было, примерно, 20.000 человек. Были люди в форме летчиков, в комбинизонах. Видно было, что многие из расстрелянных были ранены, ибо были видны костыли и повязки на руках и ногах.

В процессе раскопки трупов, вернее, когда собралось 2.000 трупов, нас заставили строить печку, в которую вроде штабеля укладывались дрова с еврейского кладбища, приносились гранитные памятники, которые укладывались, в виде квадрата, на земле, клали по одному камню и на этот камень ложились рельсы, сразу же на рельсы клался слой дров, после чего трупы ложились по определенному порядку /проведением этого мероприятия занимался один немец - инженер, который хорошо знал это дело/, в результате чего получался штабель высотой в 10-12 метров. В штабель входило до 3.000 трупов.

После этого, к этому штабелю подносился факел и возникал пожар. Таким образом, эти трупы уничтожались и оставались только кости, которые полностью не сгорали. Эти кости специальными трамбовками толклись на листах железа, после это рассыпались по пустому яру, который должен был засыпаться.

Первое время горела только одна такая печь, после каждого сжигания штабель этой печи ликвидировался, так как камень сгорал, рельсы гнулись. Таким образом на следующий штабель нужно было делать новую печь.

В связи с тем, что количество трупов было еще большее, печей было мало, то сжигание трупов начало производиться одновременно в 3-х местах и количество печей, горевших одновременно, доходило до 4-х, а всего за все время сжигания трупов было построено 75 печей, примерно.

Таким образом, пребывая все это время в "Бабьем Яру", я могу сказать, что такими печами было сожжено, примерно, 70.000 трупов.

Характерно отметить, что немцы выделяли людей /из заключенных/, которые специально занимались изъятием золота у трупов, они вытаскивали из ртов трупов золотые зубы, снимали кольца с рук, часы, забирали также советские деньги, доллары и все это немцы забирали себе. Наиболее дорогие вещи работники "СС" забирали себе и клали в свой карман. Это я видел своими глазами.

В процессе работы мы испытывали жуткие избиения со стороны немцев и охраны; за каждую мелочь нас избивали палками и все время били по голове.

Воды никакой не было, по этому от всех нас несло трупам, затем у людей появились прыщи на руках и теле.

В первые дни работы на "Бабьем яру" одному из заключенных удалось бежать, он как-то незаметно пробрался и прыгнул в яр, потом, воспользовавшись недосмотром немцев, ему удалось скрыться.

Давид

27
16

7.

Ввиду того, что руководству "СС" было указано, что ни один человек из этого яра не должен когда бы то ни было попасть на волю, за это к самим же немцам применялись самые жестокие меры. В связи с этим был расстрелян один немецкий офицер. Об этом нам стало известно со слов одного офицера, который нам сказал, что один немецкий офицер был расстрелян из-за нас. Теперь он нам сказал, что в случае, если кто-либо из нас попытается бежать, то мы все будем расстреляны. За то, что один наш заключенный бежал, было уничтожено на наших глазах 12 человек.

Через несколько дней, после того, как бежал один заключенный, мы начали готовить массовый побег в количестве 20 человек, некоторых из них я знаю по фамилиям, а всех остальных я знаю по имени: ТРУБАКОВА Захара, ПОЛИЩЕР Леонида, ХАРТШ Леонида. Мы достали лопаты и ночью рассчитывали сделать подкоп, но из нашей затеи ничего не вышло, так как нашлся один провокатор, который о нашем намерении доложил начальнику и, в связи с этим, было расстреляно 8 чел.

Числа 25-26 августа, когда вся работа была уже почти закончена, нам предложили сделать еще одну печь для уничтожения самих нас. Об этом мы узнали из того, что в "Бабьем Яру" трупов уже не было, а печь мы делали.

Ввиду этого в ночь с 28 на 29 сентября был организован побег, мы подобрали ключи к замку нашей землянки, причем ключ сделал сам заключенный по имени Володя. Каждый из нас старался принять все меры к тому, чтобы развязать кандалы, кто развязывал ножницами, кто ножами.

Примерно, часа в 3 ночи был вскрыт замок и минут через 40 мы начали выскакивать из землянки.

Мы хотели броситься на часовых, но боялись, что они поднимут стрельбу. Наверху землянки сидел пулеметчик.

Когда часовые и пулеметчик увидели, что мы бежим, то они сначала отскочили в сторону, потом подняли стрельбу.

Из землянки выскочило человек 35-40, но спаслось, очевидно, человек 10.

После этого я поднялся из яра и пошел по дороге. Я встретил своего знакомого по лагерю ХАРТШ Леонида и прошли мы с ним, примерно, до поселка Стрещ. В это время уже было совершенно светло и нам дальше двигаться нельзя было, так как кругом были воинские части, жандармерия, поэтому мы пошли в первую попавшуюся хату. Хозяйке хаты мы рассказали, что мы бежали из "Бабьего Яра" и что она нас должна спасти. Она согласилась и, таким образом, мы у нее прожили до ноября месяца, а 2 ноября я прибыл в Киев, ХАРТШ Леонид еще оставался

Давид

/на обор./

в поселке Стреч /примерно от 2 ноября до взятия Киева я скрывался в разных местах города, ночевал на вокзале/.

В процессе сжигания трупов, расстрелянных в 1941 году на "Бабьем Яру", во время нашей работы, начали привозить машиной "Черный ворон" из "СД" трупы людей, уничтожаемых путем удушения газами. Происходило это следующим образом:

Рано утром приезжала на "Бабий Яр" карательная машина, в которой слышны были разговоры живых людей, потом эта машина останавливалась, затем вновь включался мотор и включался какойто рубильник, после чего внутри машины поднимался душераздирающий крик женщин, детей и стариков. По всей вероятности, туда начинали поступать газы отработанного бензина и люди начинали задыхаться. Минут через 15 все затихало, открывалась дверь "Черного ворона" и представлялась жуткая картина.

В машине сидело 40-50 человек людей, голые, в возрасте от 1 до 70 лет, еще совершенно горячие, мокрые и, по внешнему виду, эта картина напоминала людей, сидящих в бане, у всех были открыты глаза, а на лицах ярко был выражен ужас.

Нас заставляли влезать на машину, сбрасывать трупы только что умерших людей вниз и укладывать их в те штабеля для сжигания, причем некоторые из этих людей еще были полуживые.

Сначала машина "Черный ворон" приезжала два раза в неделю. В машину входило по 50 человек. В каждую ходку бралось 50 человек, а таких ходок за день делалось 2-3, а затем, когда немцы стали отступать из Киева, эта машина делала по 8-10 рейсов в день.

Об этом мне известно из того, что возле шофера стоял какойто прибор. Я лично сам его видел.

Я также видел, что когда машина подвозила людей к "Бабьему Яру", то оттуда выходили удушливые газы, а также были слышны крики этих людей.

Из высказываний немцев, охранявших нас там, было известно, что по приказу Гитлера работа должна быть настолько засекречена, что туда даже не допускались рядовые немцы и не "Фольксдойтчи", которые производили эти расстрелы.

ВОПРОС: Что еще Вы можете сообщить органам НКГБ?

ОТВЕТ: Больше я ничего не могу сообщить, так как все рассказал.

Давид ДАВИДОВ.

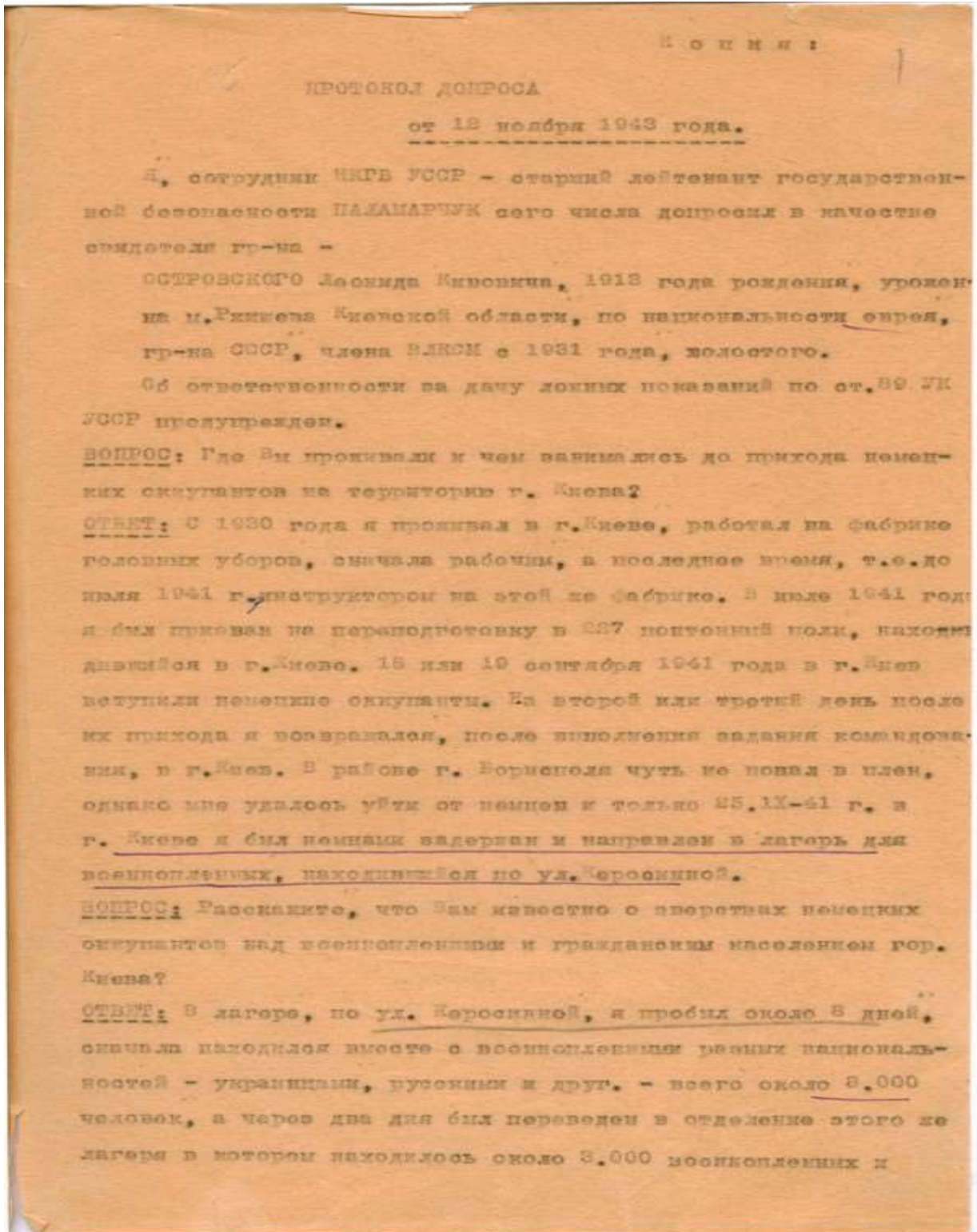
ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА НКГБ УССР
МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- ЛАВРЕНКО -

1/нч

*Собственноручно надписано
автором Давидова Владимиром Юрьевичем
Зам. Начальника отдела НКГБ и
МВД в Киеве*

Протокол допиту полоненого табору військовополонених по вул. Керосинній Островського Леоніда Кивовича про спробу нацистських окупантів приховати сліди злочинів у Бабиному Яру. 12 листопада 1943 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 282, арк. 1-7

гражданских лиц - только еврейского населения. Первые 5 дней пищи для находившихся в лагере не выдавалась, а за последующие 3 дня пребывания в этом лагере я получил один раз около поллитра так называемой, "баладры" - немного муки разбавленной в воде и второй раз - несколько граммов капусты. Водой вовсе не снабжали.

Закранные помещения лагеря были настолько забиты людьми, что в них можно было ^{только} стоять, во многих помещениях люди задыхались из-за отсутствия воздуха.

Из числа еврейского населения многих в лагерь приводили избитыми до смерти. Отсутствие питания, антисанитарное состояние в самом лагере, грубое обращение с людьми со стороны немецких надсмотрщиков, избивавших их за что, приводило к тому, что в лагере ежедневно умирало до 5 человек.

С 28 сентября 1941 года и до момента ухода из лагеря, всех находившихся в нем евреев в возрасте до 16 лет и старше 35 лет ежедневно грузили на автомашины и вывозили из лагеря. Вскоре эти же машины возвращались обратно в лагерь без людей, а только с одеждой, которую складывали в отдельные помещения. Поэтому находившимся в лагере стало известно, что всех вывозивших на автомашинах возят не на работу, как это сначала пытались обмануть немцы, а на расстрел. Позднее эти предположения подтвердились вновь поступавшими в лагерь лицами, которые заявляли, что всех евреев вывозили из лагеря в "Бабий Яр" и там расстреливали.

ВОПРОС: Сколько, примерно, человек за время Вашего пребывания в лагере было вывезено немцами из лагеря на расстрел?

ОТВЕТ: С 28 сентября по 3 октября 1941 года из лагеря ежедневно вывозили немцы 10-15 грузовых автомашин груженых людьми. За время пребывания в лагере, туда ежедневно прибывали все новые и новые люди партиями по несколько сот человек,

однако, общее количество всех военнопленных к концу дня оставалось почти неизменным, так как столько же и убивало на расстрел.

ВОПРОС: Кого Вы знаете, по фамилиям, по номерам, административных в лагере?

ОТВЕТ: По фамилиям я никого из немцев не знаю.

ВОПРОС: Куда Вы попали из лагеря по ул. Короленко?

ОТВЕТ: Из лагеря, в группу 45 человек, из которых я никого не знал, был направлен на ул. Короленко 33, где помещалось гестапо - "ОД". В этом здании я пробыл один месяц, все мы работали на разных работах. В этом здании с 5 часов утра до 8-10 часов вечера кормили один раз "баландой". За неисполнение непосильной работы или малейшее нарушение нас избивали немцы палками. Меня, например, однажды избili за то, что я шел на повозкой и покинул с земли брошенный окурок от папиросы.

Я лично наблюдал, как гестаповцы, работавшие в здании по ул. Короленко № 33, до полусмерти избивали находившихся у них советских людей, которых им затем из кабинетов переносили в камеры.

Я лично в октябре м-це 1941 года выносил на намер, по приказанию немцев, трупы замученных советских людей, а также, находившихся в полусмертельном состоянии, грузили их на кибитку автомашин и немцы сами куда-то их увозили.

В январе м-це 1942 года я был переведен в еврейский лагерь, находившийся по улице Виснутутской № 5. В этом лагере находилось человек 150 евреев. Все мы работали по восстановлению дома № 5 и там ежедневно от голода и болезней умирало 3-5 человек. Трупы умерших зарывались в этом же дворе. В ноябре или декабре м-це 1942 года я был помещен в Сирецкий лагерь, в котором находилось до 2.000 советских людей.

В Сирецком концлагере находились советские люди всех национальностей, преимущественно советско-партийный актив. Условия для пленных в этом лагере были невыносимыми. Пленные работали на разработку леса, на постройке зданий, землянок и др. работах. С 5 часов утра до 5 часов вечера кормили лущайками от картофеля один раз в день, а спустя 4 месяца начали выдавать по 100 гр. просяного хлеба.

Начальником лагеря был немец РАДОМСКИЙ - стурмбанфюрер, его помощником был ротенфюрер РИДЕР. Охрана лагеря осуществлялась немецкими и украинскими полицейскими, фамилий которых я не знаю.

Пленных на работе систематически избивали палками, лопатами, без всяких поводов, за курение, за промедление выполнения непосильной работы.

Надсмотрщики - немцы просто издевательски убивали советских людей. Так, например, находившихся в лагере заставляли лезть на дерево, а других военнопленных принуждали рубить это дерево. Срубленное дерево падало и находившийся на нем человек убивался, а если он только получал увечье, его немцы добивали.

При попытке к бегству кого-либо из лагеря немцы расстреливали из числа находившихся в лагере 25 человек, отобранных по своему усмотрению.

Трупы замученных, умерших варились на территории лагеря и иму, оставшемуся после конки песка для строев.

16 августа 1943 года на Сирецкого концлагеря немцы убрали 100 человек, среди которых были евреи и другие национальности, преимущественно советской-партийный актив и под усиленным конвоем привели к "Бабыну Яру", находящемуся вблизи г. Киева, между Лукьяновской и Курчатовской.

ВОПРОС: Что Вы делали находилось в "Бабьем Яру"?

ОТВЕТ: Всех нас, находившихся в "Бабьем Яру", закопали в землю, расстояние между нейми было 50-60 см., позволявшее передвигаться и рыть лопатами землю.

В тот же день нас заставили рыть землю в "Бабьем Яру". После того, как земля была отрыта глубиной 0,5-3 метра, под ней оказались трупы советских людей.

Затем с еврейского кладбища были привезены каменные плиты, на которых мы составляли прямоугольные площадки, примерно, 30x40 мтр., на эти каменные площадки ложились по несколько рельс, на которые налагались металлические сетки, на сетки клали слой дров, на который укладывали вертикально в "Бабьем Яру" трупы.

Трупы укладывались головками наружу в два ряда, затем они покрывались снова слоем дров и производилась поливка костры. С трупов последовательностью трупы накладывались высотой 2-3,5 мтр., а затем поджигались. После того, как все трупы сжигались, закладывалась новая печь, на которую опять накладывали трупы. Для того, чтобы происходило полное сгорание трупов нас заставляли специальными металлическими баграми переносить трупы. Остатки несгоревших костей часть из нас специальными трамбовками разбивали на мелкие части, затем просеивали через металлические сита, в которых земщи собирали остатки металлических золотых зубов и другие предметы, как кольца и проч.

Цель нас заставляли рассевать по яру с тем, чтобы никаких следов от трупов не осталось.

Всего было заложено 35-30 печей, на которых было сожжено таким образом, 2.500-3.000 трупов в каждой.

Самости сжигали трупы советских людей, убитых ими и закопанных в "Бабьем Яру" и пытались, повливаю, уничтожить следы

своих владений.

Нас работавших по сжиганию трупов, как я уже заявил, все держали под строгим конвоем, заключенных в цепях, конвой состоял исключительно из немцев, причем ^{только} офицерского состава.

Доступ к месту сжигания был строго ограничен. Так, например, даже тем немцам, которые во время сжигания вынутых трупов в яру подвозили на автомашинных олене трупы, не разрешался проезд непосредственно к месту сжигания, а трупы выбрасывали в сторону, а затем уже подносили к печам и сжигали.

Я находился на этой работе по сжиганию трупов в "Габельн Вру" с 16 августа по 28 сентября 1943 года. На протяжении этого периода, сначала каждый вторник и субботу, а затем чаще прибывали машины в день ^с от 5 до 9/. К месту сжигания трупов подвозили специальные крытые грузовые ^{автомобили} машины, из которых мы, по приказанию немцев, извлекали от 50-80 трупов советских граждан - мужчины, женщины и детей, которые, по внешним признакам, были не расстреляны, а удушены газами, так как у некоторых из этих жертв еще бился пульс. Немцы тех, кто еще был жив, пристреливали и также сжигали в указанных печах.

ВОПРОС: Каким образом Вы бежали из лагеря?

ОТВЕТ: В лагере сначала нас было 100 чел., а в начале сентября количество пленных было увеличено до 321 чел., а так как среди нас были частые случаи смертности от побоев, количество пленных затем снова уменьшилось.

Первый побег из лагеря нами, заключенными, готовился в конце августа и-ня 1943 года, но он не удался, наше намерение произвести побег было кем-то выдано и охрана лагеря его предотвратила.

Второй побег был осуществлен в ночь с 28 на 29 сентября 1943 года. 28 сентября мы, заключенные, увидели вновь приготовленную печь небольшого размера, которая по видимому, предназначена была для сжигания нас самих, так как к этому времени все группы были уже созданы.

Готовясь к побегу, мы разобрали ключ от замка, которыми открывалась дверь нашей землянки, имели зубило и плоскогубцы для того, чтобы расковать цепи. В ночь на 29 сентября нас, заключенных находилось 180 человек, кроме того 141 человек находился во второй землянке.

Открыв ключом замок, мы через дверь начали разбегаться в разные стороны. Как только наш побег был обнаружен, по выходу из землянки и по всей территории лагеря был открыт интенсивный огонь из автоматов. Автоматчиков было на постах около 8 человек и кажется в 1 пулеметом.

Территория лагеря ярко была освещена осветительными ракетами с постов. Как видно намни, в целях предотвращения возможных побегов, имели заранее разработанные мероприятия к пресечению возможности осуществления такового.

Как мне известно, бежало из числа всех заключенных человек 18-15, остальные были убиты и ранены на месте.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочтен, в чем и расписываюсь.

ОСТРОВСКИЙ.

Допросил: Сотрудник НКГБ СССР
Старший лейтенант Госбезопасности - ПАЛАМАРЧУК.

Собственноручную подпись свидетеля Островского Леонида Кивовича заверю.

Зам. Начальника Судебн. УНКГБ по Киевской области
Майор Госбезопасности - ЗАВРЕНКО.

28. XI - 43г.

Л. Кив.

Из материалов Чрезвычайной
Государственной Комиссии

Дело 8, листы 3-5.

Киевская область.

Протокол допиту полоненого Сирецького концтабору Стеюка Якова Андрійовича про масове спалювання трупів жертв нацистських окупантів у Бабиному Яру м. Києва. 28 листопада 1943 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 243-б, арк. 11-15

29 42

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

свидетеля СТЕЮКА Якова Андреевича

от 15 ноября 1943 года

СТЕЮК Яков Андреевич, 1915 года рождения, уроженец мест. Хотин, Черновицкой области, еврей, беспартийный, образование - незаконченное высшее, гражд. СССР, под судом и следствием не был, холост, прож. г. Киев Межигорская ул. дом № 30 кв. 17. Пока еще нигде не работает.

Существу ст. 95 УК УССР разъяснено.

ВОПРОС: - Что вам известно о немецких зверствах ?

ОТВЕТ: - Лично я был арестован Киевским с-д и просидел 14 суток на Короленко № 33. 25 июня 1943 года я был направлен в Сирецкий концлагерь, возле г. Киева, в котором и содержался до 18 августа 1943 года. 18 августа 1943 года я с группой заключенных в числе 100 человек были этапированы в Бабий Яр /на сырце/. В Бабим Яру я содержался под стражей до 29 сентября 1943 года. Рано утром 29 сентября /примерно в 3 часа/ я совместно с группой других заключенных бежали и скрывался до прихода Красной Армии в г. Киеве на квартире Полевая № 2 у АДАМЧУК Брониславы и СВИДЕРСКОГО Валентина Михайловича, проживающего по Межигорской № 30, кв. 17.

ВОПРОС: - Кто с вами еще бежал ?

30

43

2.-

ОТВЕТ : - Совместно со мной бежало около 30 человек, из которых я знаю ДАВИДОВА Владимира и ЕРШОВА Федора, с которыми я познакомился в Сырецком лагере.

ВОПРОС: - Что вы делали в этом лагере ?

ОТВЕТ : - В Сырецком лагере работали по переноске песка носилками и кололи дрова. В Бабий Яру раскапывали могилы в которых были зарыты расстрелянные немцами граждане гор. Киева и военнопленные.

ВОПРОС: - Расскажите подробно об этих раскопках, зачем они производились, куда девали трупы откопанных и кто руководил раскопками ?

ОТВЕТ : - 18 августа 1943 года, как только нас привели в Бабий Яр, нас всех сразу закопали в кандалы /ножные/ и повели на работу. Дали нам всем лопаты и поручили раскапывать большую яму. Прокопав немного, нам поручили зарыть эту яму и отвели 10-15 метров в сторону и вновь поручили копать землю. На глубине три-четыре метра мы обнаружили массу человеческих трупов, остатки хлористой извести, обручи от и крышки от деревянной бочки.

Раскопанные трупы с помощью железных крючков мы вытаскивали на поверхность и складывали слоями на специально подготовленную для этих целей площадку.

ВОПРОС: - Сколько вас работали на раскопке трупов и какое время ?

ОТВЕТ : - В первые 5-6 дней нас работало 100 человек, затем один бежал, двух заболевших /фамилии я их не знаю/ один кажется - ЯСНОГОРДСКИ Сеня, расстреляли. Затем постепенно небольшими группами /20-40/ человек приводили новых арестованных и заставляли производить ту же работу. К моему побегу, т.е. к 28 сентября 1943 года, в Бабим Яру по раскопке и сжиганию трупов расстрелянных и убитых работало 321 человек..

ВОПРОС: - Сколько извлечено трупов из земли в Бабим Яру ?

ОТВЕТ : - О всех трупах сказать я не могу, так как я был и видел трупы лишь там, где работал лично, т.е. в самом Бабим Яру, а раскопки и извлечение трупов немцами велись и в так называемом противотанковом яру, там же на сырце, но в другом месте, куда для работы ежедневно, в течение 20 дней, возили от 50 до 85 человек и сколько они там отрыли трупов я не знаю.

ВОПРОС: - Скажите о тех трупах, которых вы лично видели ?

ОТВЕТ : - На моих глазах и при моем участии откопано, а затем сожжено, примерно, до 45 тысяч трупов, из них около 500 трупов извлечены из земли в лесу около Кирилловской больницы, а остальные все в Бабим Яру.

ВОПРОС: - Расскажите как сжигались трупы ?

ОТВЕТ : - Руководство раскопками, извлечением и сжиганием трупов, находилось в руках работников с-д /служба безопасности/ - Отдел гестапо в занятых немцами областях.

Техническим руководителем всех этих работ являлся офицер СС ТОНАЙДЕ, его помощниками, фамилии которых я запомнил, были: мастер жандармерии МОРКЛЬ Еган из Мюнхена, мастер жандармерии ФАКТ, командир взвода СС РЭВЕР, а других фамилий я не помню.

Нас заключенных, выполнявших эту работу немцы разбили на несколько бригад и каждая из них имела определенное поручение. Одни вели раскопку ям лопатами, другие обслуживали экскаватор, который также работал на раскопке и извлечении трупов, третьи извлекали трупы и складывали их на специально-подготовленные площадки, а затем немцы эти трупы поджигали лично, предварительно обкладывая трупы дровами и обливая их горючим /керосин, автол, нефть и т.п./.

Недогоревшие части трупов /кости/ заключенные сносили но силками на каменную площадку, где специальная бригада их раздробляла и пропускала через проволочную решетку, затем разбрасывали их по рвам Бабиго Яра.

Все золотые изделия, монеты и даже зубы, немцы после сожжения трупов подбирали в пепле и забирали себе, а нам говорили, что это все идет в пользу Германии.

ВОПРОС: - Как технически было организовано сжигание трупов ?

ОТВЕТ : - Для сжигания трупов были специально подготовлены не менее 10 площадок из камней, железных решеток, рельс и жести.

33 46

5.-

Трупы ложились слоями на решетки, совместно с дровами, примерно до 20 слоев, затем, как я уже указал, все это обливалось горячим, после каждого слоя, и поджигалось.

Решетки и все эти приспособления делались для лучшего проветривания с целью усиления горения.

ВОПРОС: - Почему вы считаете, что на участке, где вы работали, было извлечено и сожжено до 45 тысяч трупов, а не больше или меньше ?

ОТВЕТ : - Конечно, сказать точно, т.е. до единого трупа, я не могу, так как их я не считал всех, но утверждая, что там было около 45 тысяч я исхожу из того, что для сожжения трупов было на моем участке работы не менее 10 площадок, на которых сжигались трупы. На каждую площадку в среднем было сложено и подожжено около 5 тысяч трупов.

ВОПРОС: - Кто нес охрану заключенных, выполнявших эту работу ?

ОТВЕТ : - Нас охраняли исключительно немецкие жандармы, причем все они относились к командному составу, начиная от старшины и выше.

ВОПРОС: - Где размещались заключенные ?

ОТВЕТ : - Днем все мы работали с утра до вечера. Вечером, т.е. на ночь, и в обеденный перерыв, нас закрывали в специально подготовленные две землянки, которые запирались железной решетчатой дверью.

3X 47

6.-

Как во время работы, так и в землянке нас охранял усиленный наряд жандармерии, вооруженный автоматами.

Хочу добавить, что немцы за время моего пребывания в Бабим Яру, расстреляли 24 заключенных.

Все записано с моих слов верно. Протокол я читал -
Я. С Т Е Р К .

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК УНКВД по Киевской области

ПОДПОЛКОВНИК

/РУДЕНКО/

прос начат 15.XI в 1400
окончен 15.XI в 16-45ч.

*Верно: Секретарь Кардато Килишова
Внутренний дел. Сек. 1-107 215.
Сейткосова*

6 11
К о п и я

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1943 года, ноября месяца 12 дня г. Киев

А: Оперуполномоченный 2 управления НКГБ УССР - старший лейтенант государственной безопасности МОСТОВОЙ, сего числа допросил в качестве свидетеля, о сжигании трупов жертв немецких оккупантов во время их пребывания в г. Киеве -

гр-на СТЕЮКА Якова Андреевича, 1915 года рождения, урож. г. Хотин /Бессарабия/, еврей, гражданства СССР, из семьи служащего, беспартийного, по профессии радиотехника, образование - незаконченное высшее, проживающего - г. Киев, Межигорская №-30, кв. 17.

ВОПРОС: Где вы проживали и чем занимались до начала отечественной войны?

ОТВЕТ: До войны я проживал в г. Черновицах. Проживая в указанном городе с 1924 года, первое время я занимался в гимназии, политехническом институте в Бухаресте и отбывал воинскую повинность в румынской армии. После прихода Советской власти, в июне 1940 года я работал начальником планового отдела Черновицкой трикотажной фабрики "Геркулес". На этой должности меня и застала война, начавшаяся вследствие вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз.

ВОПРОС: Каким образом вы оказались в Киеве?

ОТВЕТ: 2 июля 1941 года, с группой рабочих я эвакуировался из Черновиц в глубь страны, имея предписание явиться в Киевский Главтрикотаж. 8 июля в г. Проскурове группа рабочих, с которыми я передвигался, не могла продвигаться дальше, так как в ночь с 7-го на 8-е июля город был занят немецкими войсками. Многие рабочие моей группы погибли от немецкого террора, лично же я скрылся и ушел в Каменец-Подольск. Здесь, скрыв свою истинную национальность, мне удалось устроиться на работу кладовщика в нефтебазу, где проработал до 18 августа 1942 года. Ввиду угрозы быть расстрелянным и подвергнутым аресту, я добился перевода в г. Киев в областное управление немецкого Нефтеобъема /Фирма "Украинэл"/, где и работал с 18 августа 1942 г по 7 июня 1943 года.

/на обор./

ВОПРОС: Что послужило причиной Вашего перерыва в работе?

ОТВЕТ: Причиной перерыва работы послужил мой арест органами "СД" /гестапо/. Арестовали меня 7 июня 1943 года, предъявив обвинение, что я "неарийского" происхождения и являюсь по национальности евреем.

ВОПРОС: Сколько раз Вы подвергались допросу в органах "СД" и каким образом Вам удалось скрыть свою истинную национальность?

ОТВЕТ: Допросу в органах "СД" я подвергался один раз, а именно: 9 июня. Когда я категорически стал отрицать свою национальность, они подвергли меня медицинскому осмотру, который был произведен их штатным врачом - ЛАЗАРЕНКО, признавшим меня еврейской национальности. Просидев без дальнейших допросов в камере "СД" /Короленко 33/ до 25 июня, в этот день меня направили в Сырецкий лагерь.

ВОПРОС: По прибытии в Сырецкий лагерь, Вы подвергались допросу?

ОТВЕТ: Да, в первый же день, по прибытию в лагерь, меня вызвали, спросили национальность и когда я настаивал на своих показаниях, что я не еврей, меня жестоко избил вследствие чего был переломан мизинец правой руки и снова водворили в лагерь, в специально оборудованную землянку, предназначенную для евреев /землянка №-2/. Как впоследствии я узнал из рассказов других заключенных и личной беседы с дежурным ССовцем - РАДЕР, заключенные землянки №-2 были обречены к последующему физическому истреблению.

ВОПРОС: Расскажите подробно, что Вам известно о факте сжигания немецкими оккупантами трупов - жертв террора?

ОТВЕТ: Будучи направлен 18 августа 1943 года, в числе других 100 человек, для работы в "Бабий Яр" /место массовых расстрелов населения города Киева/, находящийся под ведением "СД". По прибытии в "Бабий Яр", нам всем надели на ноги кандалы, в которых мы оставались день и ночь и в лагерь больше не возвращались.

Необходимо отметить то обстоятельство, что охрана здесь состояла не из украинских полицаяв, как это было в Сырецком лагере, а исключительно из специально подобранных немецких жандармов. Первое время мы не знали смысла и цели наших "землянных работ" /раскопок/ и лишь на шестой день, когда вырыв яму глубиной около 4-х метров, было обнаружено большое количество человеческих трупов, среди которых были женщины, старики и дети.

7

3.

ВОПРОС: Могли бы Вы в настоящий момент указать место раскопок?

ОТВЕТ: Да, место раскопок в "Бабьем Яру" я хорошо знаю и даже могу указать место, где закопано железо для постройки площадок, на которых сжигались трупы.

ВОПРОС: Каким образом производилось сжигание трупов?

ОТВЕТ: Частично трупы вырывались из ям крбчками, частично механическим путем при помощи экскаватора типа "Полик". Извлеченные трупы укладывались слоями на специально устроенные площадки таким порядком, что после каждого слоя трупов укладывались дрова, обливались отработанным автотом, смешанным с керосином, а затем, когда были уложены несколько слоев трупов и дров общей высотой до четырех метров, площадка поджигалась и таким образом сгорало одновременно около 5 тысяч трупов. Таких площадок за время работы с 18 по 29 августа было устроено не меньше десяти штук.

ВОПРОС: К какой категории лиц Вы можете отнести трупы раскопанных и сожженных жертв фашистского террора?

ОТВЕТ: Как я уже отметил выше, подавляющее большинство откопанных трупов состояло из гражданского населения, в числе которых были, как женщины и мужчины различных возрастов, а также и дети. Лишь в одном месте "Бабьего Яра", где обнаружено было около 2.000 трупов, по наружному виду и сохранившейся одежде можно было заключить, что это трупы расстрелянных военнопленных из числа командного состава Красной Армии.

ВОПРОС: Назовите лиц, руководивших работами по раскопке и сжиганию трупов?

ОТВЕТ: Из лиц, руководивших работами по раскопке и сжиганию трупов, персонально я знаю нижеследующих: штурмшарфюрер "СС" - ТОПИДЕ, который являлся техническим руководителем работ и был одновременно самым жестоким по отношению к работающим арестантам. Он лично расстреливал провинившихся арестантов и, видимо, участвовал сам в массовых расстрелах мирного населения гор. Киева в 1941 году, так как он знал все места, где были зарыты трупы жертв фашистского террора. Его помощниками являлись: гауптвахмейстер жандармерии - МЭРКЛЬ /из Мюнхана/, гауптвахмейстер жандармерии - ФОТТ, роттенюрер - РАВЕР и другие фамилии, которых я

/ на обор. /

не могу назвать. Необходимо отметить то обстоятельство, что немцы придавали работам по раскопкам и сжиганию трупов исключительную серьезность, что можно было судить из того, что почти ежедневно место раскопок посещалось лично командором "СД" /полковник войск "СС", фамилии которого я не знаю/, и его заместителем - майором войск "СС".

ВОПРОС: Каким образом Вам удалось избежать расстрела?

ОТВЕТ: Совместно с двумя арестованными из числа работавших по раскопкам и сжиганию трупов, являвшимися по специальности слесарями, нам удалось подобрать ключ к замку от землянки, в которой содержались арестанты в "Бабьем Яру", и этим ключом ночью 28 на 29 сентября 1943 г. открыть дверь землянки, которая была в виде решетки, расковать пиццами и зубилом, приобретенными слесарями работавшими на экскаваторе, кандалы у 30 человек арестантов и этой группой бежать из "Бабьего Яра", предварительно забросав песком и камнями дежурного постового вооруженного автоматом.

ВОПРОС: Назовите, кого из лиц бежавших из "Бабьего Яра" знаете Вы персонально?

ОТВЕТ: Персонально я знаю следующих товарищей, бежавших совместно со мною:

1. БАКАНОВ Георгий - инженер-строитель работавший до ареста на мельнице в гор.Василькове;
2. ЕРЦОВ Федор, работавший до войны в органах НКВД и во время оккупации являвшийся членом подпольной партийной организации, действовавшей в районе Киева и был связан с партизанским отрядом;
3. Слесарь - КАДОНСКИЙ Леня, работавший до ареста начальником цеха ткацкой фабрики гор.Киева;
4. Радиотехник из села Мотовиловка по имени Николай, фамилии и других данных о котором я не знаю;
5. Десятник - из местечка Полоное, Каменец-Подольской области, работавший в лагере портным;
6. Слесарь - Владимир, фамилии которого я не помню, однако знаю, что он житель гор.Киева и приятель КАДОНСКОГО;
7. ДАВИДОВ Владимир, техник-строитель, житель гор.Киева, и другие лица, фамилий которых я не знаю. Где находятся указанные мною лица в данный момент, мне ничего неизвестно.

8

5.

ВОПРОС: Где Вы скрывались после побега из "Бабьего Яра"?

ОТВЕТ: После побега из "Бабьего Яра", я первые сутки провел в одном подвале в районе Курензюка, а 30 сентября направился к сотруднице по работе - АДАМЧУК Брониславе, проживающей в Киеве по ул. Полевой №-2, где я находился до 16 октября. С Полевой улицы я ушел к своему сотруднику по работе - т. СВИДЕРСКОМУ, являвшемуся нач. штаба партизанского отряда железнодорожного райкома партии и проживавшему на Межигорской улице дом №-30, кв. 17, где и нахожусь по настоящее время?

ВОПРОС: Что Вы желаете еще добавить к своим показаниям?

ОТВЕТ: Я желаю добавить то, что сжигаемые трупы подвергались тщательному обisku, в процессе которого извлекались все ценные вещи, обнаруженные в одежде и вырывались золотые зубы. Кроме того я желаю добавить то, что привезенные для сжигания свежие жертвы "СД" носили характер явного удушения, полученного в герметически закрытом кузове автомашины, в который, видимо, впускался для этой цели отработанный газ из выхлопной трубы автомашины, в которой доставлялись новые жертвы фашистского террора для сожжения.

ВОПРОС: Часто ли возили указанной машиной жертвы для последующего их сожжения в "Бабьем Яру"?

ОТВЕТ: В среднем машина приезжала по два раза в каждый понедельник и пятницу каждую неделю за период моей работы. Из машины в среднем выбрасывали 40-15 трупов удушенных людей.

ВОПРОС: Чем Вы можете развить и дополнить свои показания?

ОТВЕТ: Больше дополнить свои показания ничем не имею. Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан, в чем и расписываюсь - Я. СТЕЮК.

ДОПРОСИЛ: ОНЕРУЧНОМОЩЕННИЙ 2 УПР НКГБ УССР
СЕРГЕЙ ЛАВРЕНКО

- МО С Т О В О Й -

В е р н о: ЗАМ НАЧ ОТДЕЛА УНКГБ по КИЕВСКОЙ ОБЛ.
СЕРГЕЙ ЛАВРЕНКО

28/1143.
г. Киев

Лавренко
ЛАВРЕНКО -

Заява в київську Надзвичайну Державну комісію з встановлення і розслідування злочинів німецько-фашистських загарбників та їхніх спільників колишнього ув'язненого Сирецького концтабору, учасника спалення трупів у Бабиному Яру І. Бродського ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3. спр.243-б, арк. 29-31

29

Сирецької комісії по розслідуванню
звершень, дійшли до врання окупації
Кемпфем Т. Києва.

м. Бродське. Усада Лайсевича,
проче. 4-й Дачня 8-й кв 50.

Заявление,

После того когда я попал в орудие
под Туркменом это было в 1941 году в сентябре
месяце, меня немцы задержали на ст. Борзана
и давали охранять отряда НКВД, но когда
немцы установили что я еврей меня хотели были
расстрелять, но мне немцы дали офицер. Выходили
две пумы по дороге неподалеку, меня так же
поделили к Вешняке и хотели повесить, но стали
от них бежать и подбежали к поезде, где
еще были немцы то мне дали из прогона.
Когда мы с друзьями проехали то на одной
поезде оказался поезд бас, меня немцы
заставили играть и играть им, когда я
играл вокруг меня собралось 12 немцев
и кричали под кают, после того когда я
им отыграл, меня заставили что-бы я
выстроил всех немцев которые там
работали, я командовал все немцы
выстроились, а на меня напали
верейку через канаву и я маршировала
вдоль станицы. После все издевательств
я отправил в лагерь где было 20-и
мечей это было на территории Барченков
с разрывом, здесь ^{меня} андреем на расстрел
привели, но меня удавалось здесь провести
стальных отправил Дарницкий
туда я совершил Гринид
и-в стал документ.

и наши друзья по сскам, так как
 было переделано, где я был
 задержан в сс Вилья-Дубинский
 и работам там уборщиком, чистил
 коммунальскому садам и так же все
 коммунальским, мои дела, но мы так же
 знаем о том, что сделано кожно, и привели
 в Т. Киев и т. п. Свидетельский знает его
 как коммуниста от нас помог а именно
 взял квартиру по 4ой дачной в 3 и я
 там стал жить, и тут же справился но
 когда 17 января 1943. Я ушел по улице
 моей отца Гриватина по фамилии Шинка
 предан в руки коммунист, андзя меня
 передал в госпиталь, где меня издевали
 и мучили. Но бы я введи организацию
 так как я иврей и нем в, Киев, и
 мучили я много слышу с погубившей
 организацией, носил всех зверских допросов
 и т. п. отправлен в серпуховскую лагерь. Там
 в вавреия предвечия в серпухов
 лагерь, были массовые и одноконные
 астрель арестованы, за то что
 совершил побег с лагерь, а тех кого
 обвинили что совершил побег и т
 всемаи, это я видел своими глазами,
 так же замечали тогда изги
 верхушку дерева, а затем это дерево
 мучили и рожали падаю убивают либо
 юванса кемкой, где похородам санныи
 и бригады лагерь и добивали, одит
 выходящих бригады это Владимир
 трав которого я задержан в Т. Киев
 и т. п. После
 снах мои
 отправа
 чнов да
 в. нас в Комитет
 пади. Др на
 от Лисенко

Люди которые были и работали в Баденом
 Гру были все закованы в цепи, 18
 в специальных складах, где работали
 в Гру саживали мртвях. Люди
 в штабеля на специальной подготовленной
 перди, обшивали кертом, а затем
 поднимали и люди стояли до потолка.
 где мы этот перд просеивали на
 специальном решете и находили
 мелкие вещи где мы их забирали,
 помещая это за время нашей работы
 по сжиганию трупов в Баденом Гру
 мы считали 70 тысяч трупов,
 мы также причинос выкапывали матросов
 которых мыслу расстреливали, все эти
 матросы были захвачены и во всех руды
 были связаны. Назад мы все
 как это и нас ведет назад у нас
 то и нам придется ночевать на
 досках, мы в ночь на 29 сентября 1943г.
 вершим подер раскопались в землянке
 а затем открыли землянку и стали
 вылезать, но нас задержали охранники
 там, где много товарищей пошло.
 мы и еще другим товарищам
 расстреливали отменя в лесу.
 в время того когда я бежал из
 и, которой я был закован я вбежал
 склада который нас заковывали и который
 был ~~открыт~~ (или)

З протоколу допиту в НКВД в якості свідка учасника спалення трупів у Бабиному Яру Берлянта С.Б. 16 листопада 1943 р.
ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 277, арк. 1-3

1943 года, ноября 16. Из протокола допроса свидетеля гражд. Берлянта С.Б. о попытках немецко-фашистских палачей скрыть следы своих дьявольских преступлений в "Бабьем Яру" и организация побега заключенных.

В сентябре 1943 года я и еще 8 человек, по национальности евреев, были направлены в "Бабий Яр", где нас в первую очередь заковали в кандалы и, примерно, с 2-3 сентября 1943 года я, совместно с другими, работал на раскопке и сжигании трупов расстрелянных немцами советских граждан и военнопленных и зарытых в земле.

В первое время нас работало человек 320, а потом число менялось. Работали мы по 12-15 часов в сутки. Разрывали ямы, извлекали трупы наверх, над этими ямами ставилась временная железная решетка и "печь", на которую ложились сосновые доски, сверх досок ложили, примерно, по 300 человеческих трупов в один ряд, сверх трупов снова ложились дрова, все это обливалось нефтью и поджигалось. Закладка одной печи составляла, примерно, до 3000 трупов, так как накладывалось трупов по несколько рядов. Таким образом, было сожжено, примерно, тысяч 70 трупов.

После того, как все трупы были вырыты и сожжены гестапо - немцы стали привозить удушенных газом людей, трупов 70-80 в машине и также сжигались.

Все мы 180 чел. работали закованные в железных цепях. Кормили нас: в 6 часов утра ежедневно нам

давали по литру несладкого, без хлеба, кофе, в обед литр супу без хлеба и в ужин - литр кофе, по 200 граммов хлеба, в большинстве случаев просяного. Люди буквально обессиливали и работать не могли. Таких людей жандармы избивали палками, прикладами винтовок и другими предметами и под видом отправки их в концлагерь - расстреливали и сжигали в этих же печах.

Помещались мы в небольшой землянке 180 чел., воздуху никак не хватало, было сильно душно, люди болели, но сказать об этом было нельзя, так как за это могли сжечь на костре.

Видя, что делать нам уже нечего, мы сделали для себя вывод, что нас ожидает смерть на вновь нами сделанной печи из колод, мы стали готовиться к побегу.

Инициатором побега был бывший сотрудник НКВД Яша, фамилии я его не знаю, и другие товарищи. Яша достал где-то ключ к двери-решетке и мы готовились всю ночь на 29-е сентября 1943 года, многие друг друга расковали и в четыре часа утра отомкнули дверь и с криком "ура", "вперед", стали один за другим выбегать из землянки. Жандармерия открыла по нас из автоматов огонь и начала освещать ракетами местность и многих постреляла.

Мне, Дубинину Давиду, Островскому Леониду, Давыдову Владимиру и другим товарищам удалось убежать. После того я скрывался на кирпичном заводе по Селецкой

улице г.Киева до вступления частей Красной Армии в г.Киев.

Кроме всего этого, необходимо отметить тот факт, что пепел сгоревших трупов толкли, просеивали, находили золотые и другие ценности, которые забирали немцы. После этого они зарывались.

АЧК, ф.Киевская область,
дело № 6, листы 1-2.

Из заявления под присягой от 25.10.1945 г. в Дахау бывшего обервахтмейстера охранной полиции Герхарда Адамеца о сжигании трупов в Бабьем Яру ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 256, лл. 270–283. Документ опубликован в: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Ред. К. П. Горшенин и др. Том 1. – Москва, 1954. – С. 641–645.

Приблизительно 5 сентября 1943 г. мы, 40 служащих охранной полиции из отряда 1005б, покинули Днепропетровск и были направлены в Киев. Киев является столицей Украины. Нас поместили на несколько дней в казармах киевской охранной полиции. Приблизительно 10 сентября нам было объявлено, что мы должны направиться для подкрепления группы, которая несла службу вблизи Киева, однако нам при этом не было сказано, какую мы будем выполнять службу. Эта группа, как мы узнали позднее, обозначалась номером 1005а. В тот же самый день из отряда 1005б пришел приказ, чтобы нас погрузить на грузовики и отвезти на старое кладбище, расположенное приблизительно в 5 км от Киева. Наш лейтенант Винтер приказал нам сойти с грузовиков, и на кладбище нас построили по 3 человека. Насколько я помню, ни один из людей службы безопасности не присутствовал на месте. Наш лейтенант Винтер доложил о нашей колонне обер-лейтенанту Ханишу, командиру взвода охранной полиции отряда 1005а. На этом месте пахло трупным запахом, который одурманивал нас, мы закрывали носы и придерживали дыхание. Обер-лейтенант Ханиш обратился к нам с речью, из которой я помню следующие отрывки: «Вы прибыли на то место, где вы должны нести службу и поддерживать своих товарищей. Вы уже чувствуете запах, который исходит из кухни, находящейся позади нас.

Мы все должны привыкнуть к этому, и вы все должны исполнять свои обязанности. Нужно будет охранять заключенных, и очень тщательно.

Все, что здесь происходит, – это секретное дело империи. Каждый из вас отвечает своей головой, если у него убежит заключенный. И помимо этого данный человек будет подвергнут особому обращению. То же самое ожидает того, кто что-либо выболтает или не будет достаточно осторожен в переписке. Каждый приказ, который будет дан, должен беспрекословно выполняться».

После этой речи обер-лейтенанта Ханиша нас вывели для того, чтобы познакомить с местом, где мы должны были нести службу. Нас вывели с кладбища и привели к прилегающему полю. Дорога, которая шла через это поле, была с обеих сторон оцеплена полицейскими, которые отгоняли всех приближающихся лиц. На поле мы увидели около 100 человек заключенных, отдыхающих от работы. Ноги каждого заключенного были закованы в цепи, приблизительно 3,5 м длиной. Заключенные были одеты в гражданскую одежду. Насколько я мог судить, заключенные были евреями. Я не мог установить их национальность или другие какие-либо подробности. Я не мог

сделать этого и позднее, так как служба безопасности строго запрещала разговаривать с ними или даже приближаться к ним.

Работа заключенных состояла в том, как мы узнали впоследствии, чтобы выкапывать трупы, которые были зарыты здесь в двух массовых могилах, переносить их, складывать в две огромные груды и сжигать.

Трудно установить, однако я предполагаю, что на этом месте было погребено от 40 до 45 тысяч трупов. В одном противотанковом рву была устроена могила, которая частично была заполнена трупами. Этот ров был длиной 100 м, 10 м шириной и глубиной 4–5 метров. Вторая массовая могила находилась по другую сторону дороги, приблизительно в 200 м от противотанкового рва. Во второй массовой могиле находилось около 15 тысяч трупов. Здесь были трупы и большие и маленькие. Можно предполагать, что это были мужчины, женщины и дети. Я никогда не мог узнать, от чего умерли эти люди или каким образом они были убиты. Я думаю, это были евреи, гражданские лица. Однако нельзя было точно установить, так как трупы сильно разложились. От одежды ничего не осталось. Трупы были погребены, по видимому, более года тому назад, и от них ничего не осталось, кроме скелетов. Я только один раз взглянул на эти трупы и позднее никогда не делал этого, так как от трупного запаха мне делалось плохо, и на многие месяцы я потерял аппетит.

В тот день, когда мы прибыли на это место (около 10 сентября 1943 г.), на поле было 3–4 небольшие груды трупов. Каждая такая груда состояла приблизительно из 700 трупов, была около 7 м длиной, 4 м шириной и 2 м высотой. В самом противотанковом рву, который частично был уже очищен, находились три больших кучи трупов, каждая по 2 000 человек. Около 8 м длиной, 3 м высотой, 8 м шириной. Позже нам было сказано, что эта работа (выкапывание и сожжение трупов) уже была начата приблизительно за месяц до прибытия отряда 1005-б. Как здесь, так и в других местах я наблюдал следующий метод работы (сожжение трупов), который применялся: посредством железных крючков трупы стаскивались в определенное место, а затем складывались на деревянный настил. Затем вся груда трупов обкладывалась дровами, обливалась нефтью и бензином и поджигалась.

Нас, полицейских из отряда 1005б, потом повели обратно на кладбище в кухню. Однако никто из нас не мог есть из-за жуткого запаха и из-за воспоминаний о виденном. Потом нам было сказано, что мы должны помогать полицейским из отряда 1005а, который состоял из 40 полицейских и из 6–8 человек службы безопасности, чтобы организовать внутреннюю и внешнюю цепь постов. Служба полицейских заключалась в том, чтобы нести охрану, в то время как чиновники службы безопасности следили за работой заключенных (выкапывание, складывание и сожжение трупов). Внутренняя цепь постов следила за тем, чтобы ни один заключенный не смог убежать. Эта цепь образовывала большой круг, приблизительно в 100 м от места, где работали заключенные. Внешняя цепь следила за тем, чтобы не подходили близко некомпетентные люди (гражданские или военные).

В своей речи приблизительно 10 сентября 1943 г. обер-лейтенант Ханиш заявил, что все, что здесь происходит, и все, что мы увидели, является секретным делом империи и в том случае, если мы выболтаем об этом каким-либо образом третьему лицу, то мы сами и наши семьи, а также и соучастники будут подвергнуты особому обращению и устранены. В этот или на следующий день (11 сент. 1943 г.) нам было приказано подписать бумагу, которая называлась «секретное дело империи»,

где речь шла о вышеуказанном.

Работа по выкапыванию и сожжению в Киеве шла по такому же методу, как я описал раньше, и продолжалась до 1.10.43. Оберштурмфюрер Бауман из группы «а» бывал там не менее одного

раза в день, а Кауфф из группы «б» нес там службу постоянно. Из людей, служивших в службе безопасности в Киеве, насколько я помню, были Лёве и Херрман. Фидлер и Крейчевски остались в Днепропетровске у гауптштурмфюрера Цитлова. Насколько я знал, Цитлов давал приказы командиру взвода группы 1005б лейтенанту Винтеру, в то время как оберштурмфюрер Бауман отдавал приказы командиру взвода группы 1005а обер-лейтенанту Ханишу. Во время киевского периода группа «б» подчинялась оберштурмфюреру Бауману. Позднее мы подчинялись

до Львова снова гауптштурмфюреру Цитлову. Во Львове мы были подчинены гауптштурмфюреру Хельфсготту. Цитлов, Хельфсготт и Бауман получали приказы, насколько я знаю, от штандартенфюрера Блобеля. Штандартенфюрер Блобель инспектировал эту работу один раз в Киеве приблизительно 20 сентября 1943 г., я его видел там один раз, он, возможно, навестил оберштурмфюрера Баумана, квартира которого находилась над кухней. Лёве и Херрман несли автослужбу, во всяком случае, я не видел, чтобы они наблюдали за работой. Горы трупов только тогда сжигались, когда одна гора или больше были готовы, покрывались дровами и обливались нефтью и бензином. Заключенные получали обильную и до некоторой степени хорошую пищу, и я видел однажды, как они получали во время работы водку. Они работали с 7 часов до 18 часов и имели 1–2 часа обеденного перерыва. Заключенные в Киеве и в других местах, где мы должны были стоять на постах [в качестве] охранной полиции, были разбиты службой безопасности на рабочие группы в 30 человек, за которыми наблюдал надзиратель, который сам являлся заключенным. Вся работа находилась под наблюдением сотрудников СД. В Киеве на этой работе вначале было занято 100 человек заключенных, но позднее это число увеличилось примерно до 330 человек. Заключенные жили в деревянных бараках, которые наполовину уходили в землю и снаружи были покрыты песком; находились они примерно в 100 м от массовой могилы в противотанковом рву. Мы, полицейские, жили в двух деревянных бараках на другой стороне дороги в 2 км от этого места. Мы, полицейские, несли эту службу против своей воли, но мы должны были выполнять приказы, иначе мы могли бы подвергнуться наказаниям. Мы даже долго обсуждали вопрос, что, возможно, среди нас находится неузнанный сотрудник СД. Мне самому казалось, что я являюсь рабом времен средневековья, мы, полицейские охранной полиции, работали в страхе.

Примерно 29 сент. 1943 г. в 4.15 во время сильного тумана убежало человек 30 заключенных. Они сорвали свои ножные цепи, с ревом вырвались из своих барачков и разбежались в разных направлениях.

Человек 6 было убито, остальным удалось уйти из-за сильного тумана.

Во время наших безуспешных поисков пришел оберштурмфюрер Бауман и сказал нам после нашего возвращения: «Вы знаете, что то, что здесь происходит, является секретным делом империи и что, если убежит кто-либо из заключенных, вы будете отвечать за это своей жизнью и вы также тогда будете брошены на одну из этих куч». Мы оправдывались тем, что виновато СД, которое недостаточно хорошо охраняло землянки. СД было ответственно за побег заключенных. Бауман нам сказал: «Вы можете выбрать себе место на куче», но в этот день ничего не случилось. Мы были тотчас же допрошены и через два дня нам сказали, что 14 полицейских (которые в ту ночь дежурили) и обер-лейтенант Ханиш, который отвечал за оба взвода охранной полиции, должны быть подвергнуты особому обращению. Нас посадили в одиночные камеры предварительного заключения в тюрьме СД в Киеве. Мы, 14 полицейских, а также обер-лейтенант Ханиш оставались там в одиночных камерах предварительного заключения около 10 дней, с 1 октября 1943 г. до приблизительно 10 окт. 1943 г. Я запомнил эту дату, так как 1 октября является моим днем рождения. Еда наша состояла из картофельной шелухи и хлеба, причем каждый день одно и то же. Только из сотрудников СД никто не был заключен. Мой друг Франц Матиссек сказал мне, что в то время, когда нас посадили, оберштурмфюрер Бауман обратился с речью к группам 1005а и 1005б, в которой он заявил, что он имеет полное право расстреливать любого из нас, а также и вообще тех, кто отказывается нести положенную службу.

Спустя 10 дней мы были вместе с 12 товарищами и обер-лейтенантом Ханишем выпущены (верхушка взвода охранной полиции группы «а» осталась в заключении). Нам сказали, что мы должны нести службу и дальше, имея дисциплинарное взыскание [...]

Повідомлення Надзвичайної Державної Комісії про зруйнування та знущення, вчинені нацистськими окупантами в м. Києві та в Бабиному Яру. 29 лютого 1944 р. ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 280, арк. 1-8

1944 г. ФЕВРАЛЯ 29. — ИЗ СООБЩЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОР. КИЕВЕ.

МАССОВОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНЫХ ГРАЖДАН И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ.

Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в "душегубках". Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивали об"явления о расстрелах: " В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа. Киев, 22.X-1941 года. Комендант города". Или: "Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Киев, 2 ноября 1941 года. Эбергардт, генерал-майор и комендант города".

Фашисты массами убивали мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Так, 14 октября 1941 года в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды несколько дней, а затем расстреляли в

овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 года.

Вот что сообщили об этой кровавой расправе профессор Е. А. Копытский, врачи А. Г. Дзевальтовская, Т. К. Пенская, И. М. Фарбер, А. И. Евстафьева и медсестра Е. Ф. Троицкая: " В больницу прибыли автомашины. В эти машины " душегубки" начали вталкивать больных, приблизительно по 60-70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных". Организаторами этих убийств были: немецкий руководитель здравоохранения при генеральном комиссариате - Гросскопф и врач военного лазарета - Вольм.

Убийствам часто предшествовали садистские потязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившимся в Киево-Печерской лавре.

Убивали мирных граждан якобы за принадлежность в советско-партийному активу, за связь с партизанами, убивали и без всяких мотивов.

Зверствовали немецкие бандисты и в Дарницком и в Сирецком лагерях. Мирных советских граждан и военнопленных заставляли выполнять тяжелые изурительные работы, подвергали неслыханным издевательствам и убивали. В Сирецком лагере орудовал пьяница, садиот штурмбаннфирер Радомский и его помощник Ридер.

Радомский и Ридер всячески ухищрялись в потреблении советских людей. Они, например, "изобрели" следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпаливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Или: Радомский собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и тут же расстреливал.

Гитлеровские бандиты сожгли 29 сентября 1941 года на угол улицы Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживавшие вблизи Бабьего Яра граждане Н.Ф.Петренко и Н.Т.Горбачева рассказывали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. "Ярко заметно, как слой земли невелился от движения еще живых людей".

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работ по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сирецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС -Торайде, сотрудники жандармерии Йоганн Меркель, Фохт и командир взвода СС-Резер.

Свидетели Д.К.Островский, С.В.Вернянд, В.В.Давидов, Я.А.Стежк, И.М.Вродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 года, показали: " В качестве военнопленных мы находились в Сирецком концлагере, на окраи-

не Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали широкую площадку, на которую клали рельсы, а на рельсы укладывали как колосники железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова-слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500-3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вилочки, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того, как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т.д. Кости трамбовками разбивались на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12-15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега - 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах".

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии, после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков были произведены раскопки в местах массовых истреблений советских людей в Сирепком лагере, в Бабьем Яру, в Дарнице и других местах. В раскопках приняли участие немецкие военнопленные. После окончания раскопок

немецкие военнопленные подали следующее заявление:

" Нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, совершенных над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскопки пяти из многочисленных ям. Только в двух местах нами было обнаружено 160 убитых русских граждан. В других местах мы натолкнулись на бесчисленные остатки сожженных тел, одежды и костей. Мы утверждаем: ж здесь, в Киеве, были произведены массовые убийства, невероятных размеров, русского гражданского населения, жертвы которых доходят до несколько десятков тысяч мужчин, женщин и детей. Кто это делал - известно. Это немецкие оккупационные войска, преимущественно соединений СС, СД и полевой жандармерии". Следуют подписи, среди них: майор-интендант 208-Лау, штабной врач 246 полка-доктор Гелленбрандт, врач-ассистент 3-го батальона 76-го полка-доктор Веккер; военный священник евангелистской церкви 208 Круммахер; лейтенант 208 Вигге; лейтенант 215 батальона Гергард и другие.

Специальная Комиссия в составе: председателя Н.С. Хрущева, членов Комиссии: Наркомпроса УССР академики-П. Тичина, Секретаря Союза Советских писателей УССР академика М. Рыльского, Кандидата биологических наук Академии Наук УССР - Д. Марковского, с участием медицинских экспертов: профессора Я.И. Пивовонского, Ю.В. Крамаренко, А.М. Зюкова и судебно-медицинского эксперта, профессора

Н. А. Шепелевского, в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии В. Д. Шевцова установила, что по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отравлено в "душегубках" более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

1. В Вабьем Яру свыше 100 тысяч мужчин, женщины, детей и стариков.
2. В Дарнице - свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.
3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря - свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы - 800 душевнобольных.
5. На территории Киево-Печерской лавры - около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище - 400 мирных граждан.

На основании заявлений советских граждан, протоколов опроса, свидетельских показаний, материалов Специальной Комиссии, заключений Судебно-Медицинской Экспертизы и личным расследованием, произведенным членами Чрезвычайной Государственной Комиссии - Николаем Митрополитом Киевским и Галицким и академиком И. П. Трайниним, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушения в городе Киеве, поголовное ограбление населения, массовые истязания и убийства мирных советских граждан и военнопленных произвели по указаниям германского правительства и верховного командования: рейхскомиссар

Украины Эрих Кох, заместитель рейхкомиссара фон Ведыльштадт, главнокомандующий армейской группой "ЕГ" генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал авиации Китцингер, генерал-лейтенант войск СС Бтнер, генерал-комиссар генеральной области Киева Магунья, руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбанифюрер Эрингер, СА бригаден-фюрер Квиттрау, коменданты города Киева — генерал-майор Эбергардт и генерал-майор фон Ремер, генерал-майор Виров, начальник бригады СС генерал-майор Лернер, СС штандартенфюрер Нордман, СС оберфюрер Гофман, генерал полиции Прицман, СС оберштурмбанифюрер Шпацель, командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Трсенфельд, начальник военно-воздушных сил Киевского гарнизона полковник Альтерман, руководитель оборонного участка "О" полковник фон Вессель, командир 304 полицейского батальона майор Векерт, коменданты гарнизона в Даркице капитан Прицковский и обер-лейтенант Кваст, СС штурмбанифюрер Гумперт, штурмбанифюрер Ралемский, его помощник Ридер, штатткомиссар Рогоауш, начальник бюро набора, доктор Яницкий, руководитель киевского бюро гитлеровской молодежи Брейер, штатткомиссар Берндт, шеф управления архивами, библиотеки и музеями при рейхкомиссариате Украины доктор Винтер, его заместитель доктор Венцинг, начальник исторического музея Штампфусе, врач военного лазарета Вольм, сотрудники штаба Розенберга доктор Розампф, сотрудник архивного управления доктор Ласке, старший лейтенант

частей СС Шмиц, военнослужащий частей СС, доктор Паульсен, руководитель здравоохранения при генерал-комиссарате, доктор Гроссманн, офицер СС топайде, сотрудники жандармерии Йогани Мэркель, Фохт и Рэвер, интендант Врэннер, шеф клиники театра Телли, шеф фронтального театра Векерс.

Все они должны понести суровую ответственность за чудовищные злодеяния, совершенные перед советским народом.

29 февраля 1944 г.

Спогади Миколи Панасика

Организація підпольної діяльності Боровської анти-фашистської комсомольсько-партійної молодіжної організації Фастовського району Київської області.

Я состою кандидатом в члени ВКП/б/ з 1940 года в парторганізації пос. Боровая, Фастовського району, працював старшим радіотехніком на пункті технічного радіоконтролю Московського науково-дослідницького інституту зв'язі. Во время війни я вивчав Укази фашистами із поселка Боровая я не евакуировался по независящим от меня причинам. /Приказ Київського прийомо-передаючого радіоцентра радіопункт не оставят, выполнять работу согласно указам Московской программы до последней возможности в обстановке военных действий/.

С занятіем німецько-фашистськими військами поселка Боровая 30/У11-41 года до мая 1942 года, я нігде не працював. В этот период времени пользуюсь имеющимся у меня радіоприймачем я слухав Москву, указания ЦК партии о неизбежной победе советских войск в войне с немецким фашизмом и эти сведения распространял среди населения п. Боровая и окружающих сел, за что, в конце августа 1941 года был, командантом куцовой поліції Скрипкой З.М. строго предупрежден. Несмотря на угрозу команданта, я Москву по радио продолжал слушать где и черпал соответствующие установочные данные, как вести себя, как кандидат в члени ВКП/б/ в глубоком тылу. Конспиративная квартира, где слушали сводки Совинформбюро и собиралась передовая молодежь пос. Боровая была у меня и у гр. Головки В.В. проживающего в этом же поселке.

Радіоприймач був смонтований мною спільно з Головки В.В. і поміщався в сидінні м'якого крісла на квартирі Головки В.В. /п. Боровая ул. Трубная № 2/.

Как кандидат в члени ВКП/б/, я в зацармерии и в поліції не регистрировался. В связи с угрозой ссылки на каторжные работы в Германию, я в мае месяце 1942 г. поступил на работу в качестве чернорабочего на лесозавод „Укрдрев..“ и „Промдрев..“ при поселке Боровая. Среди рабочих заводов я при посещении ряда сел Фастовского р-на, где нам приходилось бывать по вопросам покупки хлеба и продуктов в селах: Кашивка у гр-ни Пономиренко И., Черногородка, Мало-Половецкое у гр. Гончар, Козанка, Трилеса, Перевоз, Салтановка, Руликов, Оленовка, В. Мотовиловка и пр., я совместно с тов. Головки В.В. объяснял населению действительную обстановку и положение на фронтах, материалы из передовых статей газеты „Правда..“ и сводки Совинформбюро, которые мы слушали по радио и конспектировали.

За период 1942 г. до апреля 1943 года под моим влиянием и при помощи Головки В.В. организовалась подпольная группа молодежи в большинстве из комсомольцев и коммунистов, которая к концу 1942 года, кроме целей пропаганды и агитации против фашистов, задалась целью подготовить партизанский отряд.

Звядку очень плохого питания огневики-смертники ежедневно кушали трупное жареное человеческое мясо. При приходе к землянкам на ночевку было построение на котором на ломаном русском языке фашист спрашивал-кто сегодня кушал человеческое мясо-шаг вперед при. Выходило от 8 до 20 человек. Осмотрев всех была команда стать в строй. В яру стоял смрад разложения человеческих трупов и чад от сжигания трупов. Смертники были полураздетые, босиком, руки и одежда пропитанные трупным разложением, при приеме пидибаланды, никому не давали воды для мытья рук, руками пропитанными гноем и продуктами разложения трупов брали по 300 грамм просяного хлеба и 0,5 л баланды и тут-же около штабелей трупов принимали пищу. Некоторые товарищи вытирали руки о траву если она была рядом или о песок. После 12 часов работы нас загоняли в землянки выдавая каждому 0,5 л черного кофе и маленький кусочек просяного хлеба. В землянке стоял смрад разложения трупов, ползали миллионы вшей, блох, клопов, которые питались „живыми трупами“. Некоторые товарищи, в том числе и я, спасая ноги от прокола, снимали с трупов нижнюю одежду пропитанную продуктами разложения и обматывали свои ноги. У смертников если обнаруживали раны и нарывы на руках или ногах, немедленно расстреливали и складывали в штабеля и сжигали. Матрацов, одеял, подушек не выдавали, спали-часть на нарах, часть на земле под нарами. Приведшие позже в лагерь смерти занимали свободные места на земле под нарами, полураздетые лежали на земле остывали-коченели руки и ноги и части тела, которые находилась на земле. Я и Матвеев лежали под нарами от дверей 2-3 м. Ночь заснуть было очень трудно, так как с нар на свежих поступивших людей набрасывались клопы, блохи, вши от которых отбиться было невозможно. Засыпали тогда, когда указанные паразиты нагвлись нашей крови успакаливались. Утром, в 8-00 все смертники стояли перед землянкой на построение колонной по 5 человек. С двух сторон колонны с хвоста и головы производилась проверка кандалов и количество смертников. При обнаружении тертости кандалов-смертник выходил из строя, становился на колени подымал руки вверх и говорил, что он больше в своей жизни никогда делать этого не будет, в этот момент свадя фашист стреляет из пистолета в затылок, смертник падает, четыре человека за руки и ноги уносят и укладывают в штабель для сжигания. Все оставшиеся смертники гремя кандалами уходят на свое рабочее место в яр. Вадя утасы гибли своих товарищей, расстрелы, стоны раненых и душераздирающие крики умирающих советских людей в душегубках, каторжные работы по откопке и сжиганию советских патриотов, тов. Матвеев М. в группах напел цыганскую пьеску и просил чтобы я ударил иголкой в затылок, чтобы наступил конец страданиям и мучениям. Я старался ободрить его надеждой на спасение. Я всегда ему говорил, что умереть ты всегда успеешь, скоро наступит твой день освобождения.

Находясь в первой землянке, я связался с коммунистами, подпольными работниками советских людей с тов. Ерловым Федором уполномоченным ЦК ВКП/с/ инспектором Васильковской мельницы, Орленком из Рославичи и другими ответственными работниками, которые

Таким образом инструменты и ключи были в наличии, но ключи необходимо было проверить в действиях. Это самое трудное и рискованное мероприятие от которого зависело спасение товарищей. Изучая методы вечерней проверки и обысков, выдвину узана в виде 0,5 л черного кофе, выдана остатка кофе, это и было использовано для проверки ключей в замке, который при открытой двери висел закрытым на проушине. Собралось около 6 человек у дверей в ожидании получения добавки кофе. Когда выдвинули добавку мы создали видимость драки и в этот момент в дверях образовывалась суматоха, два товарища, которые должны были проверить действие ключей закрыли спиной от охраны замок и в этот момент были опробованы ключи и один подошел, которым открыли замок и опять закрыли. Подбегала охрана, палками загнала товарищей в землянку и закрыла дверь на замок.

Таким образом инструменты для расковыря кандалов и ключ от замка дверей землянки проверен в действиях и находился в надежных руках у тов. Кривога.

К 28 сентября 1943 года в основном все работы по стиганию 110.000 трупов мёртвых жителей г. Киева и окрестностей подошла к концу. Лишние спешали, как можно скорее закончить, замаскировать свои чудовищные преступления перед народами мира, челоуеческий пепел забрасывали в овраг засыпали землей, облаживали местами дерном, тщательно маскировали. Нам призывали срочно заложить-подготовить открытую печь на 350 человек. Все мы поняли, что пришла очередь и к нам, что эта печь будет жечь нас. Нам удалось узнать, что 29/IX-1943 г. нас должны расстрелять а сжечь в печи, которую мы сами подготовили для себя. Немцы округляли работы, собирали разбросанную одежду, датскую обувь и подособым контролем следили, чтобы никаких признаков массового уничтожения нельзя было обнаружить.

Наступила самая тревожная ночь с 28-го на 29 сентября 1943 года. Мы твердо решили бить только ночью 29 сентября 1943 года. Погода к нашему побегу благоприятствовала, шел мелкий моросистый дождь, в яру сквозил ветер с дождем. Примерно в час ночи 29/IX-43 г. я первого расковыря своим инструментом уполномоченного НК ЗКП/б/ т. Кривога, после чего расковыря себя, передал инструменты Катвееву, далее Яше, Орленку, Кукле и другие стали готовиться к побегу. Во время расковыря образовался в землянке шум-охрана обратила внимание и часто просвечивала прожектором двери и замок землянки и спрашивала старшего землянки почему еще не спят. Он ответил, что шум в землянке произошел по той причине, что некоторые думали, что в бадоне осталось кофе, которое хотели выпить. Все уладилось и в землянке настала смертельная тишина, зевали только под норами нога и ножицы расковыря товарищей. Согни глаз вплылись в часового который стоял на вышке у пулемета. Он дернул руку в рукавах шинели и переступил с ноги на ногу. Незаметно просунулась через решетку двери рука, которая открыла ключем замок. Ключ был выдернут из замка, но замок продолжал висеть как будто бы закрыт.

В этот момент услышали шаги часового, который непосредственно охранял двери с замком. Мы замерли на месте — мелькнула мысль, что все провалилось — все фашисты обнаружили. Часовой по своей однообразной привычке направил протектором пучек света на замок — он оказался на месте. Постоявши около замка минуту, часовой стал идти по своему старому маршруту от замка к концу землянки.

Я с товарищами подготовились к побегу, выстроились в затылок по 4 человека по ширине открывавшейся двери. Со мной в первом ряду стал Матвеев, Орленко и еще один товарищ фамилии которого не помню. Тов. Брзов Ф. сказал, что я уполномоченный ЦК ВП/б/ по партизанскому движению на Украине, если кто останется жив, прошу сообщить в ЦК об этом. Доверил мне выводить товарищей из землянки. Замок был сброшен с петель, дверь открылась под напором товарищей и мы ринулись вверх по ступеням на поверхность земли. Я крикнул „под пулемет“, все бросались за мной, примерно через 5-6 секунд я оказался под вышкой пулемета с частью товарищей. Охрана стала стрелять из автоматов и пулемета. Звучала красная ракета, после красной небо осветили ярко-белые фонари, которые как будто бы висели над местом побега, стало темнее чем днем. После первых 10-15 шагов я оглянулся, все мои товарища лежали на земле и некоторые тяжело раненные кричали о помощи. Через 2-3 минуты я оказался на дне оврага — яра и вдоль яра стал бежать по направлению Днепра. Добежал к ручью через который был перекинут деревянный мост, я по мосту не пошел, а по колени в воде перешел на противоположный берег во двор одного хозяйства. Во дворе стояли немецкие военные машины. Когда я закрывал за собой калитку, оглянулся и увидел машину гестапо, которая остановилась на мосту и повернула пулеметы по направлению к Бабьему Яру, откуда был совершен побег. Пройдя автомашинны я вышел на окраину усадьбы и кустарниками побжал к противотанковому рву, который шел в Святошинский лес. Когда я прыгнул в противотанковый ров, там уже был мой товарищ Орленко, жена которого в то время жила в с. Рославича, Васильковского района. Посоветовавшись с ним, мы решили идти вместе подальше от строений, заметая за собой следы ветками сосны, опасаясь погони и ошарок. Поздь не переставал моросить. Мы выбрали в кустарнике подходящую яму от выкорчеванного пня опустили и легли спина к спине, укрывшись ветками от сосны. Наступал вечер, мы выползли из ямы и направлялись на окраину хутора. В одном из домов немного подкрепились узнали расположение окружающих сел и выбрали кратчайший путь в направлении Болрки ДЗДЦ. Днем мы прятались в кустарнике в оврагах, разбитых дотах, ночью мы продолжали двигаться по намеченному маршруту. В святошинском лесу ночью неожиданно наткнулись на просеке на группу немецких танков, которые стояли вдоль просеки с промежутками 50-60 метров. Мы свернули с просеки, шли вдоль нее в 30-40 метрах, чтобы случайно не натолкнуться на патруль немецких войск.